

РАЗВИНА МАРИ

18+

ТЕНЬ ИМПЕРИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мари Развина Тень империи

<https://litres.ru/74309123>

SelfPub; 2026

Аннотация

Последнее обещание матери приводит Амелию Картер к дверям особняка Моретти.

Она приезжает лишь затем, чтобы передать письмо незнакомому человеку и уехать.

Вместо этого узнает, что Лоренцо Моретти — ее отец.

С этого дня Амелия становится частью одной из самых влиятельных семей Лас-Вегаса и главной целью их врагов. Лоренцо запрещает ей покидать особняк, а охранять девушку поручает своему сыну — Нико.

Холодный. Опасный. Непрístupный.

Амелия не собирается подчиняться чужим правилам.

Нико не привык, чтобы ему возражали.

Их противостояние начинается с первого взгляда, но чем сильнее становится притяжение между ними, тем дороже может оказаться цена каждого сделанного выбора.

Содержание

1 Глава	5
2 Глава	27
3 Глава	43
4 Глава	64
5 Глава	82
6 Глава	95
7 Глава	118
8 Глава	147
9 Глава	181
10 Глава	201
11 Глава	219
Конец ознакомительного фрагмента.	232

Мари Развина

Тень империи

Тень империи

Последнее обещание матери приводит Амелию Картер к дверям особняка Моретти.

Она приезжает лишь затем, чтобы передать письмо незнакомому человеку и уехать.

Вместо этого узнает, что Лоренцо Моретти — ее отец.

С этого дня Амелия становится частью одной из самых влиятельных семей Лас-Вегаса и главной целью их врагов. Лоренцо запрещает ей покидать особняк, а охранять девушку поручает своему сыну — Нико.

Холодный. Опасный. Непрístupный.

Амелия не собирается подчиняться чужим правилам.

Нико не привык, чтобы ему возражали.

Их противостояние начинается с первого взгляда, но чем сильнее становится притяжение между ними, тем дороже может оказаться цена каждого сделанного выбора.

1 Глава

Амелия

Будильник разрывает тишину в шесть утра — противным, дребезжащим звуком, который я уже давно перестала ненавидеть. Он стал такой же частью моей жизни, как запах лекарств, счета за лечение и хроническое чувство усталости, поселившееся где-то под ребрами. Не открывая глаз, я нащупываю телефон на прикроватной тумбочке и отключаю сигнал прежде, чем он успевает разбудить маму.

Несколько секунд лежу неподвижно, рассматривая трещину на потолке. Каждое утро начинается одинаково. Каждое заканчивается одинаково. Иногда мне кажется, что последние три года превратились в один бесконечный день, в котором меняются только даты в календаре.

Я заставляю себя подняться с кровати, натягиваю серую толстовку поверх старой футболки и босиком выхожу в узкий коридор. Пол неприятно холодит ступни, но я давно перестала обращать на это внимание. До ванной не дохожу.

Как всегда.

Сначала — мама.

Дверь в ее комнату приоткрыта. Сквозь занавески пробивается тусклый рассветный свет, окрашивая стены в бледно-голубой оттенок. Мама уже не спит. Она сидит на кровати.

ти, закутавшись в мягкий клетчатый плед, и с сосредоточенным видом пытается открыть пузырек с таблетками. Пальцы дрожат так сильно, что пластиковая крышка снова и снова выскальзывает из рук.

Я тихо выдыхаю.

— Мам...

Она вскидывает голову и виновато улыбается.

— Доброе утро.

— Ты опять решила, что справишься без меня?

— Я просто не хотела тебя будить.

— Будильник уже сделал это за тебя.

Подойдя ближе, я осторожно забираю у нее пузырек. Она даже не сопротивляется. Наверное, потому что обе понимаем: если бы сопротивлялась, я все равно не отступила бы.

Крышка поддается с первой попытки.

— Предатель, — бурчу я, обращаясь к лекарству. — При мне открываешься сразу.

Мама тихо смеется.

— Просто ты умеешь быть убедительной.

— Еще бы.

Я вытряхиваю нужное количество таблеток на ладонь, наливаю из графина воду и протягиваю ей стакан.

Она принимает лекарства медленно, морщась от горечи, а я привычно наблюдаю, пока не убеждаюсь, что все таблетки проглочены. Только после этого позволяю себе немного расслабиться.

Этот маленький утренний ритуал давно стал обязательным.

Когда-то мама следила, чтобы я чистила зубы перед школой.

Теперь я слежу, чтобы она вовремя выпила лекарства.

Иногда жизнь любит странные шутки.

— Ты опять почти не спала, — замечает она, внимательно рассматривая мое лицо.

Я машинально касаюсь щеки.

— Это что, так заметно?

— Амелия...

Она всегда произносит мое имя одинаково. Спокойно. Мягко. Так, будто мне снова десять лет и я пришла домой с разбитыми коленями.

— У тебя круги под глазами становятся все темнее.

— Это новая мода.

— Не смешно.

— Зато бесплатно.

Мама качает головой, но уголки ее губ все равно приподнимаются.

Я ухожу на кухню прежде, чем она успевает продолжить разговор.

Наша квартира маленькая настолько, что закипевший чайник слышно из любой комнаты. Пока кофеварка лениво наполняет кухню запахом крепкого кофе, я автоматически открываю холодильник.

Яйца. Половина упаковки молока. Немного сыра. Пара ломтиков хлеба. Еще вчера этого казалось достаточно. Сегодня — уже нет.

Я быстро разбиваю яйца на сковороду, параллельно доставая телефон. Банковское приложение открывается слишком долго, словно специально испытывает мое терпение.

Я смотрю на остаток на карте. Этого хватит на аренду. На коммунальные.

На лекарства...

Я быстро открываю заметки, где уже несколько месяцев веду собственную бухгалтерию.

Обезболивающие заканчиваются через три дня. Новая упаковка стоит почти вдвое дороже предыдущей.

Я закусываю губу, мысленно переставляя цифры, будто от этого их станет больше.

Значит, придется взять еще одну смену в кофейне. И, наверное, согласиться выйти в воскресенье в бар. Спать снова будет некогда.

Ну и ладно. Я привыкла.

— О чем задумалась?

Голос мамы заставляет меня вздрогнуть. Она уже дошла до кухни и теперь стоит, опираясь рукой о дверной косяк.

— Я же просила не вставать.

— А я просила тебя перестать считать деньги каждое утро.

Я улыбаюсь, выключая экран телефона.

— Ничья.

Она подходит ближе и осторожно поправляет прядь моих волос, выбившуюся из небрежного хвоста.

— Ты совсем исхудала.

— Это называется спортивная форма.

— Это называется "моя дочь опять забывает завтракать".

Я ставлю перед ней тарелку с омлетом.

— Сначала ты.

— Нет.

— Мам...

— Сначала ты.

Мы смотрим друг на друга несколько секунд. Потом одновременно улыбаемся.

— Иногда мне кажется, — вздыхает она, — что характером ты пошла не в меня.

— Конечно.

Я беру вилку.

— Потому что это ты никогда не споришь.

Она тихо смеется — тем самым смехом, который в последние месяцы звучит все реже, — и на несколько секунд мне удастся забыть о больницах, анализах и бесконечных счетах.

В такие моменты почти можно поверить, что все еще будет хорошо. Почти.

Но стоит мне поднять взгляд, как я замечаю на столешнице аккуратно разложенные таблетки, медицинские выписки

и календарь, в котором красным обведена дата следующего приема у врача.

И иллюзия рассыпается так же легко, как скорлупа разбитого яйца.

Потому что в нашей жизни давно осталось слишком мало места для надежды.

До конца первой смены остается всего сорок минут, когда на часах начинают мигать уведомления о новой смене. Я перекидываю через плечо рюкзак, прощаюсь с коллегами и почти бегом выхожу на улицу. Жаркий воздух Лас-Вегаса тут же ударяет в лицо, а солнце, едва поднявшееся над горизонтом, уже обещает очередной невыносимо душный день. Я вызываю такси, но, увидев стоимость поездки, отменяю заказ и быстрым шагом направляюсь к автобусной остановке. Пятнадцать долларов — это почти половина упаковки маминых обезболивающих. Сегодня я снова выбираю лекарства.

К полудню я уже переодеваюсь в форму второго места работы. Иногда мне кажется, что последние три года моя жизнь состоит из бесконечной смены униформы. Сначала фартук кофейни, потом строгая черная рубашка официантки, вечером — снова домашняя одежда, пропахшая лекарствами и антисептиком. Между ними почти не остается времени, чтобы почувствовать себя просто двадцатилетней девушкой.

В ресторане, как всегда, людно. Один столик сменяет другой. Кто-то требует заменить блюдо, потому что оно «недостаточно горячее», кто-то недоволен тем, что лед в бокале

растаял слишком быстро, кто-то принципиально не смотрит мне в глаза, разговаривая так, словно я часть мебели. Я улыбаюсь каждому, благодарю за замечания и молча проглатываю раздражение. Не потому, что боюсь потерять работу. Потому что слишком хорошо знаю цену одной лишней смены.

— Амелия, — окликает меня администратор, когда поток гостей наконец становится меньше. — Сара заболела. Сможешь выйти в воскресенье вместо нее?

Я даже не делаю вид, что раздумываю.

— Конечно.

Он благодарно кивает, а я мысленно пересчитываю эти дополнительные часы в деньги. Еще одна смена — это лекарства почти на неделю. Еще одна смена — это возможность немного отсрочить неизбежное, хотя сама уже давно не понимаю, кого пытаюсь обмануть.

Когда появляется свободных десять минут, я выхожу через служебный вход, покупаю в автомате дешевый кофе и присаживаюсь на бордюр. Напротив дороги расположился университет. Толпы студентов смеются, спорят, кто-то фотографируется у главного корпуса, кто-то торопится на занятия с рюкзаком, перекинутым через одно плечо. Несколько секунд я просто наблюдаю за ними, не замечая, как кофе постепенно остывает в руках.

Три года назад я тоже должна была оказаться среди них.

Письмо о зачислении до сих пор лежит в ящике моего стола. Я ни разу не смогла его выбросить. Иногда достаю, пере-

читываю свое имя и снова убираю обратно. Не потому, что жалею.

Я никогда не жалела.

Если бы пришлось выбирать снова, я бы снова выбрала маму.

Но иногда... совсем редко... позволяю себе представить, какой могла бы быть моя жизнь.

Наверное, я жаловалась бы на экзамены вместо счетов за лечение. Спорила бы с преподавателями, а не с фармацевтами из-за очередного подорожания лекарств. Возвращалась бы домой с лекций, а не после двух смен подряд.

Эта мысль задерживается всего на мгновение.

Телефон напоминает о времени.

Пора ехать дальше.

Следующей остановкой становится аптека. Молодая девушка за кассой узнает меня сразу и даже не спрашивает название препаратов. Она молча уходит на склад, возвращается с небольшим бумажным пакетом и называет сумму. Я достаю банковскую карту, уже заранее зная, что после покупки на счете почти ничего не останется.

— Цена снова выросла, — виновато произносит фармацевт.

Будто это она лично переписала ценник ночью.

Я лишь слабо улыбаюсь.

— Ничего. Спасибо.

Пакет с лекарствами кажется удивительно легким. Слиш-

ком легким для тех денег, которые он стоит.

Из аптеки я сразу еду в онкологическое отделение. Запах больницы встречает меня еще у входа — смесь антисептика, лекарств и чего-то неуловимо тяжелого, к чему невозможно привыкнуть. Здесь я знаю почти каждого медбрата, медсестру и администратора. Они приветствуют меня по имени, как старую знакомую.

И от этого становится только хуже.

Доктор Харрис приглашает меня в кабинет. Он снимает очки, долго рассматривает результаты последних анализов и молчит так долго, что сердце начинает стучать где-то в горле.

— Мы попробуем скорректировать обезболивание, — наконец говорит он.

Я сразу понимаю, что он избегает главного.

— А лечение?

Он опускает взгляд.

— Амелия...

— Есть другие препараты?

Тишина.

— Новые схемы?

Он качает головой.

— Другая клиника? Исследования? Может быть, в Калифорнии? Нью-Йорке? Я могу найти деньги. Возьму еще одну работу, продам машину... что угодно.

Последние слова звучат почти отчаянно.

Доктор долго смотрит на меня, и в его взгляде нет жало-

сти.

Есть только усталость человека, которому слишком часто приходится говорить одно и то же.

— Мы сделали все, что было возможно.

Эти слова будто выбивают из груди воздух.

— Нет.

Я произношу это почти шепотом.

— Должно быть что-то еще.

— Мне очень жаль.

Я больше ничего не слышу. За окном по-прежнему светит солнце. По коридору проходят люди. Где-то звонит телефон. Медсестра смеется над чьей-то шуткой.

Мир продолжает жить так, словно только что не рухнул. А я впервые понимаю, что отчаянно цепляюсь не за надежду. За отрицание. Потому что принять мысль о том, что однажды я вернусь домой, а мамы там не будет... я еще не готова.

Дом встречает меня привычной тишиной. Я задерживаюсь на пороге всего на секунду, глубоко вдыхаю и натягиваю улыбку прежде, чем открыть дверь. За последние годы я научилась оставлять все плохое снаружи. Усталость. Раздражение. Страх. Разговоры с врачами. Все это не должно переступать порог нашей квартиры.

— Мам, я дома.

Из комнаты сразу доносится ее голос.

— Иди сюда. Я уже начала думать, что ты сбежала куда-нибудь на Гавайи.

— Если бы я сбежала, ты бы первая позвонила и заставила вернуться.

— Конечно. Кто тогда будет готовить мне ужин?

Я тихо смеюсь и прохожу в комнату.

Мама сидит в кресле у окна, укутавшись в плед. На коленях лежит раскрытая книга, но по закладке я понимаю, что она не переворачивала страницы уже давно. Она просто ждала меня.

Как всегда.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я, снимая куртку.

— Намного лучше, чем выгляжу.

— Врешь.

— Совсем чуть-чуть.

Я подхожу ближе и целую ее в висок. Кожа кажется горячее обычного, но я ничего не говорю. Она тоже делает вид, что ничего не замечает.

Так нам обоим проще.

Через полчаса кухня снова наполняется привычными запахами. Сегодня ужин совсем простой — паста с томатным соусом и чесноком. Раньше мама готовила так, что соседи могли позавидовать. Теперь я каждый раз пытаюсь повторить ее рецепты и каждый раз слышу одну и ту же фразу:

— Пересолила.

— Это называется итальянский характер блюда.

— Нет, это называется "моя дочь снова бросила соль, не

глядя".

— Главное — с любовью.

— Любовью меня не корми.

Я смеюсь, а она качает головой, хотя уголки губ все равно поднимаются.

Мы ужинаем медленно, обсуждая всякие мелочи. Сосед снова поссорился с женой. У хозяйки кофейни родился внук. На нашей улице наконец начали ремонтировать дорогу, из-за чего теперь каждое утро приходится делать крюк до остановки. Я специально рассказываю обо всем подряд, лишь бы не вспоминать кабинет доктора Харриса и его усталый взгляд.

Мама замечает это.

Я вижу.

Но не задает вопросов.

После ужина мы устраиваемся на старом диване. Я включаю фильм, который знаю почти наизусть. Кажется, мы смотрели его раз двадцать, но мама каждый раз смеется в одних и тех же местах. Через несколько минут она начинает вспоминать, как однажды пятилетняя я решила подстричь себе челку кухонными ножницами.

— Ты потом неделю ходила в панаме.

— Это была мода.

— Это была катастрофа.

— Неправда. Воспитательница сказала, что я очень смелая.

— Потому что не знала, плакать ей или смеяться.

Я фыркаю и бросаю в нее диванной подушкой. Она ловит ее слишком медленно.

И в этот момент я снова замечаю, насколько сильно болезнь забрала ее силы. Улыбка сама собой исчезает с моего лица. Мама тоже это замечает.

Она берет пульт и выключает телевизор. В квартире сразу становится непривычно тихо. Несколько секунд мы сидим молча. Потом она вдруг произносит:

— Амелия...

Что-то в ее голосе заставляет меня поднять голову. Он слишком серьезный.

— Что случилось?

Она долго смотрит куда-то перед собой, словно собираясь с мыслями.

— Есть разговор, который я должна была начать много лет назад.

У меня внутри неприятно сжимается живот.

— Мам, не пугай меня.

Она грустно улыбается.

— Помнишь, в детстве ты постоянно спрашивала, кто мой отец?

Я замираю. Конечно, помню. Сначала она говорила, что расскажет, когда я стану старше. Потом — что это уже не имеет значения. Со временем я перестала спрашивать. Потому что поняла: если человек не появился за двадцать лет, значит, он этого не хотел.

— Его зовут Лоренцо Моретти, — тихо говорит мама.

Я несколько секунд просто смотрю на нее. Имя ничего мне не говорит. Абсолютно ничего.

— Он жив.

Я молчу.

— И никогда не знал, что у него есть дочь.

Я нервно усмехаюсь.

— Подожди... хочешь сказать, ты просто... не сказала ему?

Она закрывает глаза.

— Нет.

— Почему?

Мама долго не отвечает.

— Потому что тогда мне казалось, что так будет лучше.

— Для кого?

— Для всех.

— Судя по всему, не получилось.

Она опускает голову.

— Нет.

Впервые за весь вечер я слышу в ее голосе то, чего никогда раньше не было. Вину. Не оправдание. Не попытку объяснить. Только боль человека, который слишком долго жил с собственной ошибкой.

— Я любила его, Амелия. Так сильно, что думала, будто отпустить — значит спасти.

Я сглатываю ком в горле.

— Тогда почему ты ушла?

— Когда-нибудь ты узнаешь.

Эти слова раздражают меня сильнее всего.

— Нет, мам. Не когда-нибудь. Сейчас.

Она качает головой.

— Не я должна тебе это рассказать.

Медленно открыв прикроватную тумбочку, она достает старый кремовый конверт. Он пожелтел от времени. На лицевой стороне аккуратным почерком выведено всего два слова.

Лоренцо Моретти.

Мама долго держит конверт в руках, будто расстаться с ним ей тяжелее, чем со всем остальным. Потом протягивает его мне.

— После моих похорон найди его.

Я не двигаюсь.

— Мам...

— Пообещай.

— Зачем?

— Потому что это мой самый большой долг.

Я медленно качаю головой.

— Мне не нужен отец, который двадцать лет не был рядом.

— Он не бросал тебя.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он даже не знал, что ты существуешь.

Я отвожу взгляд. Все происходящее кажется каким-то

неправильным. Словно кто-то переписывает мою жизнь прямо у меня на глазах.

— Передай ему письмо, — тихо говорит мама. — Не открывай его. Оно предназначено только Лоренцо.

— А потом?

— Выслушай его.

— И что дальше?

Она берет мою ладонь в свои холодные пальцы.

— Дальше решишь сама.

Я молчу. Мне хочется отказаться. Сказать, что это не моя ошибка и не мой долг. Но я вижу ее глаза. В них нет страха. Только просьба. Такая простая и такая отчаянная, что отказаться невозможно. Я крепче сжимаю старый конверт и едва слышно произношу:

— Обещаю.

Мама впервые за весь вечер по-настоящему улыбается. Словно только что сбросила с плеч груз, который несла больше двадцати лет.

Ночь опустилась на город незаметно. За окном один за другим вспыхивали фонари, где-то вдалеке гудели машины, а из соседнего дома доносился приглушенный смех. Мир продолжал жить своей жизнью, совершенно не подозревая, что в маленькой квартире на третьем этаже время словно остановилось.

Я помогла маме подняться с дивана и медленно проводила ее в спальню. Каждый шаг давался ей тяжелее предыдущего.

Еще несколько месяцев назад она обязательно возмутилась бы, если бы я попыталась поддержать ее под локоть. Сейчас же лишь крепче сжала мои пальцы, будто это было самым естественным в мире.

— Прости, — тихо сказала она, когда я помогла ей лечь.

Я удивленно посмотрела на нее.

— За что?

— За то, что тебе пришлось так рано повзрослеть.

Я только покачала головой и аккуратно поправила одеяло.

— Не начинай.

— Но это правда.

— Нет. Правда в том, что ты бы сделала для меня то же самое.

Она грустно улыбнулась.

— Сделала бы.

Я присела рядом прямо на пол, прислонившись спиной к кровати. Так мы часто сидели вечерами, когда мне было лет пятнадцать. Тогда мы могли часами обсуждать книги, фильмы или спорить о том, какой город красивее — Париж или Рим, хотя ни одна из нас никогда там не была.

Как ни странно, именно сегодня разговор снова стал таким же легким.

Мы говорили обо всем, кроме болезни. О книге, которую мама так и не дочитала. О моем детстве. О том, как однажды я притащила домой бездомного котенка и уверяла, что он сам открыл дверь. О море, которое она мечтала показать

мне. О Париже, где обязательно хотела выпить кофе в маленьком уличном кафе. О том, что однажды мы обязательно отправимся путешествовать.

Слово «однажды» звучало слишком часто. И ни одна из нас не замечала этого.

— Помнишь, как ты в семь лет решила стать археологом?
— неожиданно спросила мама.

Я рассмеялась.

— Потому что нашла старую ложку во дворе.

— Ты целую неделю была уверена, что это сокровище.

— Это было сокровище.

— Для соседского дедушки, который потерял ее во время ремонта.

Мы смеялись так искренне, что на несколько минут болельность действительно перестала существовать.

Я поймала себя на мысли, что давно не слышала мамино-го смеха таким. Настоящим. Не вымученным. Не тихим. Настоящим. Когда смех постепенно стих, в комнате снова воцарилась тишина.

Мама осторожно накрыла мою ладонь своей. Ее пальцы были холодными.

— Амелия...

— М-м?

Она долго молчала.

— Спасибо.

Я нахмурилась.

— За что на этот раз?

— За все.

Я тихо усмехнулась.

— Это звучит так, будто ты получила премию за лучшую дочь.

Она покачала головой.

— Нет.

Ее голос стал совсем тихим.

— Просто спасибо, что была рядом.

Я отвела взгляд.

— Это было не сложно.

— Не ври мне.

Я почувствовала, как в груди неприятно сжалось сердце.

— Мам...

— Ты отказалась от университета.

— И что?

— Работала без выходных.

— И что?

— Ты прожила не свою жизнь.

Я резко подняла голову.

— Не говори так.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Почему?

— Потому что это была моя жизнь. Моя. Я сама ее выбрала. И никогда...

Я сделала глубокий вдох.

— Никогда об этом не жалела.

На глазах мамы появились слезы.

— Пообещай мне одну вещь.

Я улыбнулась.

— Сегодня ты раздаешь обещания направо и налево.

Она тоже улыбнулась.

— Пообещай, что однажды начнешь жить для себя.

Я закатила глаза.

— Вот поправишься, тогда и начну.

Она ничего не ответила. Лишь крепче сжала мою руку.

Потом тихо произнесла:

— Я всегда тобой гордилась.

Я фыркнула.

— Даже когда я подожгла микроволновку?

— Особенно тогда.

— Это была случайность.

— Амелия...

— Хорошо.

Я засмеялась.

— Возможно, не совсем случайность.

Мы снова улыбнулись друг другу. Через несколько минут мама закрыла глаза. Я еще долго сидела рядом, слушая ее ровное дыхание. Перед тем как выйти из комнаты, осторожно поправила выбившуюся прядь ее волос и тихо прошептала:

— Спокойной ночи.

Мне даже в голову не пришло, что это последний раз, когда я говорю ей эти слова.

На следующее утро меня разбудила непривычная тишина. Не звонок будильника. Не шум чайника. Не мамин кашель. Именно тишина.

Я открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно, пытаюсь понять, что не так. Потом вспомнила. Сегодня нужно было купить новые лекарства. Я быстро поднялась с кровати и направилась на кухню.

— Мам?

Ответа не последовало. Наверное, еще спит.

Редкость.

Я улыбнулась. Пусть поспит. Организм наконец отдыхает. Поставив чайник, я заглянула в ее комнату.

— Мам, завтрак почти...

Слова застряли в горле. Она лежала точно так же, как вчера вечером. Руки спокойно сложены поверх одеяла. Лицо удивительно умиротворенное. Будто она просто видела хороший сон. Я подошла ближе.

— Мам...

Тишина. Я осторожно коснулась ее руки. Холодная.

Нет. Нет. Нет.

Мир вокруг словно перестал существовать.

Я медленно опустилась на край кровати, все еще держа ее ладонь в своей. Наверное, проходили секунды. Или минуты. Я не знала. Не могла заставить себя заплакать. Не могла за-

кричать. Не могла даже вдохнуть полной грудью. В голове крутилась только одна мысль.

Не может быть.

Мой взгляд случайно упал на прикроватную тумбочку.

Там лежал тот самый кремовый конверт.

Рядом — старая фотография.

Совсем молодая мама счастливо смеялась, а рядом с ней стоял высокий темноволосый мужчина. Он смотрел не в объектив, а на нее. Солнце падало так неудачно, что часть его лица скрывал яркий блик.

Я осторожно взяла фотографию в руки.

Потом — конверт.

Пальцы сами собой крепче сжали плотную бумагу.

Вчера вечером я дала обещание.

Сегодня оно стало единственным, что у меня осталось.

Именно тогда я поняла, что обязательно найду человека по имени Лоренцо Моретти. Не ради себя. Ради женщины, которая до последнего вздоха верила, что некоторые ошибки еще можно исправить.

2 Глава

Амелия

Я проспала.

Сердце привычно ухнуло куда-то вниз, а тело само дернулось вперед, еще до того, как сознание окончательно проснулось. Где-то на уровне мышечной памяти я уже перебирала в голове привычный список дел: поставить чайник, приготовить завтрак, достать таблетки, проверить давление, успеть в аптеку до работы... Но стоило ногам коснуться холодного пола, как эта суета оборвалась так же резко, как обрывается музыка, если выдернуть шнур из розетки.

В квартире стояла абсолютная тишина. Не та утренняя, уютная тишина, когда кто-то еще спит за стеной и боишься лишний раз хлопнуть дверцей шкафа. Эта была другой. Тяжелой. Глухой. Она заполняла собой каждый угол, проникала под кожу и давила сильнее любого крика. Я несколько секунд неподвижно сидела на краю кровати, глядя в одну точку, будто пыталась вспомнить, что именно забыла сделать.

Потом все вернулось.

Похороны.

Черные зонты под проливным дождем.

Мокрая земля.

Белые лилии.

И мамина фотография, с которой она улыбалась так, словно все это происходило не с ней.

Я медленно поднялась и, сама не понимая зачем, направилась к ее комнате. Привычка оказалась сильнее здравого смысла. Уже протянув руку к дверной ручке, я замерла.

Входить больше было незачем.

Эта мысль ударила неожиданно больно.

Еще неделю назад за этой дверью меня ждал голос, спрашивающий, почему я опять ушла на работу без завтрака. Теперь за ней не было ничего. Только аккуратно застеленная кровать, запах ее духов, который постепенно исчезал, и вещи, к которым я пока не могла себя заставить прикоснуться.

Я медленно опустила руку и прислонилась лбом к прохладной двери.

— Доброе утро, мам... — тихо прошептала я, сама не понимая, зачем это говорю.

Ответом стала тишина. Я закрыла глаза.

Наверное, именно тогда до меня впервые по-настоящему дошло, что мир не остановился вместе с ее сердцем. За окном кто-то сигналил, хлопнула дверь подъезда, сосед сверху включил музыку, где-то лаяла собака. Жизнь продолжалась. Только в моей квартире она закончилась несколько дней назад.

Громкий звонок в дверь заставил меня вздрогнуть. Я даже не посмотрела в глазок. Почему-то сразу поняла, кто стоит с другой стороны.

Эмма.

Открыв дверь, я увидела ее в огромной серой толстовке, с двумя бумажными стаканами кофе в одной руке и пакетом из круглосуточного магазина — в другой. Волосы были собраны в небрежный хвост, будто она тоже почти не спала, а под глазами залегли темные круги. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

— Только не говори, что опять не ела, — наконец произнесла она, слегка приподняв пакет. — Потому что тогда мне придется применить силу.

Я невольно фыркнула.

— Ты вешишь килограммов пятьдесят.

— Пятьдесят три, вообще-то. И это очень злые пятьдесят три.

Она шагнула вперед и, поставив кофе на тумбу в прихожей, молча обняла меня. Крепко. Без слов. Без этого ненавистного «держись». Я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

— Спасибо... — тихо выдохнула я ей в плечо.

— Даже не начинай благодарить, — так же тихо ответила Эмма, не отпуская меня. — Я здесь не потому, что хочу услышать "спасибо". Я здесь потому, что знаю тебя.

Она чуть отстранилась и внимательно посмотрела мне в лицо.

— Ты опять плакала ночью?

Я закатила глаза.

— Не начинай.

— Значит, да.

— Эмма...

— Ладно, молчу. Но сначала ты выпьешь кофе. Потом съешь хотя бы половину сэндвича. А уже после этого мы будем делать вид, что взрослые и способны разобраться с документами.

Она говорила нарочито бодро, словно пыталась заполнить этой искусственной легкостью пустоту, повисшую между стенами квартиры. И я была ей за это благодарна. Потому что, если бы сейчас она начала говорить о том, что время лечит или мама больше не страдает, я, наверное, просто выставила бы ее за дверь.

Следующие несколько дней слились в один бесконечный, серый день. Казалось, мы только и делали, что складывали, подписывали, продавали, звонили и снова складывали. Коробки медленно заполняли гостиную, пока квартира постепенно переставала быть похожей на наш дом. Одежда мамы отправлялась в большие пакеты для благотворительного фонда, кухонная утварь — в отдельные коробки, документы аккуратно раскладывались по папкам. Эмма методично обзванивала службы, расторгала договор аренды, закрывала счета и спорила с каким-то оператором почти сорок минут, потому что тот никак не мог понять, почему человеку больше не понадобится интернет.

— Он серьезно сейчас спросил, может, хозяйка сама под-

твердит расторжение договора? — возмущалась Эмма, бросая телефон на диван. — Клянусь, если бы он сидел сейчас передо мной, я бы его придушила.

Я впервые за эти дни тихо рассмеялась.

— Это было бы не лучшей идеей.

— Почему?

— Потому что тогда мне пришлось бы искать адвоката еще и тебе.

— Отлично. Хоть какое-то разнообразие.

Она театрально всплеснула руками, и я снова улыбнулась. Совсем немного. Но улыбнулась.

Иногда мы находили вещи, которые останавливали работу на долгие минуты. Старую кружку с отколотой ручкой, из которой мама почему-то отказывалась пить что-либо, кроме чая. Потертый шерстяной шарф, который я подарила ей на прошлое Рождество, потратив почти всю декабрьскую зарплату. Или фотоальбом с детскими снимками, где мама была молодой, громко смеялась и смотрела в объектив так беззаботно, словно впереди у нее была целая жизнь.

Я молча закрыла альбом и вышла на балкон. Прохладный ветер ударил в лицо, но легче не стало.

Я облокотилась о перила, пытаясь незаметно вытереть слезы рукавом толстовки. Через несколько секунд дверь тихо скрипнула. Эмма вышла следом, но ничего не сказала. Она просто встала рядом, опершись локтями о перила, и долго смотрела куда-то на соседние дома.

— Знаешь... — наконец тихо произнесла она. — Иногда люди очень боятся молчания.

Я вопросительно посмотрела на нее.

— Им кажется, что его обязательно нужно чем-то заполнить. Советами. Красивыми словами. Глупыми фразами о том, что все наладится.

Она повернулась ко мне и едва заметно улыбнулась.

— А мне кажется, иногда человеку просто нужно, чтобы рядом кто-то постоял.

Я ничего не ответила. Вместо этого молча положила голову ей на плечо. И впервые за несколько дней позволила себе просто заплакать.

На работу я вышла только через три дня после похорон. Не потому, что была готова. Просто сидеть дома оказалось намного тяжелее, чем заставить себя натянуть форму, собрать волосы в хвост и сделать вид, будто жизнь продолжается. Кофейня встретила меня привычным звоном колокольчика над дверью, запахом свежемолотых зерен и тихим гулом кофемашины. Казалось, за те несколько дней, что меня не было, здесь не изменилось абсолютно ничего. Те же столики у окна, те же постоянные посетители, тот же мужчина в синем костюме, который каждое утро заказывал двойной эспresso и никогда не говорил ничего, кроме короткого «спасибо». Мир оказался удивительно равнодушным к чужому горю. Он не остановился ни на минуту. Люди продолжали смеяться, опаздывать на работу, спорить из-за неправильно

приготовленного кофе и жаловаться на погоду, пока моя собственная жизнь разваливалась на части.

— Амелия... — тихо окликнул меня Марк, едва я успела зайти за стойку. Он выглядел непривычно растерянным, словно заранее не знал, что говорить человеку, который несколько дней назад похоронил мать. — Мне очень жаль. Если тебе нужно еще время... или деньги... да вообще что угодно, просто скажи. Мы все пойдем.

Я улыбнулась той самой улыбкой, которая за последние дни стала почти автоматической. Неискренней, уставшей, существующей только для того, чтобы окружающие перестали смотреть на меня с жалостью.

— Спасибо, Марк, — тихо ответила я, снимая куртку и аккуратно складывая ее на стуле. — Правда. Но я пришла не работать.

Он нахмурился, будто уже догадался, к чему идет разговор.

— Я увольняюсь.

Несколько секунд Марк просто молчал, внимательно разглядывая мое лицо, словно надеялся найти в нем признаки того, что я передумаю. Потом тяжело выдохнул, снял с головы бейсболку и провел ладонью по волосам.

— Знаешь... за все годы, что ты здесь работаешь, ты ни разу не опоздала. Ни разу не попросила выходной просто потому, что устала. Если честно, я до последнего надеялся, что однажды ты наконец научишься отдыхать. Жаль только, что

для этого понадобилось столько боли.

Он обошел стойку и неожиданно крепко обнял меня. Со всем по-отечески. Я даже не сразу нашла в себе силы ответить на объятие.

— Береги себя, ладно? — тихо сказал он, слегка похлопав меня по плечу. — И если однажды захочешь вернуться, эта кофемашина будет ждать только тебя.

Я кивнула, не доверяя собственному голосу, забрала из шкафчика кружку с нарисованной мамой смешной рожицей и в последний раз огляделась. Именно отсюда я каждое утро уходила с двумя стаканами кофе — одним для себя, вторым для нее. Здесь бариста уже давно знали, что латте с дополнительной карамелью никогда не остается в кофейне. Я всегда приносила его домой. Для мамы.

На улице неожиданно оказалось прохладно. Я остановилась прямо напротив витрины, за которой все так же шумела кофейня, и вдруг поняла, что больше никогда не зайду сюда как сотрудник. Эта мысль должна была расстроить меня. Вместо этого я почувствовала лишь странную пустоту.

Из кофейни я отправилась в ресторан, где работала официанткой последние два года. Там разговор получился еще тяжелее. Администратор несколько раз пытался уговорить меня хотя бы взять отпуск, коллеги наперебой предлагали помощь, одна из официанток даже расплакалась раньше меня самой, но я уже приняла решение. Остаться здесь не имело смысла. Каждый угол этого города хранил слишком

много воспоминаний. Вот аптека, где фармацевт без слов приносила мамины лекарства, потому что давно выучила наш список наизусть. Через дорогу — автобусная остановка, с которой мы бесконечно ездили в больницу. За следующим поворотом — маленькая пекарня, где по субботам мама обязательно покупала булочки с корицей, убеждая меня, что сахар помогает бороться с плохим настроением лучше любого психолога. Теперь весь город превратился в огромный альбом воспоминаний, который кто-то заставлял перелистывать снова и снова.

Когда я переходила дорогу возле университета, поток студентов как раз хлынул из главного корпуса. Они шумно переговаривались, спорили о предстоящих экзаменах, кто-то смеялся так громко, что прохожие невольно оборачивались, кто-то фотографировался на ступенях, будто обычный учебный день был самым важным событием в жизни. Я остановилась всего на секунду, наблюдая за ними через дорогу. Три года назад среди этих ребят должна была быть и я. Наверное, сейчас жаловалась бы Эмме на преподавателей, выбирала тему курсовой работы или мечтала о стажировке в Нью-Йорке. Вместо этого я научилась разбираться в результатах анализов лучше, чем в учебниках, и знала расписание онкологического отделения точнее собственного рабочего графика. Странно, но сожаления я так и не почувствовала. Только бесконечную усталость. Будто за эти три года прожила сразу несколько жизней.

Вечером квартира встретила меня привычной тишиной. Эмма уже ушла домой, пообещав вернуться утром, а на кухонном столе осталась аккуратная стопка последних документов, которые мы так и не успели разобрать. Я медленно перебирала бумаги, складывая их по папкам, пока взгляд не зацепился за знакомый кремовый конверт. Тот самый. Запечатанный. С двумя словами, написанными ровным аккуратным почерком мамы: *«Лоренцо Моретти»*.

Рядом лежала фотография, которую я уже, наверное, раз двадцать брала в руки за последние дни. Молодая мама смеялась так открыто, что невозможно было отвести взгляд, а рядом с ней стоял высокий темноволосый мужчина. Теперь, когда я всматривалась внимательнее, солнечный блик уже не казался таким ослепляющим. Можно было разглядеть резкие скулы, уверенный взгляд и едва заметную улыбку, обращенную не в объектив, а к маме. Он смотрел на нее так, словно вокруг больше никого не существовало. И именно это почему-то не давало мне покоя.

Я осторожно провела большим пальцем по краю фотографии, потом перевела взгляд на конверт. В голове один за другим всплывали вопросы, на которые уже некому было ответить. Почему мама молчала столько лет? Почему решила рассказать правду именно перед смертью? И если этот человек действительно ничего не знал обо мне... какой была бы моя жизнь, окажись все иначе?

Я сидела так очень долго, пока за окном окончательно не

стемнело. В какой-то момент поймала себя на мысли, что уже не просто рассматриваю имя на конверте. Я пытаюсь представить человека, которому оно принадлежит. И впервые с того вечера, когда дала маме обещание, поняла, что, возможно, действительно должна его найти. Не ради себя. Не ради мужчины, которого никогда не знала. Ради нее. Потому что некоторые обещания становятся тяжелее только после того, как их уже некому вернуть назад.

Утро началось с запаха свежего кофе и шелеста картонных коробок, которые все еще стояли вдоль стен гостиной. За последние несколько дней квартира окончательно перестала быть похожей на дом. Полки опустели, фотографии исчезли со стен, книжный шкаф, который мама так любила переставлять каждую весну, теперь зиял пустыми полками. Кажалось, сама жизнь постепенно выветривалась отсюда, оставляя после себя только голые стены и воспоминания. Эмма сидела за кухонным столом, листая объявления о продаже авиабилетов на ноутбук, пока я молча складывала в папку последние документы. Между нами почти не было разговоров — за эти дни мы научились понимать друг друга без слов.

— Ты ведь уже решила, да? — неожиданно спросила Эмма, не отрывая взгляда от экрана. Ее голос звучал спокойно, но слишком спокойно для человека, который заранее знает ответ.

Я медленно подняла голову, несколько секунд смотрела на

лежащий передо мной конверт, а потом открыла сайт авиакомпании. Пальцы сами нашли нужный рейс, будто приняли решение раньше меня. Несколько нажатий — и на экране появилось подтверждение покупки.

— Послезавтра, — тихо сказала я, закрывая ноутбук. — Я лечу в Лас-Вегас.

Эмма замерла. Несколько секунд она просто смотрела на меня, словно надеялась, что я сейчас рассмеюсь и скажу, что это глупая шутка. Но, увидев мое лицо, медленно закрыла свой ноутбук и устало потерла переносицу.

— Амелия... — начала она, тщательно подбирая слова. — Ты сейчас серьезно собираешься полететь через всю страну к человеку, которого никогда не видела? Мы даже не знаем, кто он такой. Может, твоя мама ошибалась. Может, он вообще не захочет тебя видеть.

— Тогда я развернусь и улечу обратно.

— Все не так просто, — Эмма покачала головой и нервно провела ладонью по волосам. — Можно сначала написать ему письмо. Можно найти частного детектива, узнать хоть что-нибудь. Господи, да хотя бы открыть интернет и посмотреть, кто такой этот Лоренцо Моретти. Ты же не едешь к соседу из другого города. Ты едешь к совершенно незнакомому мужчине, о котором не знаешь ничего.

Я молча достала телефон, открыла поисковик и ввела имя, которое за последние дни успело стать почти навязчивой мыслью.

На экране появилось несколько статей, фотографии дорогих отелей, казино, благотворительных мероприятий. На одном из снимков мужчина в идеально сшитом темном костюме пожимал руку какому-то сенатору, на другом — выходил из здания в окружении телохранителей. Ни одного упоминания о семье. Ни одного интервью. Только короткие статьи о крупном бизнесмене из Лас-Вегаса.

Я медленно положила телефон на стол.

— Видишь? — тихо произнесла Эмма, наклоняясь ближе. — Уже одно это кажется странным. Ему нужна охрана. Он постоянно в новостях. Ты правда хочешь просто прийти к такому человеку и сказать: «Здравствуйте, кажется, я ваша дочь»?

Несмотря на серьезность ситуации, я невольно улыбнулась.

— Если честно... звучит ужасно.

Эмма не улыбнулась в ответ.

— Потому что это ужасная идея.

Я поднялась из-за стола и подошла к окну. Во дворе дети гоняли мяч, соседка поливала цветы на балконе, а почтальон неторопливо раскладывал письма по почтовым ящикам. Мир продолжал жить своей обычной жизнью, будто совсем недавно моя собственная не перевернулась с ног на голову.

— Знаешь, что самое страшное? — тихо спросила я, не оборачиваясь.

Эмма ничего не ответила.

— Не то, что он может отказаться разговаривать со мной. Не то, что окажется плохим человеком. Даже не то, что мама могла ошибиться. Самое страшное — остаться здесь и всю оставшуюся жизнь гадать, что было бы, если бы я тогда просто села в самолет.

Я почувствовала, как к горлу снова подкатывает знакомый ком.

— Двадцать лет я жила без отца. Теперь еще и без мамы. У меня больше не осталось людей, которые могут ответить на мои вопросы. Кроме него.

В комнате повисла долгая тишина. Эмма смотрела на меня так, будто все еще искала слова, способные остановить. Потом медленно поднялась, подошла ближе и обняла меня за плечи.

— Ненавижу, когда ты права, — тихо пробормотала она, уткнувшись подбородком мне в макушку. — Просто... пообещай, что не будешь играть в героиню.

Я тихо усмехнулась.

— Никогда не умела.

— Будешь звонить мне каждый день.

— Буду.

— Каждый.

— День.

Она чуть отстранилась и строго посмотрела мне в глаза.

— Если почувствуешь, что что-то не так, ты сразу гово-

ришь мне. Не через неделю. Не после того, как сама попытаешься все решить. Сразу. И если понадобится, я куплю билет и прилечу первым же рейсом.

Я наконец улыбнулась по-настоящему.

— Ты ведь ненавидишь летать.

Эмма закатила глаза.

— Ради тебя потерплю.

Последнее утро в квартире оказалось самым тяжелым. Я медленно прошлась по пустым комнатам, машинально касаясь кончиками пальцев стен, словно пыталась запомнить каждую мелочь. Вот здесь когда-то висели мои детские рисунки. У окна стояло кресло, в котором мама любила читать по вечерам. На кухне мы каждый Новый год спорили, сколько корицы нужно добавлять в яблочный пирог, а в узком коридоре до сих пор осталась маленькая царапина на обоях — след от велосипеда, который я когда-то уронила, пытаясь заехать домой прямо на нем. Странно, как быстро обычная квартира превращается в музей собственной жизни.

Когда арендодатель забрал ключи, я еще несколько секунд стояла у подъезда, крепко сжимая ручку чемодана. За спиной остался город, в котором прошло все мое детство. Впереди — неизвестность, которая пугала меня ничуть не меньше.

В аэропорту я несколько раз открывала сумку, проверяя, на месте ли кремовый конверт. Он лежал между документа-

ми и книгой, которую мама когда-то так и не успела дочитать. Наверное, со стороны это выглядело глупо, но мне казалось, что, пока письмо рядом, между мной и мамой все еще существует какая-то невидимая связь.

Несколько часов спустя самолет мягко коснулся взлетной полосы. Когда двери терминала открылись, в лицо сразу ударил непривычно горячий, сухой воздух, совсем не похожий на влажный ветер моего родного города. Лас-Вегас встретил меня ослепительным солнцем, бесконечным потоком людей, шумом автомобилей и огромными вывесками, обещавшими роскошь, удачу и новую жизнь. Я остановилась посреди площади перед аэропортом, поставила рядом чемодан и медленно огляделась по сторонам. Никогда еще я не чувствовала себя настолько далеко от дома. Теперь у меня были только один чемодан, письмо в сумке и имя человека, которого я собиралась найти.

3 Глава

Амелия

Спала я от силы часа два.

Вернее, все это время просто лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к шуму кондиционера и редким сигналам машин, доносившимся с улицы. Гостиничный номер был почти идеальным — большая кровать с белоснежным бельем, панорамное окно, кофемашина, пахнущие лавандой полотенца. Любой другой человек назвал бы его уютным. Для меня он оставался чужим. Здесь не было ни одной вещи, которая напоминала бы о доме. Ни маминой кружки с отколотой ручкой, ни пледа, которым она укрывалась вечерами, ни тихого голоса, желающего мне доброго утра. Только стерильная тишина гостиницы, в которой люди задерживаются всего на несколько дней, прежде чем снова исчезнуть из жизни друг друга.

Я стояла перед зеркалом уже, наверное, минут сорок, в сотый раз поправляя волосы, хотя прекрасно понимала, что проблема не в прическе. Если бы зеркало умело отвечать на вопросы, я спросила бы совсем о другом. Что сказать человеку, который двадцать лет не подозревал о моем существовании? С чего вообще начинают такие разговоры? «Здравствуйте, меня зовут Амелия, кажется, вы мой отец?» Или

лучше сразу протянуть письмо и позволить ему самому разобраться во всем? Каждый вариант казался одинаково нелепым.

Я снова посмотрела на конверт. Под плотной бумагой лежали ответы на вопросы, которые мучили меня всю жизнь. Или, наоборот, новые вопросы. Возможно, человек, к которому я ехала, вообще не ждал моего появления. Возможно, он уже давно вычеркнул маму из своей памяти. А может, никогда и не пытался этого сделать.

Что, если этот человек действительно никогда не любил ее? Что, если он откроет дверь, посмотрит на меня так, будто видит мошенницу, и просто скажет, что знать меня не хочет? Или еще хуже... что, если он вообще забыл Софию? Для меня мама была целым миром. Но для него она могла оказаться всего лишь коротким эпизодом, который давно стерся из памяти.

Я резко застегнула сумку, будто хотела запереть все эти мысли вместе с письмом.

— Хватит, — тихо сказала я своему отражению. — Еще немного, и ты сама убедишь себя сбежать.

Через пятнадцать минут я уже сидела на заднем сиденье желтого такси. Пожилой водитель с седыми усами что-то негромко напевал себе под нос под старую кантри-песню, доносившуюся из радио, пока я смотрела в окно, пытаясь отвлечься от собственного сердцебиения. Первые минуты за стеклом мелькал именно тот Лас-Вегас, который показыва-

ют в фильмах: огромные казино с золотыми фасадами, ослепительные рекламные экраны высотой с многоэтажные дома, толпы туристов с коктейлями в руках, бесконечные лимузины, яркие вывески, обещающие удачу каждому, кто переступит их порог. Казалось, весь город жил ради того, чтобы впечатлять. Здесь все было слишком большим, слишком дорогим и слишком громким.

Но постепенно пейзаж начал меняться.

Высотные отели остались позади, уступив место широким улицам, по которым почти не ездили машины. Вместо шумных казино появились аккуратные пальмы, идеально подстриженные газоны и дома, больше похожие на современные дворцы, чем на обычные особняки. За высокими каменными заборами невозможно было разглядеть сами здания — только верхушки кипарисов, крыши из темной черепицы и редкие фонтаны, сверкавшие на солнце. Почти у каждого въезда стояли охранные будки, автоматические ворота и камеры наблюдения, лениво поворачивающиеся вслед проезжающим автомобилям.

Я поймала себя на мысли, что за последние десять минут не увидела ни одного человека, идущего пешком.

Здесь не было детей с велосипедами.

Не было людей с пакетами из супермаркета.

Никто не сидел на лавочках.

Этот район казался слишком идеальным, чтобы быть настоящим.

— Впервые здесь? — неожиданно спросил водитель, заметив мое любопытство в зеркале заднего вида.

— Это так заметно? — тихо улыбнулась я.

— Обычно туристы сюда не заезжают, — усмехнулся он, перестраиваясь в соседний ряд. — Здесь живут люди, которые могут позволить себе купить половину казино на Стрипе.

Я машинально перевела взгляд на экран телефона, где все еще был открыт адрес.

Я никогда не слышала об этом районе раньше.

— Красивое место, — осторожно заметила я.

Водитель негромко хмыкнул.

— Красивое — да. Только чужих здесь не любят.

От его слов по спине пробежал неприятный холодок.

Я снова посмотрела в окно. За очередным поворотом показались особенно высокие кованые ворота, украшенные гербами, за которыми скрывались дома, больше напоминавшие частные резиденции европейских аристократов. Все вокруг выглядело настолько далеким от моей жизни, что стало почти смешно.

Еще неделю назад я считала каждую купюру, чтобы купить маме лекарства.

Сегодня ехала к человеку, который, судя по всему, жил в мире, где стоимость одного автомобиля превышала цену всей моей прошлой жизни.

Я крепче сжала ремень сумки, чувствуя под пальцами

плотную бумагу конверта.

«Передай письмо и уезжай, — снова напомнила я себе. — Ты здесь не для того, чтобы искать семью. Не для того, чтобы просить помощи. Просто выполни обещание... и начни жить дальше.»

Такси плавно сбросило скорость и наконец остановилось. Водитель бросил короткий взгляд в зеркало заднего вида, негромко сообщил, что они приехали, и, назвав стоимость поездки, снова уставился вперед. Я достала банковскую карту почти машинально, продолжая смотреть в окно. Несколько секунд мне казалось, что навигатор ошибся адресом.

Передо мной возвышались массивные кованые ворота, настолько высокие, что за ними почти невозможно было разглядеть сам участок. Черный металл был украшен изящными узорами и старинным гербом, а по обе стороны тянулся светлый каменный забор, скрывающий территорию за густыми кипарисами. Только если внимательно присмотреться, можно было заметить верхушки деревьев, струи фонтана и крышу огромного особняка, напоминавшего скорее европейское поместье, чем жилой дом.

Я медленно вышла из машины. Жаркий воздух тут же окутал плечи, заставляя щуриться от яркого солнца. Такси почти сразу скрылось за поворотом, и впервые с момента прилета я почувствовала себя по-настоящему одной. Передо мной стоял дом человека, которого мама любила всю свою жизнь. Дом человека, который, возможно, даже не подозре-

вал, что у него есть дочь. Мне вдруг стало смешно от собственных мыслей. Еще неделю назад я переживала, хватит ли денег на новую упаковку лекарств, а теперь стояла перед воротами, стоимость которых наверняка превышала цену всех квартир в нашем районе.

Я успела сделать всего несколько шагов к воротам, когда дверь охранной будки распахнулась. На улицу вышли двое мужчин в черных костюмах. Высокие, широкоплечие, с одинаково холодными лицами. Один остановился прямо передо мной, перекрывая дорогу, второй остался чуть позади, внимательно наблюдая за каждым моим движением. Ни один из них не выглядел человеком, которого можно было бы уговорить улыбкой или жалобной историей.

— Дальше нельзя, — коротко произнес первый, даже не поздоровавшись. Его взгляд быстро скользнул по моему чемодану, сумке и лицу, словно за несколько секунд он пытался решить, представляю ли я угрозу. — Разворачивайся.

Я невольно растерялась от такой прямоты.

— Мне нужно увидеть хозяина дома.

— Всем нужно, — равнодушно ответил мужчина. — Очередь заканчивается за воротами.

— Это очень важно.

Он даже не изменился в лице.

— Для тебя, может быть.

Я почувствовала, как внутри начинает подниматься раздражение. После перелета, бессонной ночи и нескольких

дней постоянного напряжения терпение оказалось гораздо короче обычного.

— Послушайте, — стараясь говорить спокойно, начала я.

— Мне действительно необходимо встретиться с...

— Необходимо — это когда "скорая" едет с сиреной, — перебил он, засунув руки в карманы. — Все остальное подождет. Разговор окончен.

Он уже собирался отвернуться, давая понять, что больше не намерен тратить на меня время, но я сделала шаг вперед.

— Мне нужно передать письмо.

Теперь оба мужчины одновременно посмотрели на меня.

— Передай через охрану.

— Не могу.

— Тогда почтой отправь.

— Не могу.

Первый устало потер переносицу и посмотрел на меня так, словно перед ним стоял особенно упрямый ребенок.

— Девушка, ты не понимаешь по-хорошему?

— Нет. Это вы не понимаете.

Я медленно расстегнула сумку и достала кремовый конверт.

— Мне поручили передать его только в руки адресату. Никому другому.

Мужчина бросил короткий взгляд на конверт, но даже не попытался взять его.

— Мне плевать, что у тебя там.

— А ему, возможно, нет.

На секунду между нами повисла тишина.

— Слушай внимательно, — произнес охранник уже без намека на вежливость, сделав шаг ко мне. Теперь нас разделяло меньше полуметра. — Ты сейчас разворачиваешься, садишься в такси и забываешь этот адрес. Второй раз объяснять не буду.

Он говорил негромко, но в его голосе не было ни капли сомнения. Это был человек, привыкший, что после таких слов люди сразу уходят.

Любые люди.

Я крепче сжала конверт.

— Нет.

Впервые за весь разговор он нахмурился.

— Что?

— Я не уйду.

— Думаешь, самая упрямая?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Но обещания не нарушаю.

Несколько секунд он молча смотрел на меня. Потом перевел взгляд на второго охранника и едва заметно усмехнулся.

— Совсем с головой не дружит.

Я ожидала, что сейчас меня просто выведут за ворота, но вместо этого мужчина неожиданно протянул руку.

— Дай сюда письмо.

Я сразу отступила на шаг.

— Нет.

— Девушка...

— Я сказала, нет.

— Тогда разговора не будет вообще.

Я покачала головой.

— Я обещала передать его лично. Если понадобится, я буду стоять здесь весь день.

На этот раз молчание затянулось. Первый охранник внимательно изучал мое лицо, словно пытался понять, блефую я или действительно готова провести под палящим солнцем столько, сколько потребуется. Потом он снова посмотрел на конверт. Его взгляд на долю секунды задержался на имени, написанном старым аккуратным почерком.

Что-то в выражении его лица едва заметно изменилось.

— Стой здесь, — коротко бросил он напарнику.

Достав из внутреннего кармана телефон, мужчина отошел на несколько метров и набрал номер. Он говорил тихо, так что я не могла разобрать слов, но по тому, как мгновенно выпрямилась его спина, стало ясно: на другом конце провода ответил кто-то, чьи приказы здесь не обсуждаются.

Лоренцо

Кабинет всегда был самым тихим местом в доме.

Толстые стены почти полностью отрезали звуки улицы, а панорамные окна выходили на сад, где вода в фонтане ле-

ниво разбивалась о темный камень. На первый взгляд кабинет мало напоминал место, где принимались решения, способные изменить судьбы десятков людей. Стеллажи с книгами, массивный письменный стол из темного дуба, несколько картин в тяжелых рамах и запах свежесваренного эспрессо. Любой посторонний решил бы, что перед ним кабинет владельца крупной строительной компании или инвестиционного фонда.

В каком-то смысле так оно и было.

Только настоящие отчеты никогда не лежали в папках с официальными логотипами.

Я молча перелистнул очередную страницу. Вместо привычных бухгалтерских отчетов передо мной лежали спутниковые снимки порта, схемы контейнеров и список маршрутов, по которым через два дня должна была пройти очередная поставка оружия. Часть груза уходила в Неваду, часть — в Аризону. Все было рассчитано до минуты. Любая ошибка стоила слишком дорого.

— Люди Росси снова полезли в порт, — спокойно произнес Вик, сидевший напротив. Он говорил ровным голосом, словно речь шла о задержке поставки мебели, а не о людях, которые уже несколько месяцев пытались перехватить мой маршрут. — На этот раз действовали через докеров. Двоих мы уже нашли.

Я поднял взгляд.

— Они успели что-нибудь передать?

— Нет.

— Уверен?

Вик едва заметно кивнул.

— Один заговорил сразу. Второго пришлось убеждать.

Меня не интересовало, каким именно способом. За тридцать лет совместной работы Вик давно перестал рассказывать подобные подробности, а я давно перестал спрашивать.

Я поднялся из-за стола и подошел к окну. За стеклом садовники подстригали живую изгородь, где-то возле фонтана Роза что-то объясняла новому сотруднику, а двое охранников неспешно обходили территорию. Если смотреть только отсюда, можно было решить, что это дом обычного богатого человека. Никто не увидел бы людей с автоматами в подземном тире, защищенный сервер в подвале или вооруженную охрану по периметру. Настоящая безопасность всегда оставалась незаметной.

— Передай Росси, — спокойно произнес я, продолжая смотреть в окно. — Если он еще раз полезет в мои поставки, следующий разговор состоится уже не со мной.

Вик понимающе кивнул и сделал короткую пометку в блокноте.

— Еще есть вопрос по Чикаго. Поставщик требует...

Договорить он не успел. Телефон на моем столе коротко завибрировал.

Я машинально посмотрел на экран. Внутренняя линия. Главные ворота.

Вик тоже заметил входящий вызов, но ничего не сказал. Обычно меня беспокоили только в двух случаях: если происходило что-то действительно серьезное или если кто-то оказался настолько настойчивым, что охрана уже не понимала, как от него избавиться.

— Да.

— Босс, — раздался в трубке голос одного из людей на КПП. — У ворот девушка.

Я устало потер переносицу.

— И?

— Говорит, что должна увидеть вас лично.

— Пусть обратится к секретарю.

— Уже предложили.

— Тогда отправьте домой.

На другом конце линии повисла небольшая пауза.

— Она отказывается уходить.

Я невольно усмехнулся.

За последние годы мне чего только не приносили к воротам этого дома. Документы, подарки, угрозы, прошения о помощи, предложения сотрудничества, цветы, а однажды какой-то сумасшедший даже приволок живого павлина, решив, что подобный жест произведет впечатление. Ничего нового.

— Значит, объясните еще раз.

— Объяснили.

— Плохо объяснили.

Вик едва заметно улыбнулся, продолжая спокойно ждать окончания разговора.

— Она говорит, что обязана лично передать вам письмо, — продолжил охранник уже менее уверенно. — Никому другому.

Я посмотрел на часы.

Через сорок минут должна была начаться встреча с представителями одного из моих легальных бизнесов, а после обеда — разговор с людьми из Майами. День был расписан почти по минутам.

— Пусть оставит письмо.

— Не соглашается.

Я раздраженно выдохнул.

— Тогда это уже не моя проблема.

И снова пауза.

На этот раз длиннее.

— Босс... думаю, вам стоит знать еще кое-что.

Я нахмурился.

— Что именно?

— Девчонке лет двадцать. Рыжая. Очень яркие волосы. Стоит здесь уже почти двадцать минут. Мы несколько раз предложили ей уехать, но она будто вообще не слышит. Только повторяет, что дала кому-то обещание.

Я сам не понял, почему замолчал.

Рыжие волосы. Какая-то нелепая деталь. Совершенно бессмысленная. За свою жизнь я видел тысячи людей с рыжими

волосами.

Но именно сейчас перед глазами неожиданно вспыхнуло воспоминание, которое я считал давно похороненным. Молодая девушка смеется, запрокинув голову к небу, а ветер бесконечно путается в длинных медных прядях. Настолько ярких, что на солнце они казались почти огненными.

Я резко отогнал эту мысль. Прошло больше двадцати лет. Совпадение. Не более.

— Вик, — спокойно произнес я, убирая телефон от уха. — Сходи, посмотри, чего она хочет.

Он уже поднялся со своего места, но я неожиданно остановил его жестом.

Сам не понимая почему.

— Нет... — тихо сказал я, застегивая пиджак. — Я выйду сам.

Вик удивленно посмотрел на меня. За долгие годы работы рядом со мной он прекрасно знал: я никогда не выхожу к незванным гостям.

— Что-то случилось?

Я молча посмотрел в сторону окна, за которым, где-то далеко за деревьями и высокими воротами, стояла совершенно незнакомая девушка.

— Пока не знаю, — ответил я, направляясь к двери кабинета. — Но почему-то мне кажется... этот визит изменит гораздо больше, чем сегодняшние поставки оружия.

Выйдя из дома, я почти сразу заметил охранников у глав-

ных ворот. Они стояли чуть напряженнее обычного, а один из них, заметив меня, незаметно отступил в сторону, освобождая проход. Уже по этому жесту я понял, что девушка оказалась настойчивее большинства людей, которым хватало пары минут, чтобы понять намек и уехать.

Ворота начали медленно разъезжаться в стороны с негромким металлическим скрежетом. Сквозь образовавшийся проем сначала показалась дорожка, залитая утренним солнцем, затем силуэт молодой девушки с небольшим чемоданом у ног. Она стояла совершенно неподвижно, крепко прижимая к груди сумку, словно в ней находилось что-то гораздо ценнее обычных вещей. Простая белая рубашка, темные джинсы, дорожные кроссовки — ничего общего с людьми, которые обычно приезжали к этому дому в надежде получить аудиенцию. Ни дорогих украшений, ни вызывающей одежды, ни показной уверенности. Только усталость, читающаяся даже на расстоянии.

Но не это заставило меня остановиться.

Солнце коснулось ее волос, и они вспыхнули медью.

Я непроизвольно замедлил шаг. На какое-то мгновение показалось, будто время сделало вдох и замерло вместе со мной. Эти волосы... этот цвет... Я слишком давно не вспоминал его. Вернее, заставил себя не вспоминать. За двадцать три года память стерла десятки лиц, сотни имен, тысячи событий. Но почему-то именно сейчас она безжалостно вытащила из прошлого девушку, которая любила стоять у мо-

ря, позволяя ветру путать длинные рыжие пряди. Это было невозможно. Совпадение. Всего лишь совпадение.

Я подошел ближе.

Теперь между нами оставалось не больше нескольких метров.

Она тоже внимательно смотрела на меня. Не испуганно. Не восхищенно. Скорее так, будто пыталась найти в моем лице ответы, за которыми проделала долгий путь. Голубые глаза внимательно изучали каждую черту моего лица, а подбородок был упрямо вздернут, словно она заранее приготовилась услышать отказ, но все равно не собиралась отступить.

Странное чувство не отпускало.

Мне казалось, что я уже видел этот взгляд.

Не ее.

Именно взгляд.

Так смотрят люди, которые давно приняли решение и теперь готовы идти до конца, какой бы ни была цена.

— Вы хотели меня видеть? — спокойно спросил я, нарушая затянувшееся молчание.

Девушка едва заметно кивнула. Несколько секунд она молчала, будто мысленно повторяла заранее подготовленные слова, но потом вместо объяснений просто расстегнула сумку и достала кремовый конверт.

— Моя мама просила передать это только вам, — тихо произнесла она, протягивая письмо. Голос слегка дрогнул,

но она тут же взяла себя в руки. — Лично.

Я машинально принял конверт.

Плотная бумага приятно холодила пальцы.

Сначала я даже не посмотрел на девушку. Все внимание почему-то сосредоточилось на старом конверте, будто именно он притягивал взгляд сильнее всего. А потом я увидел почерк.

Воздух словно застрял где-то в груди. Нет. Этого не может быть.

Я медленно провел большим пальцем по буквам, не веря собственным глазам. Этот наклон. Эти аккуратные соединения между буквами. Я узнал бы этот почерк из тысячи других.

София.

Пальцы впервые за много лет предательски дрогнули.

— Откуда... — слова застряли в горле.

Я не договорил. Не смог. Потому что уже вскрывал конверт.

Бумага тихо затрещала под пальцами, нарушая тишину, повисшую между нами. Вокруг продолжал шуметь фонтан, где-то переговаривались охранники, легкий ветер шевелил листья кипарисов, но все эти звуки будто отдалились, превратившись в едва различимый гул.

Я видел только письмо.

И строчки, написанные тем самым почерком.

"Если ты читаешь это письмо, значит, меня больше"

нет..."

Сердце болезненно сжалось.

Я продолжил читать быстрее, уже не замечая, как буквы начинают расплываться перед глазами.

"Прости меня за все эти годы молчания."

"Я слишком долго считала, что защищаю тебя..."

"Но больше не имею права скрывать правду."

Следующая строка заставила меня замереть.

"Девушка, которая сейчас стоит перед тобой... наша дочь."

Мир исчез. Я больше не слышал голосов. Не чувствовал ветра. Не видел ничего вокруг. Только эти несколько слов. Несколько слов, перечеркнувших двадцать один год моей жизни.

Я медленно поднял голову. Девушка по-прежнему стояла напротив, крепко сжимая ремень сумки, словно не знала, чего ждать дальше. И только теперь я позволил себе посмотреть на нее по-настоящему.

Не как на незнакомку. Не как на случайную гостью.

Я увидел рыжие волосы Софии. Тот же упрямо вздернутый подбородок, который когда-то сводил меня с ума. Те же светлые глаза, в которых смешались страх, сила и надежда.

Амелия

Я не знала, что мама написала в этом письме. За все время

дороги я десятки раз ловила себя на мысли, что достаточно просто вскрыть конверт и наконец получить ответы, которых мне не хватало всю жизнь. Но каждый раз перед глазами вставало ее лицо в тот последний вечер, холодные пальцы, сжимавшие мою ладонь, и тихая просьба передать письмо только адресату. Поэтому теперь мне оставалось лишь ждать. Я внимательно наблюдала за мужчиной, который стоял всего в нескольких шагах от меня, и постепенно понимала, что несколько листов бумаги способны изменить человека сильнее любого оружия. Сначала он просто читал, сосредоточенно скользя взглядом по строчкам. Затем его лицо начало медленно меняться. Исчезла привычная жесткость, с которой он появился у ворот, разгладилась уверенная усмешка, а между бровями пролегла глубокая складка. Он несколько раз перечитал одну и ту же строчку, будто не мог поверить собственным глазам, после чего его пальцы заметно дрогнули, так сильно, что край письма едва не выскользнул из рук. Казалось, за эти несколько секунд он стал старше на десяток лет.

Я невольно задержала дыхание. До этого момента мне казалось, что самый тяжелый разговор предстоит мне, но теперь я уже не была в этом уверена. Передо мной стоял человек, который всего несколько минут назад выглядел абсолютно невозмутимым, а сейчас словно забыл, где находится. Он больше не замечал ни охраны, ни открытых ворот за своей спиной, ни фонтана, шум которого до этого отчетливо до-

носился со двора. Вокруг продолжал дуть теплый ветер, где-то за забором проехала машина, кто-то из охранников тихо переговаривался по рации, но между нами повисла такая тяжелая тишина, что любой звук казался лишним. Мне хотелось спросить, все ли в порядке, но слова застряли в горле. Я понятия не имела, какое право вообще имею сейчас что-либо говорить.

Когда он наконец поднял голову, я машинально выпрямилась. Его взгляд больше не был таким, как в первую минуту нашей встречи. Исчезла настороженность, с которой он рассматривал незнакомую девушку у своих ворот. Теперь он смотрел так, словно пытался найти во мне кого-то другого. Его глаза медленно скользнули по моим волосам, задержались на лице, потом снова встретились с моими, и от этого долгого, почти болезненного взгляда мне стало не по себе. Казалось, он ищет ответы не в письме, а во мне. Я непроизвольно сильнее сжала ремень сумки, стараясь не отводить глаз, хотя внутри все сжималось от непонимания происходящего. Что бы ни написала мама, эти несколько страниц перевернули его мир так же стремительно, как несколько дней назад перевернули мой.

Он медленно сложил письмо обратно в конверт, провел большим пальцем по старой бумаге, словно боялся повредить единственную оставшуюся связь с прошлым, а затем глубоко вдохнул. Только после этого перевел взгляд на охранников, которые все это время стояли неподвижно, яв-

но ожидая дальнейших распоряжений. Несколько долгих секунд он молчал, будто каждое слово давалось ему с огромным трудом, а потом тихо произнес:

— Впустите ее, — сказал он негромко, не отрывая взгляда от моего лица.

Охранники заметно переглянулись. Даже мне, совершенно не знавшей порядков этого дома, стало понятно, что подобное решение оказалось для них неожиданным. Никто не стал задавать вопросов. Один из мужчин молча нажал кнопку на панели, и тяжелые кованые ворота начали медленно разъезжаться в стороны. Я продолжала стоять на месте, не в силах сделать первый шаг. Еще утром мне казалось, что я просто передам письмо, развернусь и уеду. Теперь же я впервые почувствовала, что, переступив эти ворота, уже не смогу вернуться к той жизни, которая закончилась вместе с мамой.

4 Глава

Амелия

Тяжелые кованые ворота медленно сомкнулись за моей спиной с тихим металлическим гулом, окончательно отрезая меня от улицы. Этот звук показался удивительно громким, словно поставил жирную точку между двумя совершенно разными жизнями. Еще час назад я сидела в обычном такси, убеждая себя, что просто выполняю последнее обещание мамы, передам письмо и исчезну так же незаметно, как появилась. Теперь же я шла по длинной каменной аллее вслед за человеком, которого всего несколько минут назад впервые увидела, и никак не могла избавиться от ощущения, что сделала шаг в мир, где для таких, как я, места никогда не существовало. Мы молчали. Он не пытался начать разговор, а я не находила в себе сил нарушить эту тишину. После письма в его лице появилось что-то неуловимо тяжелое, словно за те несколько минут, что он держал в руках мамины слова, на его плечи легли годы, о существовании которых он даже не подозревал.

Я украдкой оглядывалась по сторонам, стараясь делать это незаметно. Двор оказался таким огромным, что скорее напоминал территорию дорогого отеля, чем чей-то дом. В центре журчал фонтан из светлого камня, вокруг которо-

го идеально ровными кругами были высажены белые розы. Чуть дальше тянулись ряды кипарисов, настолько аккуратно подстриженных, будто каждую ветку ежедневно измеряли линейкой. Слева под навесом стояли автомобили, названия которых я знала только потому, что иногда видела их в фильмах или на рекламных баннерах. Даже воздух здесь казался другим — пахло нагретым камнем, свежескошенной травой и дорогими цветами, а не бензином и влажным асфальтом, к которым я привыкла дома. Несколько человек, работавших в саду, сразу прекращали разговоры, едва замечали Лоренцо. Кто-то едва заметно склонял голову, кто-то просто отходил в сторону, освобождая нам дорогу. Никто не смотрел ему прямо в глаза. Я поймала себя на мысли, что не понимаю, кем, черт возьми, нужно работать, чтобы люди реагировали на твое появление именно так. Даже владельцы ресторанов, где я когда-то работала, не вызывали у сотрудников подобного уважения... или страха. Был ли он просто очень богатым человеком? Крупным бизнесменом? Владелец сети казино? Мама никогда не говорила о нем почти ничего. Только имя. И теперь это имя вдруг превратилось в целый мир, правил которого я совершенно не понимала.

Чем ближе мы подходили к дому, тем сильнее я чувствовала себя лишней. Особняк возвышался передо мной как дорогая европейская вилла — светлый камень, высокие арочные окна, колонны, широкая лестница, ведущая к массивным деревянным дверям. Здесь не было показной роскоши,

которая кричала бы о деньгах. Наоборот, все выглядело настолько спокойно и естественно, будто богатство давно перестало быть чем-то особенным для людей, живущих здесь. И именно это впечатляло сильнее всего. Я невольно вспомнила нашу маленькую съемную квартиру. Старый холодильник, который приходилось закрывать бедром, чтобы дверца защелкнулась. Скрипучий паркет в коридоре, по которому мама всегда могла определить, что я ночью пошла на кухню за водой. Потертый диван, накрытый пледом, потому что ткань на подлокотниках давно протерлась. Мы никогда не жили красиво. Но каждая вещь в той квартире была нашей. Там оставался мамин смех, запах ее любимого чая с жасмином, бессонные ночи, проведенные рядом с ее кроватью, наши редкие счастливые вечера за просмотром старых фильмов. Это был дом. А здесь... здесь я чувствовала себя человеком, который случайно оказался в музее и боится сделать лишний шаг, чтобы не испортить что-нибудь слишком дорогое.

Стоило тяжелым дверям распахнуться, как это ощущение только усилилось. Просторный холл встретил прохладой кондиционеров, мягким светом огромной хрустальной люстры и таким высоким потолком, что я невольно запрокинула голову. По широкой мраморной лестнице можно было подняться сразу на второй этаж, вдоль стен висели картины, написанные маслом, а где-то в глубине дома едва слышно играла классическая музыка. Люди, встречавшиеся нам по пути,

двигались почти бесшумно, словно заранее знали, где должны оказаться в следующую секунду. Никто не суетился, никто не говорил громко. Все работало как идеально настроенный механизм. Я поймала себя на мысли, что впервые за долгое время не знаю, куда деть руки. Они сами собой сильнее сжали ручку чемодана, будто это была единственная знакомая вещь в этом чужом мире.

— Роза, — негромко произнес Лоренцо, и его голос мгновенно нарушил безупречную тишину дома.

Из соседнего коридора почти сразу появилась женщина лет пятидесяти пяти. На ней было строгое темно-синее платье без единого лишнего украшения, серебристые волосы были собраны в аккуратный пучок, а на лице читалось то спокойное достоинство, которое появляется у людей, много лет работающих в одном доме. Она коротко кивнула хозяину, после чего перевела внимательный взгляд на меня. В ее глазах не было любопытства или осуждения. Лишь профессиональная сдержанность человека, привыкшего не задавать лишних вопросов.

— Подготовь одну из гостевых комнат, — спокойно сказал Лоренцо, не сводя с меня взгляда. — Амелии нужно немного отдохнуть с дороги.

Я почти сразу покачала головой.

— Нет, — слова сорвались быстрее, чем я успела их обдумать. — Не нужно. Я не собираюсь оставаться здесь. Мне просто... нужно было передать письмо.

На несколько секунд между нами снова повисла тишина. Я ожидала, что он начнет убеждать меня, задавать вопросы или, наоборот, обидится на мои слова. Но Лоренцо лишь внимательно посмотрел мне в глаза, и в этом взгляде не было ни раздражения, ни давления.

— Я не прошу тебя принимать какие-либо решения прямо сейчас, — спокойно произнес он, и голос его звучал удивительно мягко для человека, которого несколько минут назад охрана называла боссом. — Ты проделала долгую дорогу, почти не спала и явно устала. Отдохни. Через несколько часов мы спокойно поговорим. После этого ты сможешь решить, что делать дальше.

Почему-то именно эта спокойная уверенность заставила меня промолчать. Не потому, что я согласилась с ним. Просто сил спорить больше не осталось. Я медленно кивнула, продолжая убеждать себя в одном: это всего лишь несколько часов. Потом разговор. Потом я уйду. И этот дом снова станет чужим местом, в которое я никогда больше не вернусь.

Пока Роза неторопливо поднималась по широкой мраморной лестнице, я несколько раз украдкой переводила взгляд на мужчину, который молча шел впереди. Теперь, когда первая волна шока немного отступила, я впервые позволила себе рассмотреть его по-настоящему. Наверное, именно таким я и представляла человека, способного одним взглядом заставить замолчать целую комнату. Высокий, широкоплечий, с идеально прямой осанкой, словно годы не

смогли согнуть его под тяжестью прожитой жизни. Темные волосы уже заметно тронула седина на висках, но она не старела его, а лишь подчеркивала возраст и ту внутреннюю силу, которая ощущалась в каждом движении. На его лице не было ни одной лишней эмоции. Резкие скулы, тяжелая линия подбородка, спокойный взгляд темно-карих глаз — все говорило о человеке, который привык принимать решения, не спрашивая чужого мнения. Даже сейчас, после письма, которое буквально несколько минут назад выбило почву у него из-под ног, он держался так, будто слабость была роскошью, которую он давно себе запретил. И я невольно поймала себя на мысли, что мама когда-то любила именно этого человека. Не молодого парня с фотографии, которую я столько раз рассматривала последние дни, а вот этого мужчину, в глазах которого сейчас поселилась какая-то очень старая, глубоко спрятанная боль.

От этой мысли стало странно. Я столько лет пыталась представить своего отца. Иногда воображала обычного мужчину, который просто однажды ушел. Иногда — законченного эгоиста, забывшего о нашем существовании. Несколько раз, особенно в подростковом возрасте, я даже ненавидела его, хотя понятия не имела, кто он такой. Но человек, который сейчас молча шел впереди, совсем не был похож ни на один из придуманных мною образов. Он выглядел так, словно вся его жизнь состояла из ответственности и решений, от которых зависело слишком многое. И это только сильнее

запутывало. Если мама говорила правду... почему тогда он ничего не знал обо мне? Почему она молчала столько лет? Почему именно сейчас?

Роза остановилась возле одной из дверей второго этажа и мягко нажала на ручку.

— Это будет ваша комната, мисс, — спокойно произнесла она, отступая в сторону. В ее голосе звучало уважение, но не натянутая услужливость, а какая-то удивительно искренняя вежливость человека, который действительно привык заботиться о доме и людях в нем. — Если вам что-нибудь понадобится, просто сообщите мне. Я буду неподалеку.

— Спасибо, — тихо ответила я, переступая порог.

Дверь за моей спиной закрылась почти бесшумно.

Я так и осталась стоять посреди комнаты, продолжая сжимать ручку чемодана. Передо мной раскинулась спальня, размером почти с всю нашу квартиру. Огромная кровать, застеленная белоснежным бельем, широкие панорамные окна с видом на сад, книжный шкаф, небольшой диван у камина, картины на стенах и свежие цветы в высокой стеклянной вазе. Здесь все выглядело идеально. Настолько идеально, что казалось неживым. Ни случайно брошенного пледа, ни чашки, оставленной на прикроватной тумбе, ни книги с загнутым уголком страницы. Будто в этой комнате никто никогда не жил.

Я медленно поставила чемодан на пол, но так и не открыла его. Не сняла куртку. Не присела на кровать. Вместо этого

подошла к окну и несколько секунд молча смотрела на аккуратно подстриженные деревья внизу. Мне отчаянно хотелось убедить саму себя, что происходящее — всего лишь короткая остановка. Через несколько часов мы поговорим. Я поблагодарю его за то, что он согласился принять меня, объясню, что не собираюсь вмешиваться в его жизнь, и уеду. Найду дешевый мотель, потом квартиру. В Лас-Вегасе наверняка нужны официантки, бариста или администраторы. Я работала с шестнадцати лет. Последние три года практически без выходных. Значит, справлюсь и сейчас. Мне не нужны чужие деньги, огромные дома и фамилия человека, которого я увидела впервые в жизни. Я приехала только потому, что дала обещание маме. И как только выполню его до конца, снова останусь одна. Эта мысль должна была успокаивать. Но почему-то чем дольше я повторяла ее про себя, тем меньше сама в нее верила.

В дверь негромко постучали спустя несколько часов.

— Мисс Амелия? — донесся спокойный голос Розы. — Хозяин просил пригласить вас к ужину.

Я глубоко вдохнула, машинально поправила волосы и наконец сняла куртку, аккуратно повесив ее на спинку кресла. Почему-то именно сейчас, стоя перед дверью, я почувствовала куда большее волнение, чем у ворот особняка. Тогда передо мной был один человек. Сейчас меня ждали те, кто всю жизнь считал себя семьей. Я же появлялась в их доме словно незванный гость, о существовании которого никто да-

же не подозревал.

Мы молча спустились по лестнице. По мере того как приближалась столовая, внутри все сильнее нарастало неприятное напряжение. Я пыталась убедить себя, что это всего лишь ужин, обычное знакомство, после которого ничего не изменится. Но сердце почему-то билось так быстро, словно заранее знало то, чего еще не понимала я сама.

Роза остановилась у высоких двустворчатых дверей, легко коснулась ручки и, распахнув их, чуть отошла в сторону, пропуская меня вперед.

— Двадцать лет моей жизни уже украдены, — тихо продолжил он. — Этого не изменить. Но я не хочу потерять еще больше времени только потому, что появился слишком поздно. Внутри что-то болезненно сжалось. Потому что часть меня понимала его. А другая отчаянно сопротивлялась.

— Вы... — я запнулась, сама не заметив, что впервые не назвала его по имени. — Вы для меня совершенно чужой человек.

Он грустно улыбнулся.

— Знаю.

— Я не могу за один день начать считать вас отцом.

— И не должен просить тебя об этом.

Снова наступила тишина.

— Тогда чего вы хотите?

Он ответил не сразу.

— Несколько дней.

Я нахмурилась.

— Что?

— Останься ненадолго. Не навсегда. Не на месяц. Просто дай нам возможность узнать друг друга. Если после этого ты по-прежнему решишь уехать, я не стану тебя удерживать.

Я отвела взгляд к окну.

Все внутри требовало отказаться. Уехать. Закрыть эту дверь и больше никогда не возвращаться.

Но перед глазами снова возникло лицо мамы в тот последний вечер.

"Дай ему шанс..."

Она не сказала этих слов вслух. Но почему-то именно их я сейчас слышала.

Я медленно выдохнула.

— Несколько дней.

На лице мужчины впервые за весь вечер появилась едва заметная улыбка.

— Спасибо.

Он не сделал ни шага навстречу. Не попытался обнять меня. Не сказал, что счастлив. И именно это почему-то заставило меня поверить ему немного больше.

Он подошел к двери кабинета и, взявшись за ручку, спокойно произнес:

— Есть еще кое-что.

Я вопросительно посмотрела на него.

— Я хочу познакомить тебя с моими сыновьями.

Я почувствовала, как сердце снова забилось быстрее.

Похоже...

Самая сложная часть этого вечера только начиналась.

Стоило мне переступить порог столовой, как все разговоры мгновенно стихли.

За длинным столом уже сидели трое мужчин.

— Хочу, чтобы вы познакомились, — спокойно произнес Лоренцо, нарушая повисшую тишину. Он обвел взглядом сидевших за столом мужчин, затем посмотрел на меня, словно мысленно подбирая слова. — Амелия.

Три пары глаз одновременно остановились на мне, и я впервые за долгое время почувствовала себя по-настоящему неуютно. В ресторанах, где мне приходилось работать, на меня тоже смотрели десятки людей каждый день, но там я была всего лишь официанткой, одной из многих. Сейчас все было иначе. Эти мужчины не знали, кто я такая, зачем появилась в их доме и почему их отец вдруг привел за семейный стол совершенно незнакомую девушку. Казалось, даже воздух в комнате стал тяжелее. Я машинально выпрямила спину, стараясь не показывать, насколько неловко мне сейчас стоять посреди чужой столовой, где каждый предмет выглядел дороже всего, чем я когда-либо владела.

Лоренцо первым перевел взгляд на мужчину, сидевшего справа от него.

— Дамиано. Мой старший сын.

Я посмотрела на него внимательнее. Он был высоким, широкоплечим и удивительно собранным. Темно-каштановые волосы были аккуратно зачесаны назад, идеально сидящий темный костюм не имел ни единой складки, а холодные карие глаза изучали меня так внимательно, будто за несколько секунд пытались прочесть всю мою биографию. В его лице не было ничего лишнего — резкие скулы, напряженная линия челюсти, спокойствие человека, привыкшего держать эмоции под контролем. Наверное, именно таким я представляла успешного адвоката или крупного финансиста. Человека, который никогда не принимает решений, пока не проверит все факты. Вместо приветствия он лишь едва заметно кивнул, и этого оказалось достаточно, чтобы я поняла: доверяя с его стороны ждать не стоит.

— Энцо, — продолжил Лоренцо, кивнув на мужчину рядом.

Стоило мне перевести взгляд, как разница между братьями стала очевидной, несмотря на их поразительное сходство. Такие же каштановые волосы, такие же карие глаза и почти одинаковые черты лица, но если Дамиано выглядел человеком, которого невозможно застать врасплох, то Энцо словно вообще не умел долго оставаться серьезным. В уголках его губ уже появилась легкая улыбка, а взгляд был живым и открытым, будто происходящее не пугало его, а, наоборот, вызывало искреннее любопытство.

— Приятно познакомиться, — сказал он с дружелюбной

улыбкой, слегка наклонив голову. — Хотя, если честно, чувствую, сегодняшний вечер нас всех еще очень сильно удивит.

В его голосе не было насмешки. Скорее попытка хоть немного разрядить напряжение, которое буквально звенело в воздухе. Я сама не заметила, как уголки моих губ едва заметно дрогнули в ответ. Это была слабая, почти незаметная улыбка, но именно она помогла мне сделать первый нормальный вдох с того момента, как я переступила порог этой комнаты.

Потом мой взгляд совершенно случайно скользнул дальше.

И остановился.

Третий мужчина сидел чуть поодаль, лениво откинувшись на спинку стула, словно происходящее касалось его меньше остальных. Он был единственным, кто совершенно не походил на двух братьев. Темные, почти черные волосы выглядели слегка растрепанными, будто он провел по ним рукой всего несколько минут назад. Рукава черной рубашки были закатаны до локтей, открывая сильные предплечья, почти полностью покрытые татуировками. Черные линии переплетались между собой, исчезая под тканью рубашки, и почему-то сразу возникало ощущение, что рисунки продолжают-ся гораздо выше. Но сильнее всего притягивали взгляд его глаза. Темно-карие, почти черные в мягком вечернем свете, они спокойно наблюдали за мной без тени любопытства или удивления. Он не пытался казаться приветливым. Не улы-

бался. Не хмурился. Просто смотрел так внимательно, что на секунду мне показалось, будто он замечает гораздо больше, чем показывает.

Я поймала себя на том, что задержала взгляд дольше, чем было прилично.

«Перестань», — мысленно одернула я себя, заставляя посмотреть в сторону.

Это было глупо.

Наверное, дело лишь в том, что он так сильно отличался от остальных. Дамиано и Энцо казались частью одного мира — похожие внешне, похожие манерами. Этот же мужчина словно существовал отдельно от всех. В нем чувствовалось что-то необъяснимо опасное и одновременно притягательное, как в грозе, за которой наблюдаешь через окно, прекрасно понимая, что приближаться к ней не стоит.

— Нико, — спокойно произнес Лоренцо, представляя младшего сына.

Нико лишь коротко кивнул, не сказав ни слова.

Почему-то именно это молчание запомнилось мне сильнее любого приветствия.

Лоренцо не спешил продолжать. Он несколько секунд молча смотрел на сыновей, словно давая каждому возможность запомнить этот вечер таким, каким он был еще минуту назад. Его взгляд задержался сначала на Дамиано, потом на Энцо и лишь в самом конце остановился на Нико. В комнате снова воцарилась тишина. Даже я почувствовала, что сейчас

прозвучит что-то важное. Настолько важное, что после этих слов уже ничего не останется прежним.

— Есть еще кое-что, что вы должны знать, — наконец спокойно произнес Лоренцо, сложив руки за спиной. Его голос звучал ровно, но я уже успела заметить: чем спокойнее он говорил, тем серьезнее были его слова.

Все трое одновременно посмотрели на него.

— Амелия... моя дочь.

На несколько секунд мир словно перестал двигаться.

Я даже не сразу поняла, что никто не дышит.

Первым нарушил молчание Энцо.

— Подожди... — он нахмурился, переводя растерянный взгляд с меня на Лоренцо, будто пытался найти в его лице намек на розыгрыш. — Прости, кажется, я что-то пропустил. Ты сказал... дочь?

— Да, — коротко ответил Лоренцо.

— В смысле... дочь? — Энцо нервно усмехнулся. — Не крестница? Не дочь какого-нибудь старого друга? Не...

— Моя родная дочь, — спокойно перебил его Лоренцо. — София родила ее двадцать лет назад.

Улыбка медленно исчезла с лица Энцо.

Он несколько раз моргнул, будто услышанное никак не укладывалось в голове.

— Подожди... — тихо повторил он. — Та самая София? Лоренцо коротко кивнул.

Этого оказалось достаточно.

— Черт... — почти шепотом выдохнул Энцо, машинально проводя ладонью по затылку. — Это... это сейчас вообще реально происходит?

Дамиано до этого момента молчал. Он медленно откинулся на спинку кресла, не сводя с отца тяжелого взгляда. Его лицо почти не изменилось, но напряжение стало заметно даже мне. Он выглядел человеком, который уже начал складывать в голове факты в единую картину.

— Ты уверен? — наконец спокойно спросил он.

Лоренцо встретился с ним взглядом.

— Более чем.

— Проверил?

— Да.

— ДНК?

— Будет. Но оно ничего не изменит.

Дамиано несколько секунд молчал.

— Значит... письмо?

— Да.

Он кивнул самому себе, будто подтверждая собственные мысли, после чего впервые посмотрел прямо на меня. Не как несколько минут назад, когда перед ним стояла незнакомая девушка. Теперь его взгляд стал куда внимательнее. Он словно искал в моем лице черты человека, которого когда-то знал.

— Она знает? — спросил он, снова обращаясь к Лоренцо.

Я не сразу поняла, что вопрос касается меня.

— Знаю что? — тихо произнесла я раньше, чем успел ответить Лоренцо.

Все взгляды одновременно снова оказались направлены на меня.

Лоренцо выдержал короткую паузу.

— Что вы теперь брат и сестра.

От этих слов внутри что-то странно сжалось.

Брат.

Братья.

Еще вчера у меня не было никого.

Сегодня передо мной сидели трое мужчин, которых этот человек называл моей семьей.

Это казалось настолько невозможным, что мозг просто отказывался воспринимать происходящее всерьез.

Энцо тихо усмехнулся, все еще не веря собственным ушам.

— Получается... — он снова посмотрел на меня. — У меня появилась сестра?

— Получается, так, — спокойно ответил Лоренцо.

— Ничего себе...

Он покачал головой и неожиданно улыбнулся.

— Честно? Я вообще не знаю, что в таких случаях говорят.

Несмотря на абсурдность ситуации, я почувствовала, как напряжение внутри немного ослабло. Энцо был первым человеком за этим столом, рядом с которым становилось хоть

немного легче дышать.

Дамиано, напротив, оставался совершенно серьезным.

— Почему мы узнаем об этом только сейчас? — спросил он.

— Потому что до сегодняшнего дня я сам ничего не знал.

Ответ прозвучал настолько твердо, что дальнейших вопросов не последовало.

Все это время молчал только один человек.

Нико.

Я сама не заметила, как снова посмотрела в его сторону.

Он по-прежнему сидел неподвижно, опираясь локтем о подлокотник кресла, но теперь его взгляд уже не был таким равнодушным, как несколько минут назад. Он внимательно смотрел на меня, словно пытался понять, кто я на самом деле и как за один вечер смогла изменить привычный мир этой семьи.

По какой-то причине именно его молчание казалось громче всех прозвучавших сегодня слов.

5 Глава

Нико

После ужина дом постепенно возвращался к привычной тишине. Где-то в глубине особняка негромко переговаривались сотрудники, Роза уже распоряжалась насчет десерта, который так и остался почти нетронутым, а за панорамными окнами медленно сгущались сумерки, окрашивая сад в темно-синие оттенки. Я вышел из столовой одним из последних, бесшумно прикрыв за собой дверь. Хотелось закурить, хотя бросил я почти два года назад. Дурацкая привычка возвращалась только тогда, когда происходило что-то, что невозможно было разложить по полкам.

А сегодняшний вечер именно таким и был.

За все годы, что я жил под крышей этого дома, я ни разу не видел **отца** настолько выбитым из привычного состояния. Он не повысил голос, не показал слабости, не позволил себе лишних эмоций, но я слишком давно его знал, чтобы не замечать подобных вещей. Для остальных он оставался человеком, который одним словом мог остановить войну между семьями или решить судьбу многомиллионной сделки. Для меня он прежде всего был человеком, который вырастил меня, научил держать удар и всегда оставался непоколебимым. Именно поэтому сегодняшнее письмо насторожило сильнее

всего. Оно сделало то, чего не смогли годы войны между семьями, — заставило отца потерять самообладание хотя бы на несколько минут.

Если отец что-то сказал, значит, так оно и есть.

Это правило я усвоил еще подростком.

Не задавай лишних вопросов. Не сомневайся. Не ищи скрытого смысла там, где его нет. Если он сказал, что у него есть дочь, значит, у меня появилась сестра.

Я медленно расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, чувствуя, как напряжение неприятно сковывает шею. Странно. За свою жизнь я видел вещи куда хуже неожиданно объявившейся родственницы. Видел кровь, предательства, похороны людей, которых знал с детства. Но почему-то именно эта новость никак не хотела укладываться в голове.

Перед глазами снова возникла она. Ярко-рыжие волосы. Голубые глаза. Упрямо вздернутый подбородок.

Она почти не говорила за ужином. Больше слушала, внимательно наблюдая за каждым из нас, словно пыталась понять, в какой мир попала. В ней не было жадного любопытства, которое я привык видеть у людей, внезапно оказавшихся рядом с большими деньгами. Она не разглядывала дом с восхищением, не задавала вопросов, не пыталась понравиться. Наоборот. Складывалось ощущение, что ей хотелось оказаться где угодно, только не здесь.

Я невольно вспомнил момент, когда она вошла в столовую.

Тонкая талия. Длинные ноги. Простая одежда, которая почему-то смотрелась на ней лучше любого дизайнерского платья. Ее фигура сразу притягивала взгляд, и я отметил это раньше, чем успел себя остановить. Красивая. Настолько красивая, что любой мужчина обернулся бы ей вслед.

Я тихо выругался себе под нос. Какого черта?

Мысль оборвалась так же быстро, как появилась. Она дочь отца. Моя сестра. Этого было достаточно, чтобы поставить точку.

Я раздраженно провел ладонью по лицу, словно вместе с этим жестом мог стереть собственные мысли. Они ничего не значили. Вообще ничего. Я слишком хорошо умел контролировать себя, чтобы позволить подобной глупости пустить корни. Красивая женщина оставалась просто красивой женщиной.

Не более.

За моей спиной негромко открылась дверь кабинета.

— Нико, — раздался спокойный голос отца.

Я обернулся.

Он уже выглядел так, как всегда. Собранный. Невозмутимый. Будто несколько часов назад его жизнь не перевернулась с ног на голову.

— Зайдешь? — спросил он.

Я молча кивнул.

Похоже, настоящий разговор только начинался.

Отец молча закрыл за мной дверь кабинета. Щелчок зам-

ка прозвучал неожиданно громко, после чего в комнате снова воцарилась тишина. Обычно здесь обсуждались поставки, контракты, вопросы безопасности или проблемы, которые неизбежно возникали в нашей работе. Сегодня все выглядело иначе. На массивном письменном столе не было папок с документами, планшетов с отчетами или карт маршрутов. Только один раскрытый конверт и несколько исписанных от руки листов, которые отец перечитывал уже, наверное, не первый раз.

Он не сказал ни слова. Просто взял письмо и протянул его мне.

Я молча подошел ближе. Бумага оказалась старой, слегка пожелтевшей по краям, словно все эти годы пролежала в одном и том же месте. Почерк был аккуратным, ровным, удивительно спокойным для человека, который писал подобные слова.

"Если ты читаешь это письмо, значит, меня больше нет..."

Я читал медленно, не пропуская ни одной строчки. Женщина, которую никогда не видел, рассказывала о том, как двадцать лет назад приняла решение исчезнуть из жизни мужчины, которого любила. О том, почему скрыла беременность. О том, как каждый день собиралась рассказать правду, но каждый раз находила новую причину промолчать. О том, что их дочь выросла доброй, сильной и упрямой. О том, что всю жизнь боялась только одного — умереть раньше, чем

успеет исправить собственную ошибку.

Последние строки я перечитал дважды. Не потому, что не понял смысл. Потому что не сразу смог принять его. Я медленно положил письмо обратно на стол и поднял взгляд на отца.

За всю жизнь я видел его разным. Холодным. Безжалостным. Разъяренным. Уставшим после бессонных ночей. Видел, как он без колебаний принимал решения, стоившие другим людям жизни. Но никогда не видел его настолько... опустошенным.

Сегодня он одновременно получил все и потерял все.

Он узнал, что у него есть дочь.

И в тот же самый день понял, что женщина, которую он любил больше двадцати лет назад, уже никогда не сможет увидеть, как они познакомятся.

Наверное, такая цена была слишком высокой даже для человека вроде него.

Отец подошел к окну, несколько секунд молча смотрел в темный сад, после чего тихо заговорил:

— Вик уже поднял все архивы. Проверил даты, документы, больницы, свидетелей. Завтра будет анализ ДНК, но он нужен скорее для отчета, чем для меня.

Он ненадолго замолчал.

— Я не сомневаюсь.

Я тоже.

После этого письма сомневаться было невозможно.

— Она моя дочь.

В кабинете снова повисла тишина. Я понимал, что разговор еще не закончен. Если отец позвал меня именно сейчас, значит, дело было не только в письме.

Он словно прочитал мои мысли.

— Нико.

Я поднял голову.

— Она даже не представляет, куда попала.

Его голос снова стал привычно спокойным. Именно таким он говорил перед важными решениями.

— Пока Амелия считает, что приехала познакомиться с отцом. Думает, что сможет в любой момент собрать вещи и вернуться к прежней жизни. Но прежней жизни больше нет.

Я молча слушал.

— Если информация о ней выйдет за пределы этого дома, мои враги узнают об этом быстрее, чем мы успеем придумать, как ее защитить.

Он повернулся ко мне. Взгляд снова стал жестким. Холодным. Таким, каким я привык его видеть.

— Они не смогут добраться до меня.

Короткая пауза.

— Поэтому попытаются добраться до нее.

Эти слова прозвучали спокойно. Слишком спокойно. Именно поэтому я сразу понял, насколько серьезно он говорит. Любая семья знала главное правило нашего мира. Если не можешь ударить по человеку — ударь по тем, кого он лю-

бит.

И впервые за долгие годы у моего отца появилось самое уязвимое место. Дочь, о существовании которой он узнал только сегодня.

Отец несколько секунд молчал, словно окончательно принимая решение. Потом медленно обошел стол и остановился напротив меня.

— Есть еще одна причина, по которой я тебя позвал.

Я поднял взгляд.

— Амелия уже сказала, что не собирается здесь задерживаться. Она уверена, что утром сможет собрать вещи и уехать.

Он горько усмехнулся, но улыбка тут же исчезла.

— Она еще не понимает, что с того момента, как переступила порог этого дома, ее жизнь изменилась.

Я молча ждал продолжения.

— Я не могу отпустить ее, — спокойно произнес отец. — Не сейчас. Пока мы не убедимся, что о ней никто не знает.

Он сделал небольшую паузу.

— С сегодняшнего дня за ее безопасность отвечаешь ты.

Никакого удивления я не испытал. Обычный приказ. Таких за годы было сотни. Изменились только обстоятельства.

— Понял, — коротко ответил я.

Отец внимательно посмотрел мне в глаза, будто пытался убедиться, что я действительно понимаю всю ответственность.

— Она будет сопротивляться. Спорить. Попытается сбежать, если решит, что это единственный способ вернуть себе прежнюю жизнь.

— Не сбежит.

— Не должна, — поправил он. — Потому что, если выйдет за пределы нашей защиты, долго одна она не останется.

Я едва заметно кивнул.

— Я все сделаю.

Отец подошел ближе и впервые за весь разговор положил ладонь мне на плечо.

— Я доверяю тебе больше, чем кому-либо в этом доме.

— Не подведу.

Он убрал руку и коротко кивнул. Разговор был окончен.

Для меня Амелия не была загадкой, неожиданным подарком судьбы или давно потерянной родственницей. Пока что она оставалась человеком, которого необходимо защитить.

Новое имя. Новое лицо. Новое задание. И, как любое другое поручение отца, оно должно было быть выполнено безупречно.

Закрыв за собой дверь кабинета, я на несколько секунд остановился в пустом коридоре. В доме снова стало тихо. Где-то на первом этаже негромко звенела посуда, Роза, скорее всего, уже распоряжалась насчет кухни, а из открытого окна доносился шум вечернего фонтана.

Я уже собирался спуститься вниз, когда заметил движение в другом конце коридора.

Она.

Амелия быстрым шагом шла к лестнице, явно стараясь поскорее исчезнуть отсюда. Даже со спины было видно, насколько она напряжена. Плечи подняты, ладони сжаты в кулаки, шаг слишком быстрый для человека, который просто возвращается в комнату.

Похоже, разговор с отцом закончился именно так, как я и ожидал.

— Амелия.

Она остановилась, но обернулась не сразу. Несколько секунд стояла неподвижно, будто решала, стоит ли вообще реагировать. Потом медленно повернулась ко мне.

— Да?

Голос спокойный.

Слишком спокойный.

Я успел понять таких людей. Именно так обычно разговаривают за секунду до того, как пошлют тебя к черту.

Я подошел ближе. Теперь нас разделяло всего несколько шагов.

При нормальном освещении я впервые заметил то, чего не увидел за ужином. Веснушки. Совсем светлые, почти незаметные, рассыпанные по переносице и щекам. Их было немного, но именно они делали ее лицо каким-то... настоящим. Неидеальным. Живым.

Блять.

Не о том думаешь.

— С завтрашнего дня у тебя будут новые правила, — спокойно сказал я. — Без предупреждения из дома не выходишь. Если куда-то едешь — только с сопровождением. Любые маршруты заранее согласовываются.

Она несколько секунд просто смотрела на меня.

Потом тихо усмехнулась.

— Это шутка?

— Нет.

— Тогда плохая.

Она сложила руки на груди.

— Мы знакомы... сколько? Часа три?

— Примерно.

— И за эти три часа вы с отцом уже решили, как я должна жить?

— Не мы.

— А кто?

— Обстоятельства.

Она закатила глаза.

— Господи...

Я уже видел это выражение лица.

Упрямое.

Из тех, кто сначала делает, потом думает.

Отец был прав.

Проблем будет много.

— Послушай, — начала она, сделав шаг ко мне. — Я понимаю, что у вас здесь свои правила. Свои... порядки. Но это

не имеет ко мне никакого отношения. Завтра утром я уеду, сниму квартиру, найду работу и...

— Нет.

Она нахмурилась.

— Что значит "нет"?

— Значит, ты никуда не поедешь одна.

— Это ты сейчас решил?

— Нет. Отец.

Она резко выдохнула.

— Отлично. Значит, передай своему отцу, что я не его собственность.

— Передам.

— И?

— Это ничего не изменит.

Несколько секунд она молча смотрела мне в глаза.

Потом нервно рассмеялась.

— Вы все здесь ненормальные?

— Возможно.

— Серьезно?

— Абсолютно.

Она покачала головой, словно пыталась поверить, что этот разговор вообще происходит.

— Вы даже не знаете меня.

— Мне и не нужно.

— Тогда почему ты решил, что можешь указывать, куда мне ходить?

— Потому что мне приказали сделать так, чтобы с тобой ничего не случилось.

— А если я не хочу?

Я пожал плечами.

— Это тоже ничего не меняет.

Она сделала еще шаг вперед.

Теперь между нами оставалось меньше метра.

— Слушай внимательно, — тихо сказала она, глядя прямо мне в глаза. — Последние три года я сама обеспечивала себя и маму. Работала без выходных. Решала все проблемы самостоятельно. И знаешь что? Прекрасно справлялась без телохранителей, охраны и мужчин, которые считают, будто знают, что для меня лучше.

Я выдержал ее взгляд.

— Верю.

Кажется, такой ответ она ожидала меньше всего.

— Тогда в чем проблема?

— В том, что вчера ты была обычной девушкой.

Я сделал небольшую паузу.

— А сегодня ты дочь моего отца.

Она раздраженно выдохнула.

— Да перестаньте вы все повторять это так, будто моя жизнь теперь принадлежит кому-то другому!

— Нет.

— Тогда почему никто не спрашивает, чего хочу я?

Я несколько секунд молчал.

Потому что ответ ей точно не понравился.

— Потому что иногда желание выжить важнее желания быть свободной.

Она смотрела на меня еще пару секунд, после чего резко отвернулась.

— Ненавижу, когда мне указывают.

— Уже заметил.

— И не рассчитывай, что я буду беспрекословно выполнять ваши приказы.

Я едва заметно усмехнулся.

— Уже понял.

Она бросила на меня раздраженный взгляд.

— Не улыбайся.

— Я и не улыбаюсь.

— Врешь.

Я действительно перестал.

Потому что в голове крутилась всего одна мысль.

Блять...

Отец поручил мне защищать девушку, которая, похоже, собиралась воевать не с врагами, а со мной.

И почему-то я был почти уверен, что это окажется гораздо сложнее.

6 Глава

Амелия

Просыпаюсь не от звука будильника и не от кашля, доносящегося из соседней комнаты. Меня будит тишина.

Она оказывается настолько непривычной, что первые несколько секунд я просто лежу, не открывая глаз, пытаюсь понять, почему вокруг так спокойно. Не слышно старого радиатора, который каждую зиму стучал так, будто вот-вот развалится окончательно. Не гудят машины под окнами, не хлопает дверь квартиры напротив, не скрипят половицы в коридоре. Только легкий шелест кондиционера и пение птиц где-то далеко за окном.

Я медленно открываю глаза.

Белый потолок. Высокие окна. Незнакомая спальня. Слишком большая кровать, в которой я, кажется, могла бы потеряться.

Несколько секунд мне искренне кажется, что все происшедшее вчера было каким-то странным сном. Потом взгляд падает на кресло, где лежит моя куртка, на чемодан, который я так и не разобрала, и память безжалостно возвращает каждое событие прошедшего дня. Последнее письмо мамы. Особняк. Мужчина, который оказался моим отцом. Трое братьев, существование которых еще позавчера каза-

лось невозможным.

Я медленно сажусь на кровати, проводя ладонями по лицу.

Ничего не изменилось.

Кроме всей моей жизни.

В дверь тихо стучат.

— Доброе утро, мисс Амелия, — мягко произносит Роза, входя в комнату с небольшим подносом. — Надеюсь, вы хорошо отдохнули.

Я поспешно поднимаюсь.

— Не стоило... Я могла сама спуститься.

— Конечно, могли, — тепло улыбается она, ставя чашку кофе и тарелку с завтраком на небольшой столик у окна. — Но хозяин попросил сначала дать вам спокойно проснуться. Когда будете готовы, спускайтесь. Все уже собираются к завтраку.

Я благодарю ее, и Роза, пожелав приятного аппетита, бесшумно выходит из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я долго смотрю на дымящуюся чашку кофе. Последние три года каждое мое утро начиналось одинаково. Проверить, спит ли мама. Помочь ей подняться. Дать лекарства. Приготовить завтрак. Только потом думать о себе. Сегодня впервые за долгое время мне некого будить. И именно это ощущается страшнее всего.

К тому моменту, когда я спускаюсь вниз, запах свежей вы-

печки уже заполняет весь первый этаж. Дом, который вчера казался холодным и почти безжизненным, утром выглядит совсем иначе. Где-то негромко переговариваются сотрудники, из кухни доносится звон посуды, солнечный свет льется через огромные окна, превращая темный мрамор пола в теплое золото. Кажется, этот особняк живет по собственным правилам, где каждый знает свое место и каждое утро начинается по давно выверенному сценарию.

Стоит мне переступить порог столовой, как все уже сидят за столом.

И почти одновременно поднимают головы.

— Доброе утро, сестренка, — первым нарушает тишину Энцо, широко улыбаясь так, будто мы знакомы всю жизнь. Он поднимает кружку с кофе, словно произносит тост. — Надеюсь, ты не испугалась, что мы существуем не только по вечерам.

Я невольно улыбаюсь.

— Пока не решила.

— Отличный ответ, — довольно смеется он, указывая на свободный стул рядом с собой. — Садись. Пока Дамиано не начал устраивать тебе собеседование.

— Я никого не собирался допрашивать, — спокойно отвечает Дамиано, не отрывая взгляда от чашки с эспрессо.

— Пока что, — тут же уточняет Энцо с самым невинным выражением лица.

Я сажусь за стол, чувствуя себя все так же неловко, как и

вчера. Разница лишь в том, что сегодня никто не смотрит на меня так, будто перед ними привидение.

Ну... почти никто.

Нико сидит напротив. В черной футболке с закатанными рукавами, открывающими татуировки почти до самых запястий, он выглядит так, словно этот семейный завтрак вообще его не касается. Он спокойно пьет кофе, лишь изредка поднимая взгляд от тарелки. Если бы не вчерашний разговор, я бы решила, что он вообще не умеет разговаривать.

— Итак, — Энцо складывает руки на столе и с любопытством смотрит на меня. — Рассказывай.

— Что именно?

— Все.

— Это очень неконкретный вопрос.

— Тогда начнем с простого. Откуда ты приехала?

— Из Портленда.

— Никогда там не был, — задумчиво произносит он. — Там правда все постоянно пьют кофе и ходят под дождем?

Я тихо смеюсь.

— Не все. Но дождей действительно много.

— Вот видишь, — победно заявляет Энцо, обращаясь неизвестно к кому. — Уже узнали что-то новое.

— Это было крайне полезное открытие, — сухо замечает Нико, впервые за весь завтрак подавая голос.

Энцо театрально закатывает глаза.

— Господи, кто-нибудь когда-нибудь видел, чтобы ты

просыпался в хорошем настроении?

— Да.

— И кто?

— Я.

— Убедил.

Я снова улыбаюсь, сама того не замечая. Наверное, впервые за последние несколько недель.

Энцо тут же замечает это и довольно кивает, будто только что выполнил какую-то важную миссию.

— Уже лучше. А то вчера ты выглядела так, словно соби-
ралась сбежать через окно.

«Если бы знала дорогу, возможно, так и сделала бы», —
мелькает у меня в голове.

— Чем ты занималась до приезда? — неожиданно спра-
шивает Дамиано.

Его голос звучит спокойно. Без давления. Без подозрений.
Просто вопрос.

Я перевожу взгляд на него.

— Работала.

— Где?

— В кофейне утром и официанткой вечером.

— Сразу на двух работах? — удивляется Энцо.

Я киваю.

— Почти три года.

За столом становится немного тише.

Дамиано несколько секунд внимательно смотрит на меня,

после чего задает следующий вопрос.

— Университет?

Я машинально опускаю взгляд на чашку.

— Не поступила.

— Почему?

Я провожу пальцем по краю кружки, собираясь с мыслями.

— Когда мама заболела... выбирать особенно не пришлось. Кто-то должен был работать.

Повисает короткая тишина. Я сразу жалею, что вообще начала об этом говорить. Не люблю, когда меня жалеют.

— А кем ты хотела стать? — неожиданно мягче спрашивает Энцо.

Я улыбаюсь краешком губ.

— Архитектором.

— Серьезно?

— Или дизайнером интерьеров.

— Красиво, — искренне говорит он. — Никогда бы не подумал.

— Почему?

— Потому что ты выглядишь так, будто можешь одновременно накричать на клиента и собрать ему идеальную гостиную.

Я не выдерживаю и смеюсь. Настоящим смехом. Таким, которого не слышала от себя уже очень давно. Я даже забываю, где нахожусь, пока вдруг не замечаю, что за столом ста-

ло непривычно тихо.

Улыбка медленно сходит с моего лица.

— Что? — настороженно спрашиваю я, переводя взгляд с одного мужчины на другого.

Энцо широко улыбается, явно довольный собой.

— Ничего. Просто наконец-то. А то вчера я уже начал переживать, что ты вообще не умеешь смеяться.

— Очень смешно, — фыркаю я, качая головой.

— Ну, раз ты засмеялась, значит, смешно все-таки было, — победно отвечает он, откидываясь на спинку стула.

Я только собираюсь что-нибудь съязвить в ответ, как случайно встречаюсь взглядом с Лоренцо.

Он ничего не говорит.

Просто смотрит на меня с едва заметной улыбкой, настолько теплой и одновременно грустной, что у меня внутри что-то неприятно сжимается. На одно короткое мгновение мне кажется, будто он пытается запомнить этот смех. Словно впервые слышит его и боится, что больше не услышит никогда.

Я почти сразу отвожу глаза.

По какой-то причине выдерживать этот взгляд оказывается намного сложнее, чем вчера.

Не желая снова оказаться в центре внимания, я тянусь за чашкой с кофе, но краем глаза замечаю еще одну странную деталь.

Нико.

Он уже не смотрит в свою тарелку.

Его взгляд на мгновение задерживается на мне, будто он тоже не ожидал услышать этот смех. Совсем недолго. Буквально секунду.

Потом он спокойно делает еще один глоток кофе, словно ничего не произошло.

Если бы я не подняла голову именно в этот момент, решила бы, что мне показалось.

— Так, — Энцо хлопает ладонями по столу, снова возвращая разговор в привычное русло. — Отлично. Раз Амелия официально умеет улыбаться, значит, прогресс есть.

— Кто сказал, что это повторится? — спрашиваю я, приподнимая бровь.

— Я оптимист, — с самым серьезным видом отвечает он. — К концу недели ты уже сама начнешь смеяться над моими шутками.

— Если они станут смешнее.

— Ох... — Энцо театрально прижимает ладонь к груди. — Она только что оскорбила меня в моем собственном доме.

— Вообще-то это мой дом, — спокойно замечает Лоренцо, впервые за весь завтрак вмешиваясь в разговор.

Энцо выдерживает паузу и совершенно невозмутимо пожимает плечами.

— Детали.

Даже Дамиано едва заметно усмехается, опуская взгляд в чашку с кофе.

И почему-то именно в этот момент я впервые ловлю себя на мысли, что, несмотря на все странности этой семьи, за этим столом становится немного легче дышать.

Когда завтрак заканчивается, мужчины один за другим поднимаются из-за стола. Дамиано почти сразу отвечает на входящий звонок и, коротко извинившись, выходит из столовой. Энцо, прихватив с тарелки яблоко, весело хлопает Нико по плечу и, бросив что-то вроде: «Не дай дому заскучать без меня», исчезает следом. Нико лишь качает головой, будто давно привык к подобным выходкам брата. Я тоже собираюсь подняться, решив, что самое разумное сейчас — вернуться в комнату и хоть немного побыть одной, но голос Лоренцо заставляет меня остановиться.

— Амелия.

Я оборачиваюсь.

— Если ты не против... может, немного прогуляемся?

На секунду возникает желание отказаться. В голове сразу появляется десяток причин: я устала, мне нужно разобраться в вещах, просто хочется тишины. Но, встретившись с его спокойным взглядом, я неожиданно понимаю, что отказ будет похож скорее на попытку сбежать от разговора, чем на настоящую необходимость.

— Хорошо, — тихо соглашаюсь я.

Мы выходим через стеклянные двери на террасу. Утренний воздух оказывается неожиданно свежим, несмотря на жару Лас-Вегаса. Где-то негромко журчит вода, в ветвях де-

ревьев поют птицы, а легкий ветер приносит сладковатый аромат цветов. Только теперь я замечаю, насколько огромной оказывается территория особняка. За вчерашними переживаниями мне было совсем не до этого. Каменные дорожки уходят в разные стороны, между ними аккуратно подстриженные газоны, высокие кипарисы, цветущие кустарники и десятки растений, названия которых я даже не знаю. Все выглядит настолько ухоженным, будто за каждым деревом здесь закреплен отдельный человек.

Мы идем молча несколько минут. И, как ни странно, это молчание не кажется неловким.

— Этот сад появился раньше, чем я, — неожиданно произносит Лоренцо, нарушая тишину. Он слегка улыбается и проводит ладонью по шероховатому стволу старого дерева, возле которого мы останавливаемся. — Его закладывал еще мой отец. Некоторые деревья здесь старше пятидесяти лет.

Я поднимаю голову вверх. Огромные ветви почти полностью закрывают солнце.

— Красиво, — тихо говорю я.

— Моя мать любила проводить здесь почти все свободное время, — продолжает он, неспешно двигаясь дальше. — Когда мы были детьми, она постоянно ругалась, потому что мы с братьями превращали эти дорожки в гоночную трассу. Нам казалось, что мы участвуем в каком-то великом ралли. Однажды я не вписался в поворот и свалился прямо в фонтан.

Он тихо усмехается.

— Дед потом неделю повторял, что из меня никогда не выйдет хороший водитель.

Я невольно улыбаюсь.

— Судя по количеству машин в вашем гараже, ошибся. Лоренцо негромко смеется.

— Думаю, да.

Мы подходим к круглому фонтану из светлого камня. Вода спокойно переливается через несколько уровней, а на бортиках уже успели нагреться солнечные лучи. Я провожу пальцами по прохладному мрамору и неожиданно ловлю себя на мысли, что впервые вижу этого человека не хозяином огромного особняка, которого слушаются десятки людей, а просто мужчиной, вспоминающим свое детство. Странное чувство. Оно не делает его моим отцом за одно утро, но понемногу стирает ту стену, которую я сама между нами построила.

Некоторое время мы снова идем молча.

Вопрос, который мучает меня с самого приезда, всплывает сам собой.

— Можно кое-что спросить?

— Конечно, — спокойно отвечает он.

Я делаю глубокий вдох.

— Кем вы работаете?

Лоренцо не отвечает сразу.

Несколько секунд он молча смотрит вперед, будто заранее знал, что рано или поздно этот вопрос прозвучит.

— Одним словом не получится, — наконец произносит он. — Нашей семье принадлежат гостиницы, казино, строительные компании, логистические фирмы. Есть инвестиционные проекты. Есть предприятия, которыми управляют мои люди.

Я внимательно слушаю, но чем больше он говорит, тем меньше понимаю.

— И... все?

Он переводит на меня взгляд.

— Почему ты спрашиваешь?

Я едва заметно пожимаю плечами.

— Потому что вчера меня встретили вооруженные охранники. Сегодня за завтраком я насчитала человек десять только внутри дома. Пока мы гуляем, нас сопровождают еще двое, которые делают вид, что просто проверяют территорию.

Я киваю куда-то за его спину.

— Вон тот мужчина уже третий раз проходит мимо за последние пять минут.

Лоренцо коротко оборачивается.

— Ты наблюдательная.

— Просто пытаюсь понять, куда я попала.

Он тихо выдыхает.

— Большие деньги редко приходят без больших проблем.

Я хмурюсь.

— Вы правда считаете, что кто-то может причинить вам

вред?

Он не отвечает сразу.

Мы продолжаем идти по дорожке, и лишь спустя несколько секунд он нарушает молчание.

— В моем мире есть люди, которые умеют договариваться. Есть те, кто предпочитает угрожать. А есть те, кто не видит между этими двумя вещами никакой разницы.

Его голос остается спокойным.

Настолько спокойным, что именно это пугает сильнее всего.

Я невольно замедляю шаг.

— Но... это же бизнес.

Лоренцо грустно улыбается.

— Хотелось бы, чтобы все было так просто.

Он поднимает с дорожки небольшой лист, задумчиво крутит его между пальцами и вдруг спрашивает:

— Как думаешь, что проще? Напасть на человека, который годами готовится к любой угрозе... или на того, кто даже не подозревает об опасности?

Мне не нравится этот вопрос.

Совсем.

— Не знаю.

— Ответ очевиден.

Он отпускает лист, позволяя ветру унести его в сторону.

— Иногда проще причинить человеку боль не напрямую.

Он делает небольшую паузу.

— А через тех, кого он любит.

Я невольно крепче сжимаю ремешок сумки.

— Хотите сказать...

Слова почему-то застревают в горле.

— ...что теперь кто-то может использовать меня?

Лоренцо впервые за весь разговор смотрит мне прямо в глаза.

— Я очень надеюсь, что нет.

Он говорит это тихо.

Без пафоса.

Без попытки напугать.

— Именно поэтому я не могу позволить тебе просто выйти за ворота и жить так, будто ничего не изменилось.

Я отвожу взгляд.

До этого момента все разговоры о моей безопасности казались мне чрезмерной осторожностью богатого человека, привыкшего контролировать абсолютно все. Но сейчас, глядя на спокойно идущих по территории вооруженных охранников, камеры, которые я начала замечать почти на каждом углу, и высокий забор, больше похожий на крепостную стену, я впервые ловлю себя на мысли, что, возможно... он действительно ничего не преувеличивает.

Мы возвращаемся к главному дому как раз в тот момент, когда из боковой дорожки появляется Нико. Он идет уверенной, неторопливой походкой, засунув одну руку в карман темных брюк. Черная футболка плотно облегает широкие

плечи, а солнечный свет на мгновение выхватывает из-под закатанного рукава часть татуировки, уходящей выше локтя. Подойдя ближе, он коротко кивает Лоренцо, будто между ними уже состоялся какой-то безмолвный разговор.

— Отец, — спокойно произносит он.

— Готов? — спрашивает Лоренцо.

— Да.

Только после этого Нико переводит взгляд на меня.

— Пойдем. Покажу территорию.

Я обреченно выдыхаю.

— А без экскурсии никак?

— Никак, — коротко отвечает он.

Я бросаю быстрый взгляд на Лоренцо, словно надеясь, что тот сейчас отменит эту идею, но он лишь едва заметно улыбается.

— Не мучай его слишком сильно, — с легкой усмешкой говорит он, обращаясь почему-то сразу к нам обоим.

— Не обещаю, — почти одновременно отвечаем мы.

На секунду между нами повисает тишина.

Этого хватает, чтобы Энцо, проходящий мимо с бутылкой воды, громко рассмеялся.

— Уже начинаете разговаривать хором? Быстро вы.

— Исчезни, — спокойно бросает Нико, даже не оборачиваясь.

— Видишь? — довольно говорит Энцо уже мне. — Это он еще добрый.

Я невольно улыбаюсь.

Когда Лоренцо уходит в сторону дома, мы с Нико остаемся вдвоем.

Несколько секунд идем молча.

— Почему мне кажется, — наконец нарушаю тишину я, — что у тебя вообще нет других слов, кроме «да», «нет» и «пойдем»?

Он смотрит вперед.

— Есть.

— Правда?

— Правда.

— Тогда удиви меня.

Он выдерживает небольшую паузу.

— Не сегодня.

Я тяжело вздыхаю.

— Потрясающе. Теперь я точно уверена, что тебя собрали на каком-нибудь заводе по производству молчаливых мужчин.

На этот раз уголок его губ едва заметно дергается.

Если бы я не смотрела именно в этот момент, решила бы, что мне показалось.

— Ты сейчас... улыбнулся? — подозрительно спрашиваю я.

— Нет.

— Врешь.

— Докажи.

Я тихо фыркаю.

— Невыносимый.

— Уже слышал.

— И не один раз, да?

— Достаточно.

Мы продолжаем идти по дорожке, и я неожиданно ловлю себя на мысли, что молчание рядом с ним уже не кажется таким раздражающим, как вчера. Скорее... любопытным. Будто мне хочется понять, почему человек моего возраста ведет себя так, словно ему давно за сорок и жизнь успела надоесть.

Первым делом он показывает мне спортивный зал.

Огромное помещение с профессиональными тренажерами, боксерским рингом и зоной для борьбы.

— Вы что, готовите олимпийскую сборную? — удивленно спрашиваю я, оглядываясь.

— Нет.

— Тогда зачем это все?

— Тренировки.

— Очень исчерпывающе.

— Спасибо.

Я бросаю на него выразительный взгляд.

Кажется, он специально отвечает так коротко.

Следующим оказывается гараж.

Я успеваю насчитать не меньше десятка машин, стоимость которых, вероятно, превышает бюджет небольшого города.

— Вы вообще на всех ездите?

— Иногда.

— А любимая есть?

— Да.

— Какая?

— Черная.

Я смотрю на него несколько секунд.

— Это сейчас была шутка?

— Нет.

— Я начинаю понимать, почему Энцо разговаривает за всю вашу семью.

На этот раз Нико действительно тихо усмехается.

Совсем коротко.

Но я замечаю.

Мы выходим обратно на улицу, проходим мимо бассейна, небольшого сада и гостевого дома. Почти возле самого забора мое внимание привлекает отдельное двухэтажное здание. Оно ничем не отличается от остальных построек, если не считать двух вооруженных мужчин, стоящих у входа.

Я киваю в их сторону.

— А там что?

Нико даже не смотрит.

— Тебе туда нельзя.

— Почему?

— Потому что нельзя.

— Очень содержательный ответ.

— Другого у меня нет.

Я останавливаюсь и складываю руки на груди.

— Ты всегда отвечаешь так, будто участвуешь в соревновании «Как сказать меньше слов»?

— Нет.

— А сейчас опять сказал «нет».

— Ты сама спросила.

Я несколько секунд молча смотрю на него, после чего качаю головой.

— Знаешь... ты начинаешь действовать мне на нервы.

— Это взаимно.

Я удивленно моргаю.

— Так ты все-таки умеешь говорить целыми предложениями.

— Иногда.

— Кажется, сегодня исторический день.

Он впервые смотрит прямо мне в глаза.

— Не привыкай.

И почему-то именно этот короткий обмен колкостями заставляет меня снова едва заметно улыбнуться. Правда, я тут же отворачиваюсь, надеясь, что он этого не заметил.

Мы молча доходим почти до самых ворот. Разговор как-то сам собой затихает, уступая место шуму города, который доносится с другой стороны высокого забора. За коваными створками проносятся машины, на тротуарах куда-то спешат люди, курьер на велосипеде лавирует между автомобилями, девушка в ярком платье смеется, разговаривая по телефону.

Обычная жизнь. Та самая, которой я жила еще каких-то два дня назад. Кажется, протяни руку — и снова окажешься по ту сторону, где нет вооруженной охраны, бесконечных камер наблюдения и людей, которые следят за каждым твоим шагом.

Я останавливаюсь почти вплотную к воротам.

— Если я захочу просто выйти погулять? — спрашиваю я, не сводя взгляда с улицы.

Несколько секунд Нико молчит. Я даже не оборачиваюсь, но чувствую, что он стоит совсем рядом.

— Скажешь мне, — наконец спокойно отвечает он.

Я тихо усмехаюсь.

— А если не скажу?

— Тогда я все равно пойду следом, — произносит он тем же ровным голосом, будто говорит о чем-то совершенно очевидном.

Теперь я все-таки поворачиваюсь к нему.

— Это начинает раздражать.

— Привыкай, — отвечает он без малейшего раздражения.

Я шумно выдыхаю и качаю головой.

— Ты вообще понимаешь значение слова «личное пространство»?

— Понимаю.

— И?

— Сейчас оно для тебя — роскошь.

Я несколько секунд молча смотрю на него, не зная, хочет-

ся мне снова поспорить или просто развернуться и уйти. В его голосе нет насмешки. Нет желания показать власть. Он говорит это слишком спокойно. Слишком уверенно.

И почему-то именно это бесит сильнее всего.

Я отворачиваюсь и снова смотрю на город.

— Не люблю, когда мне указывают, что делать.

— Уже заметил.

— Тогда должен понять, что это плохо закончится.

— Для кого?

Я невольно усмехаюсь.

— Пока не решила.

На этот раз отвечает не он. Тишина. Я чувствую на себе его взгляд и, сама не понимая почему, снова поворачиваюсь.

Нико смотрит прямо на меня. Не так, как смотрел вчера. Не оценивающе. Не холодно. Скорее... внимательно. Будто пытается разобраться в чем-то, что пока остается для него загадкой. От этого взгляда становится неожиданно не по себе.

— Что? — не выдерживаю я.

Он молчит еще пару секунд.

— Ты всегда такая упрямая?

Вопрос застает меня врасплох.

Я удивленно приподнимаю бровь.

— Это сейчас был психологический анализ?

— Просто вопрос.

Я тихо фыркаю.

— А ты всегда такой немногословный?

— Обычно еще хуже.

— Не верю.

— И правильно.

Я качаю головой, невольно улыбаясь.

— Знаешь... иногда мне кажется, что ты специально выводишь людей из себя.

— Только тех, кто пытается спорить со мной каждые пять минут.

— То есть меня.

— Именно.

Я складываю руки на груди.

— Тогда привыкай. Я не собираюсь облегчать тебе жизнь.

На этот раз уголок его губ едва заметно приподнимается.

Совсем немного.

Но этого хватает, чтобы понять — он все-таки умеет улыбаться.

— Уже понял, — спокойно отвечает он.

Мы снова замолкаем. Я перевожу взгляд за ворота, где жизнь продолжается так, словно ничего не произошло. Еще вчера я могла выйти на любую улицу, сесть в автобус, зайти в кофейню, пройтись по парку, не спрашивая ни у кого разрешения. Сейчас между мной и этим миром стоят несколько метров кованого железа, вооруженная охрана... и человек, который, кажется, действительно собирается ходить за мной

по пятам.

И впервые за все время мне приходит в голову мысль, что дело, возможно, действительно не в чрезмерной опеке. Возможно, они знают что-то, чего пока не знаю я.

7 Глава

Амелия

Стоило двери спальни закрыться за моей спиной, как я наконец позволила себе прислониться к ней затылком и медленно выдохнуть. Казалось, за последние два дня моя жизнь успела перевернуться столько раз, что мозг просто перестал успевать за происходящим. Еще в начале недели я переживала из-за того, хватит ли денег на очередную упаковку обезболивающих для мамы, просчитывала в голове, сколько смен придется взять в кофейне, чтобы оплатить аренду квартиры, и думала только о том, как дотянуть до следующей зарплаты. Сейчас же я жила в доме человека, который оказался моим отцом, завтракала за одним столом с тремя взрослыми мужчинами, которых должна была называть братьями, и слушала разговоры о личной охране так, словно это самая обычная вещь на свете. Я медленно подошла к огромному окну, выходящему в сад, опустилась на широкий подоконник, поджав под себя ноги, и, достав телефон из кармана джинсов, несколько секунд просто смотрела на фотографию Эммы. Только сейчас я поняла, насколько сильно мне не хватало человека, рядом с которым можно было перестать держать лицо хотя бы на несколько минут.

Я нажала кнопку вызова. Гудки тянулись мучительно дол-

го, и почему-то именно в эти несколько секунд меня неожиданно охватило странное волнение. Словно, услышав голос лучшей подруги, я окончательно признаю, что все происходящее — не сон и не последствия нервного срыва. Когда на экране наконец появилось имя Эммы и раздался знакомый голос, мне даже не дали возможности сказать первое слово.

— Амелия Картер! — возмущенно воскликнула она так громко, что я невольно отодвинула телефон от уха. — Ты вообще в курсе, что существуют такие замечательные вещи, как сообщения? Или хотя бы короткое: «Я жива»? Я уже собиралась покупать билет до Лас-Вегаса и вытаскивать тебя из какого-нибудь подвала, где тебя держит богатый мафиози!

Я тихо рассмеялась, качая головой.

— Привет, Эм.

— Не «привет», — тут же перебила она, не скрывая возмущения. — Ты исчезла почти на сутки! Я уже придумала себе двадцать семь сценариев твоего похищения. В одном из них ты вообще вышла замуж за восьмидесятилетнего миллиардера ради наследства.

— Очень правдоподобно, — не удержалась я от улыбки.

— Я старалась! — драматично ответила Эмма. — А теперь быстро. С самого начала. И не смей ничего пропускать.

Я глубоко вдохнула, переводя взгляд на сад за окном.

— Даже не знаю, с чего начать...

— Начни с того, что это не сон, — решительно сказала

Эмма уже гораздо спокойнее. — Потому что если ты сейчас скажешь, что действительно нашла своего отца, я, кажется, сама перестану верить в реальность.

Несколько секунд я молчала, словно снова переживая все события последних дней.

— Это не сон, — тихо ответила я. — Я действительно его нашла.

На другом конце линии повисла такая долгая тишина, что я даже посмотрела на экран телефона, проверяя, не оборвался ли звонок.

— Эм? — осторожно позвала я.

— Я... — наконец выдохнула она. — Черт... Я не знаю, что сказать.

В ее голосе впервые за долгое время не было ни одной шутки.

Я улыбнулась.

— Это звучит очень непривычно.

— Не привыкай, — тут же фыркнула Эмма, возвращаясь к своему обычному тону. — Все, теперь рассказывай абсолютно все. Где ты? Какой он? Он нормальный? Ты не в опасности? Что вообще произошло после того, как ты отдала письмо?

Я рассказала ей обо всем почти без остановки. О том, как охрана сначала едва не выставила меня за ворота. Как мужчина, которого я всю жизнь представляла совершенно иначе, сам вышел ко мне навстречу. Как изменилось его лицо, когда

он прочитал письмо мамы. Как неожиданно для самой себя оказалась внутри огромного особняка. Как познакомилась с тремя братьями. Как сегодняшний завтрак оказался гораздо менее неловким, чем вчерашний. Как Лоренцо показывал мне сад, в котором прошло его детство, и почему теперь за мной, кажется, собираются следить круглосуточно.

Эмма перебивала меня буквально через каждые несколько предложений.

— Подожди... что значит «особняк»? Насколько особняк?

— Большой.

— Это не ответ.

— Очень большой.

— Насколько очень?

Я обвела взглядом комнату.

— Эм... у меня спальня больше, чем вся наша квартира.

Несколько секунд в трубке было подозрительно тихо.

— Нет.

— Да.

— Ты сейчас серьезно?

— Абсолютно.

— Амелия... — медленно произнесла она таким тоном, будто пыталась осмыслить услышанное. — Ты сейчас живешь не в доме. Ты живешь в музее.

Я тихо рассмеялась.

— Почти так и есть.

— Нет, не почти. Если у человека спальня размером с

квартиру, это уже не дом. Это отель для очень богатых людей.

— Иногда мне кажется так же.

Я перевела взгляд на высокие потолки, тяжелые шторы и дорогую мебель.

— До сих пор не понимаю, как здесь вообще можно жить.

— Очень просто, — уверенно заявила Эмма. — Просыпаешься, идешь в одну из семидесяти ванных комнат, потом теряешься по дороге на кухню и случайно находишь собственный бассейн.

Я снова рассмеялась, качая головой.

— Не преувеличивай.

— А ты перестань преуменьшать. Я слишком хорошо тебя знаю. Если ты говоришь «большой дом», значит, там, скорее всего, можно проводить экскурсии.

Разумеется, уже через пару минут Эмме наскучивает обсуждать особняк, и разговор стремительно уходит совсем в другую сторону. Я даже не успеваю закончить очередную мысль, как она перебивает меня с таким энтузиазмом, будто всю жизнь ждала именно этой темы.

— Так, стоп, — решительно произносит она. — Дом обсудили. Теперь переходим к самому главному. Братья.

Я тихо смеюсь.

— У тебя совершенно неправильные приоритеты.

— У меня идеальные приоритеты, — возражает Эмма с такой уверенностью, что я почти вижу, как она сейчас сидит

на своей кухне, размахивая свободной рукой. — Давай по порядку. Старший.

Я невольно задумываюсь.

— Дамиано... — медленно начинаю я. — Очень серьезный. Такое ощущение, что он оценивает человека за первые пять секунд знакомства и сразу решает, стоит вообще продолжать разговор или нет. Почти не улыбается. Все время выглядит так, будто мысленно уже просчитывает несколько ходов вперед.

— То есть зануда.

— Нет, — качаю головой, сама не замечая, что защищаю человека, которого знаю меньше суток. — Скорее... очень собранный. С ним сложно расслабиться.

— Ладно, записала. Страшный серьезный брат, — деловито подытоживает Эмма. — Следующий.

Я улыбаюсь.

— Энцо.

— Уже нравится имя.

— Не перебивай.

— Не обещаю.

Я тихо закатываю глаза.

— Его невозможно заставить молчать дольше минуты. Кажется, если он перестанет разговаривать, Земля просто перестанет вращаться. Он постоянно шутит, подкалывает всех вокруг, смеется... И знаешь...

Я неожиданно замолкаю.

— Что? — сразу цепляется Эмма.

— Рядом с ним... легче.

— В каком смысле?

Я смотрю в окно, где ветер едва заметно качает ветви жасмина.

— Не знаю. Просто легче дышать. Он как будто специально делает все, чтобы никто рядом не чувствовал себя чужим.

Несколько секунд Эмма молчит.

— Значит, хороший парень.

— Очень.

— Отлично, одного мы уже одобрили.

Я тихо смеюсь.

— Ты вообще не имеешь права никого одобрять.

— Очень даже имею.

Она выдерживает театральную паузу.

— А теперь...

Я уже знаю, что последует дальше.

— ...Нико.

Именно в этот момент мои мысли почему-то рассыпаются.

Я молчу всего несколько секунд.

Но Эмме этого оказывается более чем достаточно.

— О-о-о... — довольно протягивает она таким голосом, что мне сразу хочется сбросить вызов. — Вот оно.

— Что «оно»?

— Пауза.

— Какая еще пауза?

— Та самая, — победно отвечает Эмма. — Самая интересная часть разговора всегда начинается после паузы.

Я тяжело вздыхаю.

— Не начинай.

— Уже начала. Рассказывай.

Я поджимаю губы.

— Он... странный.

— Это диагноз.

— Это факт.

— Подробнее.

Я откидываюсь на спинку кресла.

— Разговаривает так, будто каждое слово стоит денег. На любой вопрос отвечает максимум двумя предложениями. Все время пытается мной командовать. Уверен, что имеет полное право контролировать каждый мой шаг. И вообще действует мне на нервы.

Эмма терпеливо слушает, не перебивая.

Подозрительно терпеливо.

Я даже начинаю ждать подвох.

И, конечно же, не ошибаюсь.

— Ладно... — невинным голосом произносит она. — А насколько он вообще секси?

Я настолько неожиданно слышу этот вопрос, что едва не давлюсь кофе.

— Эмма!

— Что?

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

Я прикрываю глаза ладонью.

Передо мной совершенно некстати всплывает сегодняшняя прогулка. Черная футболка, обтягивающая широкие плечи. Закатанные рукава, открывающие сильные предплечья, почти полностью покрытые татуировками. Темные, почти черные глаза. Та едва заметная усмешка, которую мне все-таки удалось у него увидеть, несмотря на его вечное каменное лицо.

«Да что с тобой вообще такое?»

Я мысленно одергиваю себя и слишком поспешно отвечаю:

— Я вообще об этом не думала.

На другом конце линии раздается такой громкий смех, что мне приходится снова отодвинуть телефон от уха.

— Амелия Картер, — сквозь смех произносит Эмма. — Мы дружим с тобой пятнадцать лет. Ты сейчас соврала настолько ужасно, что мне даже немного обидно.

— Не врала.

— Врала.

— Не врала.

— Тогда почему ты молчала почти десять секунд?

Я открываю рот...

И тут же закрываю его обратно.

Проклятье.

— Вот именно, — довольно заявляет Эмма. — Возражений нет.

Я шумно выдыхаю.

— Эмма... он мой брат.

После этих слов в трубке впервые за весь разговор становится тихо.

— Сводный, — осторожно уточняет она уже совсем другим голосом.

Я чувствую, как начинают гореть щеки.

— Брат, — упрямо повторяю я. — И вообще, хватит.

— Хорошо-хорошо, — примирительно отвечает Эмма, хотя по ее голосу я прекрасно понимаю, что она сейчас улыбается во все тридцать два зуба. — Но знаешь...

— Даже не начинай.

— Уже поздно.

Я тихо стону.

— Господи...

— Просто никогда раньше не видела, чтобы ты так смущалась из-за самого обычного вопроса, — с явным удовольствием говорит она. — Поэтому, дорогая моя Амелия Картер, я обязательно вернусь к этой теме. Только чуть позже.

— Лучше никогда.

— Посмотрим.

Я только качаю головой, понимая, что спорить с Эммой совершенно бесполезно. Если она зацепилась за какую-то

мысль, избавиться от нее уже невозможно. И почему-то сильнее всего меня раздражало вовсе не это... а то, что где-то глубоко внутри я все еще помнила короткую усмешку человека, которого знала меньше двух дней.

Постепенно наш смех стихает сам собой. За окном по-прежнему шумят фонтаны, где-то внизу слышатся голоса сотрудников, но после очередной шутки Эммы между нами неожиданно повисает спокойная тишина. Она всегда чувствовала момент, когда пора перестать смеяться. Именно за это я любила ее больше всего. Эмма никогда не пыталась спрятать мои проблемы за юмором. Она просто сначала заставляла меня улыбнуться, а потом уже помогала разбираться с тем, что действительно болело.

— И что теперь? — уже совсем другим голосом спрашивает она. — Какой у тебя план?

Я задумчиво провожу пальцем по холодному стеклу окна. Внизу несколько садовников подстригают кусты, где-то у гаража мелькают темные костюмы охраны, а огромный фонтан продолжает шуметь так спокойно, будто ничего необычного в этом доме никогда не происходило.

— Если честно... не знаю, — тихо признаюсь я. — Все случилось слишком быстро. Мне кажется, я до сих пор не успела осознать, что вообще произошло.

— Ты останешься?

Я не отвечаю сразу.

— Наверное... ненадолго, — наконец говорю я, медлен-

но подбирая слова. — Просто... мне кажется неправильным сейчас взять и уехать. Я слишком долго хотела узнать, кто он такой. Почему мама всю жизнь молчала. Почему все получилось именно так. Теперь, когда ответы наконец появились, сбежать будет... глупо.

Эмма внимательно слушает, не перебивая.

— Но и жить здесь постоянно я тоже не собираюсь, — продолжаю я. — Я не хочу пользоваться деньгами человека, которого знаю всего два дня. Не хочу, чтобы кто-то покупал мне одежду, машину или вообще содержал меня только потому, что оказалось, что мы родственники. Это... неправильно.

— Даже если этот человек — твой отец? — осторожно спрашивает Эмма.

Я тяжело выдыхаю.

— Вот именно... что пока я не могу назвать его отцом.

Эти слова даются неожиданно тяжело.

Я опускаю взгляд на кружку, которую все еще держу в руках.

— Понимаешь... для меня отец — это не человек, с которым у тебя совпадает ДНК. Это тот, кто был рядом. Кто учил тебя кататься на велосипеде. Кто забирал из школы. Кто видел, как ты взрослеешь. А у меня этого никогда не было.

Несколько секунд мы обе молчим.

— Но... — тихо добавляю я, сама удивляясь собственным словам, — мне начинает казаться, что он действительно не

виноват.

Эмма едва слышно вздыхает.

— Ты ему веришь?

Я долго смотрю куда-то в сад.

Перед глазами всплывает сегодняшний разговор, жасмин, грустная улыбка Лоренцо, когда он вспоминал маму, и боль в его глазах, которую невозможно было сыграть.

— Не знаю, — честно отвечаю я. — Но когда он говорит, что ничего не знал... мне почему-то хочется ему поверить.

На другом конце линии снова становится тихо.

— Тогда не торопись, — наконец произносит Эмма мягко. — Просто дай себе время. Узнай его. Узнай своих братьев. Не принимай решений на эмоциях. И, пожалуйста... обещай, что будешь звонить мне каждый день.

Я невольно улыбаюсь.

— Обещаю.

— И если вдруг станет совсем плохо...

— Позвоню.

— Если кто-нибудь тебя обидит...

— Позвоню.

— Если этот молчаливый красавчик с татуировками окончательно выведет тебя из себя...

Я громко стону, уже заранее понимая, что сейчас услышу.

— Эмма...

— ...я лично прилечу в Лас-Вегас, — невозмутимо заканчивает она, — найду его и научу улыбаться. Бесплатно. Хотя

нет... за моральный ущерб возьму доплату.

Я не выдерживаю и снова смеюсь.

— Ты невозможная.

— Зато любимая.

— Это правда.

— Я знаю.

Еще несколько секунд мы молчим, не спеша заканчивать разговор. Иногда слова действительно оказываются лишними.

— Береги себя, Амелия, — уже совсем тихо говорит Эмма.

— Ты тоже.

Когда экран телефона наконец гаснет, в комнате снова становится непривычно тихо. Я еще долго сижу на широком подоконнике, наблюдая, как ветер раскачивает верхушки кипарисов, и впервые за последние дни чувствую, что внутри наконец перестает царить хаос. У меня не было четкого плана. Не было уверенности, что я поступаю правильно. Но впервые после смерти мамы появилась хотя бы маленькая цель, за которую можно было ухватиться.

Я останусь здесь ненадолго.

Попытаюсь узнать человека, которого теперь должна называть отцом. Попробую понять своих братьев. Найду работу, заработаю собственные деньги, сниму квартиру и снова буду жить так, как привыкла всегда.

Эта мысль неожиданно приносит облегчение.

Я слишком долго зависела от обстоятельств. Сначала болезнь мамы диктовала каждый мой день, теперь — письмо, которое привело меня в этот дом. Но дальше... дальше я снова хочу сама принимать решения.

Именно тогда меня пронзает еще одна мысль.

Я не смогу спокойно жить в этом доме, если кто-то другой будет оплачивать мою жизнь.

Всю сознательную жизнь я сама зарабатывала деньги. Сама искала работу. Сама считала каждую купюру перед походом в аптеку. Просить помощи было не в моих правилах. А сейчас, просыпаясь в роскошной спальне, завтракая за огромным столом и пользуясь всем, что меня окружало, я все сильнее чувствовала себя не дочерью, а человеком, которого неожиданно начали содержать из чувства вины.

Это ощущение медленно, но настойчиво начинало душить.

Я решительно поднялась с подоконника, сунула телефон в карман джинсов и направилась к двери.

Нет. Так не пойдет. Если я действительно собираюсь остаться здесь хотя бы ненадолго, то должна начать жить по своим правилам.

И первым делом мне нужно поговорить с Лоренцо. Не для того, чтобы просить деньги или привилегии. Совсем наоборот.

Я собиралась попросить у него работу.

Я решительно вышла из комнаты, но уже в коридоре

немного сбавила шаг. В голове крутился только один вопрос: как вообще начать этот разговор? «Здравствуйте, можно я не буду жить за ваш счет?» Звучало нелепо. Но еще нелепее было продолжать делать вид, что меня устраивает происходящее. Роза встретила меня у лестницы с небольшой стопкой аккуратно сложенных полотенец в руках. Увидев меня, она сразу тепло улыбнулась.

— Вы что-то хотели, мисс Амелия? — спокойно спросила она, остановившись рядом.

— Да... Мне нужно поговорить с Лоренцо, — ответила я, машинально заправляя выбившуюся прядь волос за ухо. — Он сейчас свободен?

Роза слегка покачала головой.

— Боюсь, сейчас нет. У хозяина совещание в кабинете.

— Тогда я подожду.

— Оно может затянуться, — предупредила она мягко. — Если хотите, я сообщу ему, что вы искали его.

— Нет... — быстро ответила я. — Ничего срочного. Я просто... сама потом зайду.

Она понимающе кивнула и, пожелав мне хорошего дня, направилась дальше по коридору.

Я поднялась на второй этаж, сама не зная, куда иду. Дом был настолько большим, что я до сих пор легко могла заблудиться. Солнечный свет проникал через панорамные окна, ложась длинными полосами на темный деревянный пол, а вокруг стояла почти идеальная тишина. Только где-то вда-

леке негромко работал кондиционер да слышались приглушенные мужские голоса.

Я сразу поняла, откуда они доносятся.

Кабинет.

Дверь оказалась приоткрыта всего на несколько сантиметров. Я уже собиралась пройти мимо, решив не мешать, но в этот момент чей-то тяжелый голос внутри резко оборвался.

Наступила тишина.

Такая внезапная, что по спине пробежал неприятный холодок.

Через узкую щель я невольно встретилась взглядом с одним из мужчин, сидевших ближе всего к двери. Он уже смотрел прямо на меня.

Черт.

Я машинально сделала шаг назад.

— Простите... — тихо произнесла я, чувствуя себя школьницей, случайно заглянувшей не в тот кабинет. — Я не хотела...

Договорить я не успела.

Из глубины комнаты поднялся Лоренцо.

Только теперь я впервые увидела его кабинет при дневном свете. Он оказался еще больше, чем мне представлялось вчера вечером. Огромный стол из темного дерева занимал почти половину комнаты. На его поверхности лежали раскрытые папки с документами, планшеты, несколько телефонов и ноутбуков. На противоположной стене висели три больших

экрана, на которых были открыты какие-то таблицы, карты и схемы с бесконечными линиями, цифрами и отметками. Я не успела толком ничего рассмотреть, но почему-то сразу поняла: здесь обсуждают совсем не дизайн новых гостиниц.

Вокруг стола сидели около десяти мужчин. Все в дорогих темных костюмах. Почти все значительно старше меня. Ни одной улыбки. Ни одного расслабленного лица.

Некоторые что-то отмечали в документах, другие внимательно смотрели на экраны, а кто-то просто молча наблюдал за происходящим. Их объединяло одно — одинаково тяжелые взгляды людей, которые привыкли не просить, а приказывать. От этой атмосферы по коже невольно пробежали мурашки. Это было совсем не похоже на обычное совещание руководителей компаний. Скорее... на закрытый совет людей, которым достаточно одного решения, чтобы изменить чью-то жизнь.

Лоренцо спокойно закрыл лежавшую перед ним папку и поднялся со своего места.

— Продолжим позже, — произнес он ровным голосом, не повышая его ни на тон.

Удивительно, но этих трех слов оказалось достаточно.

Никто не начал возражать. Не попросил закончить обсуждение. Не попытался что-то уточнить.

Мужчины практически одновременно поднялись со своих мест, начали собирать документы и один за другим направились к выходу. Проходя мимо меня, каждый коротко здоро-

вался или уважительно кивал. Никто ничего не спрашивал, но я слишком хорошо чувствовала любопытство, скрытое за их внешним спокойствием. Наверняка еще вчера они даже не подозревали о моем существовании.

Последним из кабинета вышел мужчина, которого я почему-то сразу выделила среди остальных.

Ему было около сорока пяти. Безупречно сидящий темно-серый костюм, белоснежная рубашка без единой складки, коротко подстриженные темные волосы, в которых уже появилась заметная седина. Его лицо трудно было назвать суровым, но в спокойных серых глазах читалась такая уверенность, что становилось очевидно: этот человек привык контролировать ситуацию не хуже самого Лоренцо. Когда он остановился рядом, я машинально заметила несколько тонких шрамов на костяшках его правой руки. Старых. Почти незаметных.

— Амелия, — произнес Лоренцо, подходя ближе. — Познакомься. Это Вик.

Мужчина едва заметно улыбнулся. Не дежурно, а как-то по-настоящему спокойно, словно искренне был рад знакомству. Он первым протянул мне руку.

— Рад познакомиться, мисс Картер, — сказал он негромко.

Я автоматически пожала его ладонь.

Она оказалась крепкой и теплой.

— Взаимно, — ответила я.

— Жаль только, что обстоятельства для знакомства оказались такими непростыми, — добавил Вик уже мягче.

Я лишь коротко кивнула, не зная, что ответить.

Лоренцо перевел взгляд на меня.

— Вик работает со мной больше двадцати лет, — спокойно сказал он. — Если однажды ты не сможешь найти меня, скорее всего, сначала найдешь его.

Вик тихо усмехнулся.

— Иногда мне кажется, что я провожу в этом доме больше времени, чем в собственном.

— Это правда, — с едва заметной улыбкой подтвердил Лоренцо.

— За столько лет я уже перестал понимать, где заканчивается работа и начинается семья, — спокойно добавил Вик, переводя взгляд на меня. — Так что можешь обращаться ко мне в любое время, если что-то понадобится.

В его голосе не было ни капли показной вежливости или желания понравиться. Он говорил просто, без лишних слов, и именно поэтому ему почему-то хотелось верить.

Когда за Виком тихо закрылась дверь, кабинет неожиданно стал казаться гораздо просторнее. Несколько секунд стояла полная тишина. Я неловко переступила с ноги на ногу, все еще вспоминая мужчин, которые только что сидели за этим столом. Их лица, тяжелые взгляды, короткие фразы, которые я успела услышать, прежде чем разговор оборвался... Все это совсем не вязалось с образом обычного владельца гостиниц

и казино.

Я подняла глаза.

Лоренцо уже смотрел на меня.

И стоило нашим взглядам встретиться, как его лицо заметно изменилось. Исчезло то холодное, сосредоточенное выражение, с которым он еще минуту назад вел совещание. Разгладились напряженные складки между бровями, взгляд стал мягче, а в уголках губ появилась едва заметная улыбка. Казалось, вместе с уходом остальных людей он перестал быть человеком, которого беспрекословно слушались десять взрослых мужчин, и снова стал просто... отцом. По крайней мере, очень старался им быть.

— Ты что-то хотела? — спокойно спросил он, обходя стол.

Я глубоко вдохнула.

— Да.

Он подошел ближе, но не торопил меня. Просто терпеливо ждал, пока я соберусь с мыслями.

— Проходи, — мягко произнес он, кивнув на кресло напротив своего стола. — Не стой в дверях.

Я послушно села, поставив сумку рядом с собой. Почему-то сейчас волновалась даже сильнее, чем тогда, когда впервые переступила порог этого дома.

— Я хотела поговорить... о работе, — наконец сказала я.

Лоренцо вопросительно приподнял бровь, но перебивать не стал.

— Я очень благодарна вам... за все, что вы для меня сде-

лали. Правда, — продолжила я, стараясь говорить спокойно.
— Но я не могу жить за ваш счет.

Несколько секунд он молча смотрел на меня.

— Амелия...

— Нет, пожалуйста, сначала дослушайте, — тихо попросила я, не давая ему договорить. — Всю жизнь я сама платила за квартиру, сама покупала продукты, лекарства для мамы, сама искала подработки. Я никогда ни от кого не зависела и... не хочу начинать сейчас только потому, что узнала о вашем существовании.

Лоренцо медленно опустился в кресло напротив.

— Тебе сейчас совершенно не нужно думать о деньгах, — спокойно ответил он. — Это моя забота.

Я отрицательно покачала головой.

— Вот именно. Не моя.

Он нахмурился.

— Разве это плохо?

— Нет, — честно ответила я. — Но дело совсем не в деньгах.

Я на секунду замолчала, пытаюсь подобрать слова.

— Пока я не смогу сама обеспечивать себя, я буду чувствовать себя здесь чужой. Не дочерью. Не частью вашей семьи. А человеком, которого поселили в красивом доме просто... из жалости.

Последние слова дались неожиданно тяжело.

Лоренцо ничего не ответил.

Он долго молча смотрел на меня, словно видел перед собой не меня, а кого-то другого.

И почему-то мне показалось, что в этот момент он снова вспоминал маму.

Наконец он медленно кивнул.

— Хорошо, — спокойно произнес он. — Если для тебя это действительно важно... ты будешь работать.

Я даже не заметила, как облегченно выдохнула.

— Правда?

На его лице появилась едва заметная улыбка.

— Правда.

Но почти сразу она сменилась привычной серьезностью.

— Только есть одно условие.

Я сразу напряглась.

— Какое?

— Не где попало.

Я непонимающе посмотрела на него.

— Ты моя дочь, Амелия, — твердо сказал Лоренцо. — И я не позволю тебе снова бегать с подносом между столиками или работать по двенадцать часов за копейки только потому, что ты привыкла все делать самостоятельно.

— Но я всю жизнь именно так и работала, — возразила я.

— Именно, — мягко перебил он. — Всю жизнь.

Он сделал небольшую паузу.

— И больше не должна.

Я тяжело вздохнула.

— Я не хочу получать хорошую должность только потому, что теперь ношу вашу фамилию.

Лоренцо едва заметно улыбнулся.

— И не получишь.

Он поднялся со своего места и подошел к огромному окну, за которым тихо шумели фонтаны. Несколько секунд он молча смотрел на сад, словно мысленно что-то взвешивая, после чего снова повернулся ко мне.

— Одно из наших крупнейших казино сейчас расширяет управляющий состав, — спокойно произнес он. — Им нужен помощник администратора зала. Работа с гостями, организация персонала, решение конфликтных ситуаций, контроль работы сотрудников. Это ответственная должность, но я считаю, что ты с ней справишься.

Я удивленно посмотрела на него.

— Вы правда так думаете?

Он встретился со мной взглядом и впервые за весь разговор ответил без малейших сомнений:

— Я думаю, что ты гораздо сильнее, чем сама пока понимаешь. И если ты три года смогла одна нести ответственность за жизнь своей матери, то справиться с коллективом взрослых людей для тебя точно не станет невозможной задачей.

— Вы предлагаете мне сразу такую должность? — недоверчиво спрашиваю я, не скрывая удивления. — Я ведь никогда не работала в казино.

— Не руководящую, — спокойно поправляет Лоренцо, возвращаясь к своему креслу. — Но и не ту, где ты будешь выполнять чужие поручения. Ты слишком умна для этого. Остальному научишься.

Я невольно качаю головой.

— У меня действительно нет опыта.

Лоренцо смотрит на меня так спокойно, будто уже давно знает, что я скажу дальше.

— Опыт приходит со временем, — уверенно отвечает он. — А ответственность либо есть в человеке, либо ее нет. За эти два дня я успел понять одну вещь: ты привыкла отвечать не только за себя, но и за других. Этому невозможно научить. Все остальное — вопрос нескольких недель.

Я опускаю взгляд на свои руки.

Его уверенность почему-то одновременно успокаивает и пугает.

— А сотрудники? — тихо спрашиваю я спустя несколько секунд. — Они ведь сразу поймут, что меня взяли только потому, что я ваша дочь.

Лоренцо негромко усмехается.

— Конечно, поймут.

Я удивленно поднимаю на него глаза.

— И вас это не беспокоит?

— Нет.

Он произносит это так спокойно, будто ответ был очевиден с самого начала.

— Первые пару недель они действительно будут думать именно так. Кто-то начнет завидовать. Кто-то станет искать ошибки. Кто-то решит, что ты не заслуживаешь своего места. Это нормально.

Он делает небольшую паузу и слегка наклоняется вперед.

— Но знаешь, что происходит потом?

Я молча качаю головой.

— Потом людям приходится менять мнение, если человек оказывается лучше, чем они ожидали.

Я задумчиво провожу пальцем по подлокотнику кресла.

— То есть доказывать все равно придется мне.

— Именно, — кивает Лоренцо. — И это правильно. Я не собираюсь вмешиваться в твою работу, контролировать каждое решение или заставлять кого-то относиться к тебе по-особенному только потому, что ты моя дочь. Ты сама заслужишь уважение коллектива. Или не заслужишь. Это будет зависеть только от тебя.

Он ненадолго замолкает, а затем его голос становится чуть тверже.

— Но есть вещи, в которых я никогда не пойду на компромисс.

Я уже начинаю понимать, к чему он ведет.

— Какие?

— Я не позволю своей дочери выполнять работу, где ей придется терпеть унижения, грубость или относиться к себе как к расходному материалу только потому, что когда-то ей

пришлось так жить.

Последние слова звучат совсем тихо.

Без высокомерия.

Без желания показать свою власть.

Просто как обещание.

Я впервые не нахожу, что ответить.

Лоренцо нажимает кнопку внутренней связи на столе.

— Вик подготовит все документы, — спокойно говорит он. — Если не возникнет никаких сложностей, уже завтра ты сможешь выйти на работу.

Я невольно улыбаюсь.

— Спасибо.

— Не благодари раньше времени, — отвечает он с легкой усмешкой. — Работать придется много.

— Меня этим не напугать.

— Я знаю.

Несколько секунд мы молчим, и мне кажется, что разговор подошел к концу. Но Лоренцо неожиданно снова становится серьезным.

— Есть еще одно условие.

Я тихо вздыхаю.

— Конечно, есть.

В его глазах на мгновение появляется улыбка.

— Нико будет отвозить тебя на работу каждое утро и забирать вечером.

Моя улыбка мгновенно исчезает.

— Что?

— Кроме того, в казино всегда будут находиться несколько сотрудников службы безопасности. Для остальных они будут обычными посетителями.

Я недоверчиво смотрю на него.

— То есть... вы собираетесь приставить ко мне охрану?

— Да.

— Это же слежка.

— Нет.

— Еще какая слежка, — возмущенно отвечаю я, поднимаясь с кресла. — Я что, пятилетний ребенок? Мне не нужен сопровождающий.

— Нужен, — спокойно отвечает Лоренцо.

— Нет, не нужен.

— Амелия.

Я складываю руки на груди.

— Я не хочу, чтобы Нико ходил за мной по пятам.

— Он не будет ходить за тобой по пятам.

Я прищуриваюсь.

— Только отвозить, забирать и приставить ко мне еще нескольких людей, которые будут делать вид, что случайно оказались рядом?

Лоренцо едва заметно улыбается.

— Именно так.

— Замечательно.

— Это не обсуждается.

Его голос звучит спокойно.

Но настолько твердо, что я сразу понимаю — спорить бесполезно.

— Пока ты живешь под моей крышей, — продолжает он, не сводя с меня взгляда, — твоя безопасность для меня важнее любых возражений. Ты можешь сердиться на меня. Можешь считать меня слишком осторожным. Но этого решения я не изменю.

Я раздраженно выдыхаю, понимая, что проиграла этот спор, даже не успев его начать.

— Кажется, начинаю понимать, в кого Нико такой упрямый.

Лоренцо неожиданно тихо усмехается.

— Поверь, — говорит он с легкой улыбкой, — обычно он говорит то же самое обо мне.

8 Глава

Амелия

К завтраку я спустилась одной из последних. Дом уже давно проснулся: где-то в глубине особняка негромко переговаривались сотрудники, из сада через приоткрытые окна доносился шум фонтана и пение птиц, а столовая была наполнена теплым утренним светом, который ложился на длинный деревянный стол широкими золотистыми полосами. За каких-то несколько дней это место перестало казаться таким пугающе чужим. Конечно, я все еще чувствовала себя здесь гостьей, случайно оказавшейся среди людей, знавших друг друга всю жизнь, но прежнего желания развернуться и убежать уже не было. Наверное, всему виной вчерашний разговор с Лоренцо. Или Энцо, который умудрялся превратить любой завтрак в небольшое комедийное шоу.

— Доброе утро, сестренка, — первым отозвался он, стоило мне переступить порог столовой. — Ну что, готова покорять мир азартных игр?

— Скорее мир бумажной работы, — усмехнулась я, занимая свободное место.

— Не переживай. Если что, просто говори всем уверенным голосом: «Я сейчас уточню у администратора». Работает безотказно.

Я тихо рассмеялась, а Энцо с таким довольным видом принялся за кофе, будто только что сказал величайшую шутку в истории человечества.

— Не слушай его, — спокойно произнес Дамиано, не отрывая взгляда от планшета, который лежал рядом с тарелкой. — Через неделю он сам придет к тебе просить решить какой-нибудь вопрос.

— Предатель, — драматично вздохнул Энцо. — Я вообще-то пытаюсь поддержать человека.

— Очень своеобразно, — заметила я.

— Зато эффективно.

Лоренцо, наблюдавший за нашей перепалкой поверх чашки эспresso, едва заметно улыбнулся. Удивительно, но с каждым днем я все чаще ловила себя на мысли, что ему нравится просто смотреть, как за этим столом становится чуть больше жизни.

Он спокойно поставил чашку на блюдце и перевел взгляд на Розу, которая как раз раскладывала свежую выпечку.

— После ужина пригласи синьору Беллини.

Я машинально подняла голову.

— Зачем? Кто это?

— Швея. Она снимет с тебя мерки.

Я нахмурилась.

— Какие еще мерки?

— Для одежды, — невозмутимо ответил Лоренцо, словно речь шла о чем-то совершенно очевидном.

Я медленно положила вилку на тарелку.

— Не нужно.

За столом неожиданно стало очень тихо.

Энцо перевел взгляд сначала на меня, потом на Лоренцо и почти незаметно откинулся на спинку стула. По выражению его лица было понятно: сейчас начнется спор, и он явно не собирался пропускать такое представление.

Лоренцо же выглядел совершенно спокойным.

— Нужно, — ответил он так же ровно. — Ты начинаешь работать в одном из наших казино. Дочери семьи Моретти не следует ходить в одежде, которую она покупала наспех между сменами.

Я почувствовала, как внутри начинает подниматься знакомое раздражение.

— Во-первых, я прекрасно умею сама покупать себе одежду, — спокойно сказала я, стараясь не повышать голос. — А во-вторых, не вижу в этом ничего плохого.

— Не сомневаюсь, — кивнул Лоренцо.

— Тогда зачем швея?

Он посмотрел на меня так, будто ответ был предельно прост.

— Потому что я хочу сделать это для своей дочери.

Эти слова прозвучали настолько естественно, что на секунду я даже растерялась. Но уже через мгновение снова покачала головой.

— Я не хочу дорогих подарков. Правда. Я еще ничего не

сделала, чтобы...

— Чтобы заслужить новую одежду? — спокойно перебил он.

— Чтобы вы тратили на меня столько денег.

— Амелия...

— Я серьезно, — не дала ему договорить я. — Всю жизнь я сама зарабатывала на все, что у меня было. И не хочу привыкать к тому, что кто-то теперь будет просто покупать мне все, что захочет.

Несколько секунд Лоренцо молчал, внимательно глядя на меня.

А потом рядом негромко кашлянул Энцо.

— Амелия, расслабься, — сказал он с улыбкой, лениво помешивая кофе. — Со мной этот спор отец выиграл лет пятнадцать назад.

Я удивленно посмотрела на него.

— Ты тоже спорил?

— Конечно.

Он кивнул с таким серьезным видом, будто рассказывал трагическую историю своей жизни.

— Правда, тогда речь шла не о платьях.

— А о чем?

— О машине.

Я не удержалась от улыбки.

— И чем все закончилось?

— Тем, что я три дня доказывал, что старая меня полно-

стью устраивает.

— И?

— На четвертый день новая уже стояла во дворе.

Я тихо рассмеялась.

— То есть ты проиграл?

— С треском.

— Он даже пытался вернуть ключи, — неожиданно добавил Дамиано, впервые за все утро оторвавшись от планшета.

Я удивленно посмотрела на него.

— Серьезно?

— Абсолютно.

— И что сделал отец?

Энцо театрально закатил глаза.

— Сказал, что если я еще раз поставлю новую машину на улице вместо гаража, то заберет обе.

За столом впервые за утро раздался дружный смех.

Даже Дамиано едва заметно улыбнулся.

Я посмотрела на Лоренцо.

Он тоже улыбался.

Совсем немного.

Но почему-то именно в этот момент я вдруг увидела не человека, которого боялись десятки взрослых мужчин, а отца, который когда-то точно так же спорил со своими сыновьями по каким-то совершенно обычным бытовым пустякам.

— Видишь? — тихо сказал Энцо. — У тебя нет шансов.

Я перевела взгляд обратно на Лоренцо.

— Все равно мне кажется, что это слишком...

Он не дал мне закончить.

— Это не подарок, Амелия.

Его голос звучал спокойно.

Без давления.

Без желания настоять любой ценой.

— Это забота.

После этих слов я так и не нашла, что ответить.

Потому что впервые за очень долгое время кто-то хотел позаботиться обо мне... не потому, что был вынужден, а просто потому, что ему этого хотелось.

После завтрака мы вместе вышли из особняка. Утреннее солнце уже успело прогреть воздух, и над фонтаном лениво поднимались тонкие капли воды, переливаясь в лучах света. На подъездной аллее нас уже ждал черный внедорожник с тонированными стеклами. Нико стоял рядом, опершись плечом о водительскую дверь, и что-то быстро печатал в телефоне. Услышав наши шаги, он поднял голову, коротко кивнул Лоренцо, после чего молча обошел машину и открыл для меня пассажирскую дверь.

— Хорошего первого дня, — сказал Лоренцо, подходя ко мне. На мгновение он положил ладонь мне на плечо, и этот жест получился таким естественным, что я даже не сразу поняла, насколько непривычной стала для меня подобная забота. — Не переживай. Все получится.

Я улыбнулась.

— Постараюсь.

— Даже не сомневаюсь.

Я села в машину, а спустя несколько секунд Нико занял место за рулем. Двигатель тихо заурчал, тяжелые ворота медленно разъехались в стороны, и внедорожник плавно выехал на дорогу. Первые несколько минут мы ехали в абсолютной тишине. Нико внимательно следил за дорогой, словно вокруг вообще никого не существовало, а я уже начинала понимать, что если не нарушу молчание сама, то до самого казино мы не обменяемся ни словом.

Я искоса посмотрела на него.

Он был сосредоточен так, будто вез не девушку на первый рабочий день, а президента.

— Слушай... — наконец произнесла я, повернувшись к нему. — У меня есть вопрос.

— М-м?

— У тебя вообще есть друзья?

Он на секунду перевел на меня взгляд, после чего снова посмотрел на дорогу.

— Есть.

— Правда?

— Правда.

— И они добровольно с тобой общаются?

— Пока никто не жаловался.

Я тихо усмехнулась.

— Странно. Я бы уже через полчаса сбежала.

— Но не сбежала.

— Пока.

На его лице мелькнуло что-то похожее на усмешку, но исчезло так быстро, что я не была уверена, действительно ли это увидела.

Я решила продолжить.

— Ладно. Тогда следующий вопрос.

— Их много?

— Это зависит от твоего терпения.

— Тогда, боюсь, сегодня мы никуда не доедем.

Я фыркнула.

— Ты когда-нибудь опаздывал?

— Нет.

— Вообще никогда?

— Нет.

— Даже в школу?

— Особенно в школу.

— Боже...

Я театрально закатила глаза.

— Ты родился сорокалетним бухгалтером?

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Почему бухгалтером?

— Потому что только бухгалтеры бывают настолько правильными.

Несколько секунд в машине снова было тихо.

А потом я совершенно отчетливо увидела, как уголок его

губ едва заметно дрогнул.

Я резко повернулась к нему.

— Это сейчас была улыбка?

— Показалось, — совершенно спокойно ответил Нико, даже не взглянув в мою сторону.

— Нет, не показалось.

— Значит, показалось мне.

— Ты невозможный.

— Ты уже говорила.

Я только покачала головой.

Кажется, выводить меня из себя действительно начинало приносить ему какое-то странное удовольствие.

Мы уже почти выехали на широкую магистраль, когда я машинально посмотрела на экран навигатора.

Через несколько секунд нахмурилась.

— Подожди...

Нико молчал.

— Мы же должны были повернуть направо.

Он не ответил.

Вместо этого спокойно перестроился в соседнюю полосу и поехал дальше.

Я снова посмотрела на карту.

— Нико.

Тишина.

— Ты вообще слышишь меня?

В этот момент в салоне раздался короткий сигнал входя-

щего вызова.

Нико нажал кнопку на руле.

— Да.

Несколько секунд он молча слушал собеседника.

Я заметила, как изменилось выражение его лица.

Исчезла та едва заметная расслабленность, которая появилась во время нашей перепалки. Черты снова стали жестче, взгляд — холоднее.

— Принял, — коротко сказал он и отключил связь.

В машине снова стало тихо.

— Что случилось? — осторожно спросила я.

— Ничего.

Я недоверчиво посмотрела на него.

— Если ничего, почему мы свернули?

— Изменились планы.

— Какие планы?

— Маршрут.

Я шумно выдохнула.

— Нико, можешь хоть раз ответить нормально?

Он молчал несколько секунд, словно решая, сколько информации вообще может мне сказать.

— Возле казино возникли проблемы.

— Какие?

— Не твои.

Я уже открыла рот, чтобы продолжить спор, но в этот момент он достал из центральной консоли небольшую гарниту-

ру и спокойно вставил ее в ухо.

— Кейн, доложи обстановку, — произнес он уже совсем другим голосом.

Ровным. Холодным. Таким, который не предполагал лишних вопросов.

Следующие несколько минут я почти не узнавала человека, сидевшего рядом. Он больше не был тем молчаливым парнем, которого мне удавалось хоть немного разговорить. Он коротко отдавал распоряжения, уточнял фамилии сотрудников, требовал перекрыть один из служебных въездов, проверить записи с камер и усилить посты у парковки. Никто не спорил. Никто не переспрашивал. Каждое его слово выполнялось мгновенно, словно люди на другом конце связи давно привыкли беспрекословно выполнять его приказы.

Я украдкой смотрела на него, впервые понимая, что совершенно ничего о нем не знаю.

Кто он такой на самом деле? Телохранитель? Помощник Лоренцо. Или... кто-то гораздо важнее?

Через двадцать минут машина остановилась возле служебного входа казино.

Со стороны все выглядело абсолютно обычным. Роскошный фасад сиял в утреннем солнце, у центрального входа останавливались дорогие автомобили, швейцары открывали двери гостям, а сотрудники встречали посетителей с безупречными улыбками.

Но теперь я замечала детали. Возле здания было слишком

много мужчин в темных костюмах. Некоторые говорили по рациям. Другие внимательно осматривали территорию. Еще двое стояли у входа так неподвижно, что больше напоминали статуи.

Стоило нам выйти из машины, как один из них быстрым шагом подошел к Нико.

— Все чисто, — негромко произнес он. — Территория проверена.

Нико коротко кивнул.

— Хорошо.

Мужчина сразу отошел, не задав ни единого вопроса.

Я посмотрела сначала на него, потом на Нико.

— Уже все?

— Уже.

— И что вообще произошло?

Он встретился со мной взглядом всего на секунду.

— Не думай об этом.

Мне совершенно не понравился этот ответ.

Внутри казино оказалось совсем не так, как я представляла. Вместо оглушительной музыки и хаоса меня встретили приглушенный свет, дорогой аромат дерева и парфюма, мягкий звон фишек и спокойный гул десятков голосов. Все вокруг двигалось удивительно слаженно, словно каждый человек здесь давно выучил свою роль. За игровыми столами уже собирались первые посетители, официанты бесшумно скользили между залами с подносами, крупье ловко тасовали кар-

ты, а администраторы приветствовали гостей с такими безупречными улыбками, будто у каждого из них сегодня был лучший день в жизни.

У самого входа меня уже ждал высокий мужчина лет пятидесяти в темно-синем костюме с идеально завязанным галстуком. Его седые волосы были аккуратно уложены назад, а в спокойных карих глазах читалась привычка держать под контролем абсолютно все происходящее вокруг. Стоило мне подойти ближе, как он сразу протянул руку.

— Добро пожаловать, мисс Моретти. Меня зовут Маркус Хейз. Я управляющий этим казино, — представился он уверенным, но доброжелательным голосом. — Рад наконец познакомиться лично.

Я на мгновение замешкалась, а затем все-таки пожала ему руку.

— Вообще-то... Картер, — мягко поправила я.

Маркус едва заметно улыбнулся, словно ожидал именно такой реакции.

— Прошу прощения.

— Ничего страшного, — ответила я с легкой улыбкой. — Просто я еще не привыкла к тому, что люди автоматически называют меня Моретти.

— Понимаю, — спокойно кивнул он. — Тогда договорились. Мисс Картер.

— Лучше просто Амелия.

На этот раз улыбка Маркуса стала чуть шире.

— Хорошо. Тогда и вы зовите меня просто Маркусом. Без официальностей.

— Договорились.

Он жестом пригласил меня следовать за ним.

— Сегодня я познакомлю вас с коллективом, покажу здание и расскажу, чем именно вы будете заниматься. Не переживайте, никто не ожидает, что уже к вечеру вы будете знать здесь каждый угол.

Мы медленно пошли вдоль просторного игрового зала. Почти каждый сотрудник здоровался с Маркусом, а затем с любопытством переводил взгляд на меня. Кто-то улыбался совершенно искренне, кто-то едва заметно переговаривался с коллегами, а некоторые делали вид, что слишком заняты работой, хотя было очевидно: новость о появлении дочери Лоренцо уже успела разлететься по всему персоналу.

«Ну конечно...»

Я даже не удивилась.

Маркус остановился возле одного из столов с блэкджеком.

— Дилан.

Молодой мужчина тут же поднял голову. На вид ему было около двадцати семи лет. Светлые волосы были слегка растрепаны, голубые глаза улыбались раньше губ, а темно-синий жилет сидел настолько идеально, будто его шили специально для него. Стоило ему увидеть нас, как он моментально отложил карты и подошел ближе.

— Это Амелия Картер. С сегодняшнего дня она присо-

единяется к нашей команде в качестве помощника администратора зала, — представил меня Маркус.

— Значит, это правда, — улыбнулся Дилан, пожимая мне руку. — Рад познакомиться. Не обращайте внимания на слухи. Через неделю здесь все найдут новую тему для обсуждения.

Я тихо рассмеялась.

— Надеюсь.

— Если кто-то будет слишком сильно доставать, сразу говорите мне.

— Почему именно тебе? — с улыбкой спросил Маркус.

— Потому что я самый обаятельный сотрудник казино.

— Самый самоуверенный, — послышался женский голос за моей спиной.

Я обернулась.

К нам подошла невысокая девушка примерно моего возраста с длинными темно-каштановыми волосами, собранными в высокий хвост. Зеленые глаза весело блестели, а на щеках появлялись едва заметные ямочки, когда она улыбалась.

— Кора, — представилась она первой и крепко пожала мне руку. — Старший администратор смены. Не слушай этого блондина. Он считает себя подарком человечеству.

— Потому что это правда.

— Нет, потому что у тебя слишком большое зеркало дома.

Я снова рассмеялась.

За последние несколько минут напряжение внутри замет-

но ослабло.

Кора сразу производила впечатление человека, с которым невозможно чувствовать себя чужой.

Пока Маркус продолжал экскурсию, мы познакомились еще с несколькими сотрудниками. Начальник службы безопасности Лукас оказался бывшим военным — высоким, молчаливым мужчиной с перебитым носом и удивительно спокойным голосом. Старшая официантка Изабелла руководила целой командой так уверенно, что даже опытные сотрудники беспрекословно выполняли каждое ее распоряжение. Финансовый менеджер Ноа оказался молодым парнем в круглых очках, который, кажется, искренне любил цифры больше, чем людей.

Чем дальше мы шли, тем отчетливее я понимала одну вещь. Это было не просто казино. Это был огромный механизм, где каждая деталь зависела от десятков других.

Наконец Маркус остановился возле просторного кабинета со стеклянными стенами, из которого открывался вид почти на весь игровой зал.

— Здесь будет ваше основное рабочее место, — сказал он, приглашая меня внутрь.

Я удивленно огляделась.

Большой рабочий стол, несколько мониторов с изображением камер наблюдения, расписание смен на огромной магнитной доске, планшеты, папки с документами и панорамные окна, через которые просматривался почти весь этаж ка-

зино.

— Я думала... — осторожно начала я. — Что буду чем-то вроде обычного администратора.

Маркус добродушно улыбнулся.

— Нет.

Он подошел к одному из экранов.

— Ваша задача не стоять за стойкой регистрации. Вы будете координировать работу зала. Следить, чтобы каждая смена выходила вовремя, решать конфликтные ситуации с гостями до того, как они перерастут в проблемы, контролировать работу администраторов, официантов и крупье. Если кто-то заболел — вы ищете замену. Если VIP-гость недоволен обслуживанием — разговариваете с ним первой. Если возникает спор между сотрудниками — разбираетесь в ситуации раньше, чем она дойдет до меня.

Я молча слушала, чувствуя, как список обязанностей становится все длиннее.

— А если я не справлюсь? — честно спросила я.

Маркус улыбнулся уже серьезнее.

— Тогда мы вас научим.

Он сделал небольшую паузу.

— Но если господин Моретти решил доверить вам эту должность, значит, он увидел в вас качества, которые нельзя приобрести ни на одном курсе. Организовывать людей можно научиться. Быть ответственным человеком — гораздо сложнее.

Я невольно вспомнила слова Лоренцо за завтраком.

«Ответственность либо есть в человеке, либо ее нет.»

Кажется, они с Маркусом были удивительно похожи в одном. Они гораздо сильнее верили в меня, чем я сама.

Следующие несколько часов пролетели гораздо быстрее, чем я ожидала. Маркус не перегружал меня теорией, прекрасно понимая, что ни одна инструкция не заменит живой практики. Вместо бесконечных объяснений он буквально водил меня по всему казино, знакомя с каждым отделом и постепенно втягивая в рабочий процесс. Мы несколько раз возвращались в кабинет администраторов, где он показывал мне систему бронирования VIP-залов, объяснял, как распределяются смены сотрудников, где отображаются отчеты по столам и каким образом фиксируются любые жалобы гостей. Сначала огромное количество информации казалось настоящим хаосом, но постепенно я начала замечать закономерности. Все здесь работало по четким правилам. Каждый сотрудник знал свою задачу, а любая мелочь, способная нарушить работу казино, должна была быть замечена задолго до того, как превратится в проблему.

— Главное — научиться видеть зал целиком, а не отдельными столами, — объяснял Маркус, останавливаясь возле большого экрана с планом этажа. — Хороший администратор никогда не бежит тушить пожар. Он замечает дым еще до того, как появляется огонь.

Я невольно улыбнулась.

— Красиво сказано.

— Это не красивая фраза, — спокойно ответил он. — Это правило, которое однажды спасет тебе очень много нервов.

За время экскурсии мне даже удалось решить первую небольшую проблему. Один из постоянных гостей возмутился тем, что ему пришлось ждать свободный стол чуть дольше обычного. Я уже собиралась позвать Маркуса, но он только едва заметно покачал головой, показывая, что вмешиваться не собирается. Пришлось справляться самой. Я спокойно извинилась, предложила гостю напиток за счет заведения и попросила крупье подготовить соседний стол на несколько минут раньше графика. Конфликт закончился, даже не успев начаться.

Когда мужчина ушел, Маркус одобрительно посмотрел на меня.

— Видишь? Иногда человеку достаточно почувствовать, что его слышали.

— Я просто вспомнила работу в кофейне, — пожала плечами я. — Там недовольных клиентов было гораздо больше. Маркус негромко усмехнулся.

— Значит, опыт у тебя все-таки есть.

Я впервые за день почувствовала, что, возможно, действительно справлюсь.

Ближе к обеду Маркус ненадолго отвлекся на разговор с финансовым отделом, а меня попросил пока изучить внутреннюю систему бронирования. Именно тогда рядом снова

появился Дилан.

— Ну что, еще не сбежала? — с улыбкой спросил он, при-
слоняясь плечом к дверному косяку.

— Пока держусь.

— Отлично. Значит, шанс выжить у тебя есть.

Я тихо рассмеялась.

— Все настолько плохо?

— Нет. Просто в первый день здесь обычно все ходят с
таким выражением лица, будто через пять минут начнется
экзамен.

Он сел за соседний компьютер и ловко открыл какую-то
программу.

— Иди сюда. Покажу кое-что, пока Маркус не загрузил
тебя еще сотней новых инструкций.

Следующие минут двадцать он терпеливо объяснял, как
быстрее находить бронирования постоянных гостей, где
отображаются пожелания VIP-клиентов и каким образом со-
трудники обмениваются информацией между сменами. В от-
личие от сухих инструкций, которые я читала утром, с ним
все казалось удивительно простым. Дилан постоянно шутил,
специально путал названия кнопок, изображал недовольных
миллионеров и так смешно копировал некоторых постоян-
ных гостей, что несколько раз мне приходилось буквально
сдерживать смех.

— Вот этого мужчину запомни сразу, — сказал он, пока-
зывая фотографию одного из постоянных клиентов. — Ес-

ли увидишь, что он идет к столу без своего счастливого пиджака, лучше сразу принеси ему двойной виски. Значит, сегодня он проигрывает.

— Ты сейчас серьезно?

— Абсолютно. Проверено годами.

Я покачала головой, смеясь.

— Кажется, это самая странная инструкция за сегодняшний день.

— Поверь, вечером список станет длиннее.

Он поднялся из-за стола.

— Пойдем, покажу тебе служебную часть казино. Иначе потом опять заблудишься.

Мы прошли через несколько коридоров, служебные лифты, комнату отдыха персонала, диспетчерскую и помещения, куда обычные посетители никогда не попадали. По дороге Дилан здоровался практически с каждым встречным сотрудником. Судя по всему, его здесь действительно любили.

— Если потеряешься, просто звони мне, — сказал он, открывая дверь в очередной коридор. — Я уже четыре года работаю здесь и знаю это место лучше собственного дома.

— Спасибо. Надеюсь, проверять не придется.

— Проверишь. Все новенькие хотя бы раз оказываются не там, где должны.

Я только улыбнулась.

После всего, что произошло за последние недели, этот обычный разговор казался почти роскошью. Без тяжелых

тем. Без разговоров о безопасности. Без постоянного ощущения, что вокруг меня происходит что-то, чего я пока не понимаю.

Наверное, именно поэтому рядом с Диланом было так спокойно.

Мы уже возвращались обратно к игровому залу, когда он неожиданно остановился возле одного из панорамных окон.

— Кстати... — начал он чуть тише. — Ты ведь совсем недавно в Лас-Вегасе?

— Да.

— Тогда это почти преступление.

Я удивленно посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что нельзя сидеть все время в особняке. После смены могу показать тебе город. Без туристической ерунды. Только места, которые действительно любят местные.

Я уже собиралась ответить, когда он легко коснулся моего локтя, привлекая внимание к огромному панорамному окну, из которого открывался вид на знаменитый Стрип.

— Смотри, отсюда особенно красиво вечером...

Именно в этот момент рядом неожиданно появился Нико.

Нико

К вечеру казино окончательно оживает. Дневная суэта незаметно сменяется привычным вечерним ритмом, ради

которого сюда и приезжает большинство гостей. За игровыми столами становится теснее, официанты почти без остановки разносят дорогой алкоголь, где-то неподалеку звенят фишки, негромко играет джаз, а огромные хрустальные люстры отражаются в полированном мраморе, заставляя весь зал казаться еще роскошнее. Для посетителей это место — возможность испытать удачу. Для сотрудников — обычный рабочий день. Для меня — очередная смена, мало чем отличающаяся от сотен предыдущих.

Я медленно прохожу вдоль игрового зала, не задерживаясь подолгу на одном месте. За столько лет работы взгляд сам цепляется за вещи, которые большинство людей никогда бы не заметили. Мужчина слишком часто поправляет пиджак, хотя в помещении совсем не жарко. За третьим столом кто-то слишком долго держит руку в кармане. Возле бара посетитель уже несколько минут не сводит глаз с выхода, хотя делает вид, что разговаривает по телефону. Именно из таких мелочей складывается работа. Не из оружия, погонь или драк, как любят показывать в фильмах. Настоящая безопасность начинается задолго до того, как возникает опасность. Она начинается с умения смотреть внимательнее остальных.

Обычно этого достаточно, чтобы полностью занять мои мысли. Я давно научился отключать все лишнее. На работе не существует усталости, плохого настроения или личных проблем. Есть только задача. Только люди вокруг. Только контроль. Но сегодня что-то идет не так с самого утра. Сто-

ит мне отвлечься буквально на несколько минут, как взгляд снова сам собой находит в толпе знакомую рыжую макушку.

Амелия.

Она стоит рядом с Маркусом, внимательно слушая его объяснения и время от времени что-то записывая в небольшой блокнот. Ни суеты, ни желания показать себя умнее остальных. Она задает вопросы только тогда, когда действительно чего-то не понимает, внимательно наблюдает за происходящим вокруг и удивительно быстро схватывает то, на что у большинства новичков уходят недели. Я замечаю, как Маркус специально отходит в сторону, позволяя ей самостоятельно решить небольшой конфликт с одним из гостей. Она не теряется. Не начинает оправдываться. Не зовет старшего администратора. Просто спокойно разговаривает с человеком, внимательно его выслушивает, предлагает решение, и уже через минуту тот уходит совершенно довольным.

Маркус едва заметно кивает сам себе.

Я знаю этот жест.

Он редко ошибается в людях.

«Неплохо», — машинально отмечаю про себя, тут же заставляя себя перевести взгляд в другую сторону.

Не мое дело.

Меня не должно волновать, насколько хорошо она справляется. Отец поручил мне отвечать за ее безопасность, а не наблюдать за каждым ее шагом. Достаточно убедиться, что рядом нет угрозы, и заняться своей работой. Именно так я и

собираюсь поступить. По крайней мере пытаюсь.

Но проходит всего несколько минут, и я снова замечаю ее.

Теперь она уже разговаривает с молодой девушкой из администрации. Потом смеется над какой-то шуткой официанта. Потом благодарит крупье, который помогает ей разобраться с программой. Я никогда раньше не обращал внимания на то, как быстро человек способен стать частью совершенно нового коллектива. Большинство новичков держатся настороженно, пытаются казаться увереннее, чем есть на самом деле. Амелия ведет себя иначе. Она не старается понравиться. Просто остается собой. И почему-то этого оказывается достаточно, чтобы люди сами начинали к ней тянуться.

Я раздраженно выдыхаю и отвожу взгляд.

— Соберись, — тихо произношу себе под нос.

В последнее время я слишком часто забываю собственное правило.

Никогда не привязываться. Ни к людям. Ни к обстоятельствам. Ни к тем, кого должен защищать. Это мешает работать.

Именно поэтому я снова переключаю внимание на зал, пока краем глаза не замечаю приближающегося Дилана.

Молодой менеджер уверенной походкой подходит к Амелии, что-то говорит ей, и уже через секунду она улыбается. Он открывает на планшете какую-то программу, начинает что-то объяснять, активно жестикулируя, и я неожиданно понимаю, что наблюдаю за ними уже далеко не первую мину-

ту. Дилан легко шутит, постоянно вызывает у нее улыбку, а она отвечает ему все свободнее, словно напряжение последних дней наконец начинает отпускать.

Почему-то это начинает раздражать. Без причины. Без всякой логики.

Я знаю его. Хороший сотрудник. Ответственный. За четыре года работы ни одного серьезного нарушения. С ним нет никаких проблем.

Именно поэтому я никак не могу объяснить себе, почему продолжаю следить за каждым его движением.

Они идут по служебному коридору, останавливаются возле огромного панорамного окна с видом на Стрип. Дилан что-то рассказывает, показывая рукой на переливающиеся здания за стеклом. Амелия смеется — легко, искренне, без той осторожности, с которой разговаривает почти со всеми в особняке. На секунду мне даже кажется, что я впервые слышу ее настоящий смех.

Именно тогда Дилан, продолжая что-то говорить, совершенно непринужденно касается ее локтя, привлекая внимание к виду за окном.

Всего одно короткое прикосновение.

Совершенно обычное. Ничего не значащее. Но внутри меня что-то резко натягивается. Так резко, что на мгновение становится трудно сделать вдох.

Челюсти непроизвольно сжимаются, пальцы сами собой с силой обхватывают рацию, а взгляд цепляется за его ладонь,

будто она задержалась на ее коже гораздо дольше, чем было на самом деле.

И хуже всего не то, что я это вижу. Хуже то, что я вдруг отчетливо понимаю одну простую вещь.

Мне это, **блядь**, совершенно не нравится.

Это не мое дело.

Я повторяю эту мысль снова и снова, продолжая стоять чуть в стороне от зала, словно если произнести ее достаточное количество раз, она наконец станет правдой. Амалия взрослая. Она не ребенок, которого нужно одергивать за руку при каждом неверном шаге. Она сама прекрасно решит, с кем разговаривать, кому улыбаться и кого подпускать ближе. В конце концов, я здесь не для этого. Моя задача — следить, чтобы никто не представлял для нее угрозы. Все остальное меня касаться не должно. Особенно то, как какой-то молодой менеджер смотрит на нее с таким откровенным интересом, будто уже забыл, где находится и с кем разговаривает. Это всего лишь обычный флирт. Ничего больше. Люди знакомятся, смеются, делают комплименты. Каждый день. Так почему, **блядь**, меня это так раздражает?

Я медленно втягиваю воздух, пытаюсь вернуть привычное спокойствие. За столько лет научился держать эмоции под контролем. Научился не реагировать на провокации, не поддаваться злости, не принимать решений сгоряча. Это всегда было моей сильной стороной. Холодная голова. Трезвый расчет. Но сейчас внутри словно медленно затягивается тугой

узел, который становится только крепче с каждой секундой. Я уже собираюсь отвернуться, заставить себя заняться работой и забыть обо всей этой сцене, когда Дилан снова что-то говорит Амелии. Она смеется. Искренне. Без той осторожности, с которой разговаривает почти со всеми в особняке. Потом он наклоняется чуть ближе, показывая ей что-то на планшете, и совершенно естественным движением касается ее руки, привлекая внимание.

Этого оказывается достаточно.

Я даже не успеваю осознать, что уже иду в их сторону. Никакого приказа. Никакой причины. Ни одной здоровой мысли, которая могла бы объяснить собственные действия. Просто расстояние между нами начинает стремительно сокращаться. Один шаг. Второй. Третий. Где-то на середине пути я понимаю, что уже поздно останавливаться. Если сейчас резко развернусь и уйду, это будет выглядеть еще глупее. Поэтому продолжаю идти с тем самым спокойным выражением лица, которое столько лет спасало меня в самых разных ситуациях.

— Амелия, — произношу я ровным голосом, остановившись рядом с ними так, будто именно сюда и направлялся с самого начала. Ни раздражения, ни злости в моем тоне не слышно. Только привычное спокойствие. — Нам пора.

Она удивленно переводит на меня взгляд. Голубые глаза внимательно изучают мое лицо, словно пытаются понять, что изменилось за последние несколько минут.

— Уже? — спрашивает она, искренне удивившись, и ма-

шинально смотрит на часы на своем запястье. — Но рабочий день еще не закончился.

— Для тебя закончился, — спокойно отвечаю я, даже не взглянув на нее.

Повисает короткая пауза.

Дилан первым чувствует, что что-то не так. Его улыбка медленно исчезает, рука почти незаметно опускается, а сам он делает небольшой шаг назад, словно инстинктивно увеличивая расстояние между собой и мной.

— Конечно... — произносит он уже совсем другим голосом. Намного тише, осторожнее. Потом переводит взгляд на Амелию и натянуто улыбается. — Тогда... увидимся завтра.

— Хорошо. До завтра, Дилан, — отвечает она с легкой улыбкой, совершенно не понимая, почему атмосфера вокруг вдруг стала такой напряженной.

Я не говорю больше ни слова.

Просто разворачиваюсь и иду к выходу, прекрасно зная, что она пойдет следом. Не потому, что приказал. Просто потому, что иначе сейчас не поступит.

— Нико! — доносится ее голос уже в коридоре. Она быстро догоняет меня и несколько секунд идет рядом, внимательно изучая мое лицо. — Да подожди ты.

Я немного замедляю шаг, но ничего не отвечаю.

— Что случилось? — спрашивает она уже серьезнее, заглядывая мне в глаза. — Ты какой-то... странный.

— Все нормально, — спокойно отвечаю я, не меняя вы-

ражения лица.

— Нет, — качает головой Амелия, не соглашаясь с ответом. Она прищуривается так, будто пытается решить сложную задачу. — Когда у тебя все нормально, ты просто молчишь. А сейчас ты молчишь... как-то особенно.

Я бросаю на нее короткий взгляд.

— Это что, разные виды молчания?

— Представь себе, да, — говорит она почти возмущенно. — За эти несколько дней я уже научилась их различать. Есть молчание «не хочу разговаривать». Есть молчание «ты меня раздражаешь». Есть молчание «сейчас кого-нибудь убью». И вот сейчас... — она ненадолго замолкает, еще раз внимательно посмотрев на меня. — Сейчас какое-то последнее.

Несмотря на себя, я почти усмехаюсь.

Почти.

— Богатая фантазия.

— Или хорошая наблюдательность, — невозмутимо отвечает она. Потом вдруг склоняет голову набок и, уже с искренним любопытством, спрашивает: — Это из-за того парня?

Я чувствую, как внутри все моментально напрягается.

— Какого?

— Дилана, — спокойно отвечает Амелия. — Ты как-то резко появился именно тогда, когда мы разговаривали.

— Рабочий день закончился.

Она смотрит на меня еще несколько секунд.

Слишком долго.

Словно пытается понять, верит ли сама в мои слова.

Потом неожиданно пожимает плечами.

— Ладно. Если захочешь когда-нибудь научиться говорить больше трех слов подряд — дай знать.

Она первой выходит на парковку, оставляя меня на несколько шагов позади. Я смотрю ей вслед. И впервые за очень долгое время понимаю, что соврал. Не ей. Себе. Потому что рабочий день здесь был совершенно ни при чем.

Я крепче сжимаю руль, чувствуя, как под пальцами тихо поскрипывает кожа. Двигатель работает ровно, за окнами машины бесконечной лентой проносятся неоновые вывески, рекламные экраны и поток дорогих автомобилей, но я почти ничего не замечаю. В голове снова и снова прокручивается одна и та же сцена. Чужая ладонь на ее руке. Ее смех. Этот ублюдок, который смотрел на нее так, будто уже мысленно приглашал на свидание. Что это вообще было? Какого черта я сорвался с места? Я ведь даже не думал. Просто увидел — и уже через несколько секунд стоял рядом с ними. Ни приказа. Ни реальной причины. Никогда раньше со мной такого не происходило.

Я пытаюсь разложить все по привычным полкам, как делал всегда. Работа. Только работа. Отец лично поручил мне отвечать за безопасность Амелии. Любой человек, который неожиданно оказывается слишком близко к ней, автоматически попадает в поле моего внимания. Это нормально. Именно так и должен действовать человек, отвечающий за чужую

жизнь. Я годами жил по этим правилам и ни разу не позволял эмоциям вмешиваться в работу. Любой незнакомец — потенциальная угроза, пока не доказано обратное. Все логично. Все правильно. Настолько правильно, что самому становится противно. Потому что я прекрасно знаю: дело было вовсе не в безопасности.

Дилан не выглядел опасным. Я знал его не первый год. Хороший сотрудник. Ответственный. Без дурных привычек, без сомнительных связей, без склонности создавать проблемы. Если бы мне пришлось выбирать человека, рядом с которым Амелия могла бы спокойно находиться, его фамилия точно оказалась бы в числе первых. Он не собирался причинять ей вред. Не пытался воспользоваться ситуацией. Он всего лишь вел себя так, как ведут себя мужчины рядом с красивой женщиной. Шутил. Ловил ее улыбку. Смотрел на нее с интересом. И почему-то именно это выбило меня из равновесия сильнее любого возможного нападения.

— Блядь... — тихо выдыхаю я, даже не замечая, что произнес это вслух.

Настоящий, чертов бред.

За всю свою жизнь я никогда никого не ревновал. Даже не понимал, зачем люди добровольно доводят себя до подобного состояния. Женщины всегда были простой частью моей жизни. Красивые. Уверенные. Иногда оставались на одну ночь. Иногда — на несколько недель. Ни одна из них не задерживалась настолько долго, чтобы мне захотелось узнать,

какую музыку она слушает по дороге домой, что любит есть на завтрак или о чем думает перед сном. Мне было достаточно физического притяжения. Без обязательств. Без разговоров о чувствах. Без обещаний, которые все равно однажды пришлось бы нарушить. Так было проще. Так было правильно. Именно поэтому я никогда не позволял себе привязаться хоть к кому-то.

И теперь... это.

Я снова вижу перед собой ту короткую сцену возле окна. Ладонь Дилана на ее локте. Совершенно обычное прикосновение. Настолько естественное, что любой другой человек даже не обратил бы на него внимания. Но стоит мне вспомнить этот момент, как где-то под ребрами снова неприятно стягивается тугой узел. Настолько сильно, что хочется ударить по рулю и выбросить эти мысли из головы.

Нет. Этого не может быть.

Я почти злюсь на самого себя. Она — дочь моего отца. Пусть появилась в нашей жизни всего несколько дней назад. Пусть мы не росли вместе. Пусть между нами нет ни капли общей крови. Это ничего не меняет. Она моя сестра. Точка. Одного этого должно быть достаточно, чтобы любые подобные чувства даже не успели появиться. Чтобы мозг сам поставил непреодолимую границу. Но почему тогда рядом с ней я все чаще перестаю думать как человек, отвечающий за безопасность, и начинаю реагировать так, будто... будто имею какое-то право злиться?

Прав не было. И никогда не будет.

Я резко выдыхаю, заставляя себя отпустить руль хотя бы немного. Суставы пальцев уже побелели от напряжения. Нужно прекратить думать об этом. Сейчас же. Завтра все снова станет нормально. Работа останется работой. Амелия — дочерью отца, за безопасность которой я отвечаю. Не больше. Я столько лет учился контролировать собственную голову, что справлюсь и сейчас.

Я привык отдавать приказы людям. Они всегда их выполняли. Но впервые за много лет понимаю одну неприятную вещь. Оказывается, собственные мысли подчиняются куда хуже.

9 Глава

Амелия

Когда черный внедорожник плавно сворачивает с главной дороги и тяжелые кованые ворота начинают медленно расходиться в стороны, я неожиданно ловлю себя на странном ощущении. Еще несколько дней назад мысль о возвращении сюда вызывала внутри лишь напряжение. Этот огромный особняк казался чужим, холодным и слишком роскошным для человека, который привык считать деньги до следующей зарплаты. Теперь же, когда машина неторопливо едет по длинной подъездной аллее, окруженной стройными кипарисами и аккуратно подстриженными кустами жасмина, я впервые чувствую не тревогу, а приятную усталость. Не ту, после которой едва доползаешь до кровати, мечтая только о сне, а другую — легкую, почти теплую. Последние три года каждый мой вечер заканчивался одинаково: сначала смена в кофейне, потом несколько часов в ресторане, затем дорога домой с тяжелыми пакетами продуктов или лекарств. Возвращаясь, я уже заранее знала, что сначала нужно проверить мамину температуру, приготовить ужин, разложить таблетки по времени, а уже потом, если останутся силы, позволить себе десять минут горячего душа. Сегодня впервые за очень долгое время я возвращаюсь домой после обычного рабоче-

го дня. Без паники. Без страха, что кто-то ждет меня с болью. И именно это почему-то заставляет сердце болезненно сжаться.

Я медленно провожу пальцами по ремню сумки, глядя в окно на проплывающий мимо сад. В голове одна за другой всплывают картинки сегодняшнего дня. Маркус, терпеливо объясняющий устройство казино. Кора, смеющаяся над тем, как я едва не перепутала служебный лифт с техническим. Первый недовольный гость, которого мне пришлось успокаивать самостоятельно. И то странное чувство гордости, которое появилось, когда все закончилось хорошо. Никто не сделал скидку на мою фамилию. Никто не относился ко мне как к дочери владельца. Мне пришлось работать наравне со всеми, и это неожиданно принесло куда больше удовлетворения, чем я ожидала. Кажется, впервые за долгое время я почувствовала себя не человеком, которого нужно жалеть, а человеком, который действительно способен что-то делать сам.

Только одно воспоминание никак не хочет уходить из головы.

Нико.

Вернее, его странное поведение перед самым уходом. Еще несколько минут назад он спокойно стоял в стороне, как обычно наблюдая за всем происходящим, а потом будто в одно мгновение изменился. Стал молчаливее обычного — хотя, казалось бы, куда уж больше, — напряженнее, холод-

нее. Всю обратную дорогу он почти не произнес ни слова, а когда я пыталась разговорить его, отвечал так коротко, словно каждое лишнее слово причиняло ему физическую боль.

«Наверное, просто тяжелый день», — мысленно заключаю я, когда машина останавливается перед главным входом.

Другого объяснения у меня все равно нет.

Да и, если честно, пытаться понять настроение Нико — примерно то же самое, что пытаться предугадать погоду в пустыне.

К ужину я спускаюсь чуть позже остальных. Из столовой доносится негромкий разговор, звон столовых приборов и знакомый смех Энцо. Стоит мне переступить порог, как он первым замечает меня и тут же широко улыбается, будто специально ждал моего появления.

— Ну наконец-то! — театрально восклицает он, разводя руками. — Мы уже начали думать, что первый рабочий день тебя окончательно добил.

— Или она уже уволила половину казино, — невозмутимо добавляет Дамиано, отпивая воду.

— Или возглавила его, — тут же подхватывает Энцо с самым серьезным видом. — Амелия, признавайся. Сколько человек ты сегодня уволила?

Я невольно смеюсь, занимая свободное место за столом.

— Ни одного.

— Очень слабое начало, — разочарованно качает головой Энцо. — Я рассчитывал минимум на трех.

— А еще лучше сразу на управляющего, — спокойно замечает Дамиано, и в уголках его губ появляется почти незаметная улыбка.

— Не слушай его, — машет рукой Энцо. — Он просто завидует. Ну рассказывай! Как прошел первый день? Только подробно. Мне нужны все драматические моменты.

Я качаю головой, улыбаясь уже совершенно искренне.

— Если честно... лучше, чем я ожидала. Правда.

За столом становится немного тише. Даже Лоренцо, который до этого спокойно разговаривал с Розой о чем-то своем, переводит на меня внимательный взгляд.

— Сначала мне казалось, что я никогда не запомню, где что находится, — начинаю рассказывать я, невольно вспоминая утреннюю растерянность. — Там столько служебных коридоров, что первые полчаса я была уверена: если потеряюсь, искать меня придется до закрытия казино.

Энцо тихо смеется.

— Это нормально. Я однажды сам заблудился.

— В собственном казино? — спокойно спрашивает Дамиано.

— Один раз.

— Четыре, — поправляет его Нико, впервые за весь вечер подавая голос.

За столом на секунду воцаряется тишина.

Потом Энцо возмущенно поворачивается к нему.

— Предатель.

— Это факты, — невозмутимо отвечает Нико, даже не поднимая глаз от тарелки.

Я не удерживаюсь от смеха.

Настоящего.

Легкого.

Такого, какого у меня не было уже очень давно.

— Спасибо, Нико, — театрально вздыхает Энцо. — Очень приятно, когда родной брат портит тебе репутацию.

— Ее уже сложно испортить, — сухо замечает Нико.

— Вот сейчас было обидно.

— Переживешь.

Даже Дамиано тихо усмехается, опуская взгляд.

Я неожиданно понимаю, что впервые вижу их не как троих совершенно незнакомых мужчин, а как обычных братьев, которые всю жизнь подшучивают друг над другом. И от этого наблюдения внутри становится удивительно тепло.

— Потом Маркус решил проверить, насколько внимательно я его слушала, — продолжаю я, когда смех постепенно стихает. — Он специально отправил меня разговаривать с очень недовольным гостем. Я была уверена, что сейчас все испорчу.

— И? — спокойно спрашивает Лоренцо.

Я перевожу взгляд на него. Он почти не говорит. Просто внимательно слушает. Так внимательно, будто каждое мое слово действительно имеет для него значение.

— Кажется... получилось, — тихо отвечаю я. — По край-

ней мере он ушел довольным.

— Потому что ты сначала выслушала его, — неожиданно произносит Нико. — Люди редко хотят невозможного. Чаще всего они просто хотят, чтобы их услышали.

Я удивленно смотрю на него.

— Именно так и сказал Маркус.

— Потому что он хороший управляющий, — спокойно отвечает Дамиано.

Разговор продолжается сам собой. Энцо то и дело перебивает меня очередной шуткой, заставляя смеяться всю столовую, Лоренцо изредка задает вопросы о работе, искренне интересуясь не должностью, а тем, как я чувствовала себя среди сотрудников. Он не хвалит меня. Не говорит, что ожидал именно такого результата. Просто слушает, и я вдруг замечаю, что его взгляд с каждой минутой становится все теплее.

— А еще мне очень повезло с одним из менеджеров, — говорю я, даже не задумываясь. Отпиваю немного воды и продолжаю, улыбнувшись собственным воспоминаниям. — Дилан буквально спас меня в первый час работы. Если бы не он, я бы до сих пор ходила кругами по служебным коридорам. Он показал мне систему бронирования, объяснил, какие гости любят сидеть за одними и теми же столами, и даже составил целую инструкцию по выживанию.

— Инструкцию? — с любопытством переспрашивает Энцо, откидываясь на спинку стула.

— Угу, — смеюсь я. — Оказывается, у них есть мужчи-

на, который приходит каждую пятницу исключительно в синем пиджаке и садится только за третий стол. Если этот стол занят, он искренне считает, что вечер уже испорчен. А еще есть женщина, которая уверена, что выигрывает только тогда, когда ей первой пожелают удачи именно крупье с короткой стрижкой. Дилан сказал, что в казино у каждого второго свои маленькие ритуалы, и если их запомнить, работать становится намного легче.

— Он не соврал, — спокойно произносит Дамиано, складывая салфетку рядом с тарелкой. — Люди приезжают туда не только играть. Они приезжают за ощущением, что все происходит именно так, как должно происходить.

— Вот именно это он мне и сказал, — отвечаю я, удивленно посмотрев на него. — Почти слово в слово.

— Потому что работает там давно, — коротко замечает Лоренцо.

— И, кажется, знает абсолютно всех, — продолжаю я уже скорее сама для себя. — Даже успел предупредить, чтобы я никогда не спорила с одним постоянным гостем насчет его «счастливого» пиджака. Сказал, что если этот человек проигрывает, виноват будет не он, а тот, кто случайно пожелал ему удачи не той рукой.

Энцо громко смеется, качая головой.

— Обожаю таких людей. Они готовы поверить во что угодно, лишь бы не признавать, что им просто не повезло.

— Это часть атмосферы казино, — спокойно отвечает Ло-

ренцо. — Люди приходят туда не только за выигрышем. Они приходят за надеждой.

Я киваю, соглашаясь с ним, совершенно не замечая, как за столом что-то неуловимо меняется.

До этого момента Нико спокойно ужинал, почти не участвуя в разговоре. Как обычно. Изредка переводил взгляд с одного говорящего на другого, молча слушал и неторопливо ел, никак не выдавая собственных мыслей. Но сейчас он вдруг перестает двигаться. Вилка остается в его руке, взгляд опускается куда-то в тарелку, а на лице появляется то самое непроницаемое выражение, которое я уже успела изучить за эти несколько дней. Только теперь оно кажется... другим. Более холодным. Более напряженным.

Я невольно замолкаю.

Повисшую тишину замечаю не только я.

Нико медленно кладет приборы на край тарелки, берет салфетку и так же неторопливо вытирает руки, словно собирается сделать нечто совершенно обыденное.

— Я закончил, — спокойно произносит он, поднимаясь из-за стола.

Его голос звучит ровно. Слишком ровно. Он коротко кивает Лоренцо.

— Доброй ночи.

— Доброй, — отвечает отец, внимательно посмотрев на сына.

Не сказав больше ни слова, Нико разворачивается и вы-

ходит из столовой. Дверь за ним закрывается почти бесшумно, но почему-то именно этот едва слышный щелчок кажется неожиданно громким. Несколько секунд никто не произносит ни слова. Энцо первым нарушает молчание.

— Это сейчас что было? — недоуменно спрашивает он, переводя взгляд сначала на закрытую дверь, потом на отца. — Я что-то пропустил?

— Не только ты, — спокойно отвечает Дамиано, хотя по едва заметной складке между его бровями понятно, что он тоже ничего не понял.

Я растерянно смотрю вслед Нико, пытаюсь мысленно восстановить последние несколько минут разговора.

— Я... что-то не то сказала? — тихо спрашиваю я, чувствуя, как внутри снова появляется неприятное ощущение неловкости. — Если да, то я правда не хотела...

— Нет, — почти сразу отвечает Энцо, качнув головой. — Поверь, если бы ты сказала что-то не то, я бы уже первым об этом сообщил.

— Спасибо, — не удержавшись, тихо смеюсь я.

— Всегда пожалуйста.

Но почему-то легче не становится. Я снова перевожу взгляд на дверь. Еще утром мне казалось, что я понемногу начинаю понимать Нико. По крайней мере привыкать к его молчанию. А сейчас складывалось ощущение, будто за одну минуту он снова превратился в совершенно незнакомого человека.

Только Лоренцо ничего не говорит.

Он продолжает смотреть в сторону двери еще несколько долгих секунд, задумчиво переплетая пальцы на столе. Со стороны кажется, что он просто проводил сына взглядом, но почему-то возникает ощущение, будто он заметил гораздо больше остальных. В его лице почти ничего не меняется, однако в темно-карих глазах появляется едва уловимая задумчивость.

Он слишком хорошо знает Нико.

Знает, что тот никогда не уходит из-за стола посреди семейного разговора без причины.

И хотя этой причины он пока не понимает, впервые за долгое время внутри него рождается тихое, необъяснимое беспокойство.

Нико

Стоит двери столовой закрыться за моей спиной, как голоса постепенно растворяются где-то позади. Я даже не думаю о том, чтобы подняться к себе. Ноги сами несут меня через длинный коридор в дальнее крыло особняка, туда, куда я прихожу каждый раз, когда в голове становится слишком шумно. За последние годы этот зал превратился в единственное место, где никто не задает вопросов, не пытается разговаривать меня и не делает вид, будто понимает лучше меня самого. Здесь нет семейных разговоров, чужих взгля-

дов и необходимости держать лицо. Только тяжелый запах резины, металла и старой кожи боксерских груш, холодный бетонный пол, ряды тренажеров и привычная тишина, которую нарушает лишь собственное дыхание. Я захлопываю дверь, бросаю ключи на деревянную скамью и одним движением снимаю футболку. Прохладный воздух касается разогретой кожи, но не приносит облегчения. Открыв шкафчик, достаю бинты и начинаю медленно наматывать их на руки. Левая кисть. Правая. Виток за витком. Пальцы давно запомнили эту последовательность лучше головы. Обычно к тому моменту, когда бинты затянуты, мысли уже выстраиваются в привычный порядок. Сегодня этого не происходит. Перед глазами снова возникает ее лицо. Рыжие волосы, разбросанные по плечам, голубые глаза и эта легкая улыбка, появившаяся, когда она рассказывала про первого рабочего дня и... про Дилана. Я машинально затягиваю бинт сильнее, чем нужно, так что ткань впивается в кожу. Боль должна была вернуть контроль. Вместо этого она только сильнее раздражает.

Я подхожу к тяжелой груше и несколько секунд молча смотрю на нее, словно ожидая, что она сама ответит на вопросы, которые я задаю себе последние несколько часов. Потом первый удар срывается почти автоматически. Глухой хлопок эхом расходится по пустому залу. За ним второй. Третий. Четвертый. Очень быстро тело переходит в знакомый ритм. Прямой. Боковой. Апперкот. Уклон. Шаг вперед.

Еще удар. Мышцы работают безошибочно, дыхание становится ровным, ладони ощущают жесткую кожу груши, но в голове по-прежнему полный хаос. *Это работа.* Я повторяю эту мысль снова и снова, словно пытаюсь убедить не кого-то другого, а самого себя. Отец поручил мне отвечать за безопасность Амелии. Любой человек, который подходит к ней слишком близко, автоматически становится объектом моего внимания. Любой. Именно поэтому я вмешался. Именно поэтому подошел. Именно поэтому увез ее раньше обычного. Все абсолютно логично. Все правильно. Именно так поступил бы любой человек на моем месте.

Только собственный мозг почему-то не верит ни единому слову. С каждым новым ударом в памяти всплывают детали, которых я вообще не должен был замечать. Как этот придурок смотрел на нее. Как слишком свободно улыбался. Как легко сокращал между ними расстояние. Как коснулся ее руки, будто имел на это право. И хуже всего то, что перед глазами возникает не он, а она. Амелия смеется. Искренне. Легко. Так, как смеялась сегодня за ужином, когда Энцо снова нес какую-то чушь. Так, как улыбалась, пока рассказывала про свой первый рабочий день. Я резко выдыхаю сквозь зубы и вкладываю в следующий удар всю силу. Груша отлетает назад так резко, что цепи под потолком жалобно звенят. Еще удар. Еще. Еще. Кулаки начинают гореть под бинтами, но мне все равно. Если бы дело действительно касалось только безопасности, меня бы совершенно не волновало, каким

взглядом этот парень на нее смотрел. Я проверил бы его досье, убедился, что он не представляет угрозы, и больше никогда о нем не вспомнил бы. Но я продолжаю вспоминать. Снова и снова. И именно это бесит сильнее всего.

— Блядь... — глухо вырывается у меня, когда очередной удар приходится настолько сильно, что кожа на костяшках все-таки лопается. Теплая кровь быстро пропитывает белую ткань бинтов, окрашивая ее темными пятнами, но я замечаю это только краем сознания. Боль почти не ощущается. Она теряется где-то на фоне куда более неприятного чувства, которому я никак не могу подобрать название. Я никогда никого не ревновал. Никогда. Женщины всегда были простой частью моей жизни. Красивые. Уверенные. Иногда на одну ночь. Иногда на несколько недель. Ни одна не задерживалась рядом настолько долго, чтобы мне захотелось узнать, какой кофе она любит по утрам, какую музыку включает в машине или чего боится больше всего. Мне это было неинтересно. Секс. Никаких обещаний. Никаких чувств. Всех это устраивало. Так какого черта сейчас происходит? Почему какая-то нелепая улыбка между ней и другим мужчиной выбивает меня из равновесия сильнее, чем пуля, пролетевшая в сантиметре от головы?

Я наконец останавливаюсь, тяжело опираясь ладонями о грушу. Пот медленно стекает по спине, дыхание вырывается короткими, резкими вдохами, а сердце колотится уже не от нагрузки, а от собственного раздражения. Я закрываю гла-

за всего на секунду, но этого оказывается достаточно, чтобы снова увидеть ее лицо. Веснушки, едва заметные на переносице. Голубые глаза. Упрямо вздернутый подбородок. И в этот момент меня словно окатывает ледяной водой. Нет. Я резко открываю глаза и отступаю на шаг назад, будто пытаюсь физически оттолкнуть собственные мысли. Этого не может быть. Она дочь моего отца. Моя сводная сестра. Пусть между нами нет ни капли общей крови, это ничего не меняет. Не должно менять. Я вообще не имею права смотреть на нее иначе, чем смотрит человек, отвечающий за ее безопасность. Тогда почему рядом с ней я все чаще забываю, что именно таким человеком и обязан оставаться? Ответа нет. И впервые за много лет я понимаю одну простую вещь: любому человеку можно отдать приказ. Даже самому опасному. Но приказать собственному сердцу заткнуться оказывается чертовски невозможно.

Амелия

После ужина я не сразу поднимаюсь к себе. Несмотря на насыщенный день, спать совсем не хочется. Наоборот, внутри остается какое-то странное беспокойство, будто голова все еще пытается догнать события последних нескольких суток. Я медленно брожу по просторным коридорам особняка, не особенно задумываясь, куда именно иду. Дом уже не кажется таким пугающе чужим, как в первый день. Я начи-

наю замечать детали, которые раньше ускользали от внимания: старинные часы, тихо отсчитывающие секунды где-то за углом, картины в тяжелых рамах, мягкий свет настенных ламп, отражающийся в отполированном мраморе. Здесь почти всегда тихо. Настолько тихо, что собственные шаги кажутся слишком громкими. Наверное, именно поэтому, заметив приоткрытую дверь в конце коридора, я машинально заглядываю внутрь.

Библиотека оказывается совсем не такой, какой я ожидала ее увидеть. Не холодной комнатой для коллекции дорогих книг, а удивительно уютным местом, в котором хочется задержаться подольше. Высокие деревянные стеллажи уходят почти под самый потолок, между ними стоят массивные кожаные кресла, у окна горит небольшая настольная лампа с теплым янтарным светом, а в воздухе витает тот самый запах старой бумаги и дерева, который невозможно перепутать ни с чем другим. Я медленно прохожу вдоль полок, кончиками пальцев касаясь корешков книг. История. Искусство. Архитектура. Политика. Классическая литература. Кажется, здесь можно провести целую жизнь и все равно не успеть прочитать даже половину. Подняв голову, я замечаю на верхней полке большой кожаный фотоальбом. Стоит мне осторожно потянуть его на себя, как он неожиданно выскальзывает из рук. Я едва успеваю поймать тяжелую книгу, прижимая ее к груди, и тихо смеюсь собственной неловкости.

Устроившись в кресле возле окна, я открываю альбом ско-

рее из любопытства, чем с какой-то конкретной целью. На первых страницах — старые черно-белые фотографии особняка. Еще без современных пристроек, с молодыми деревьями вместо огромных кипарисов и совсем другим садом. Потом появляются снимки мужчины, которого я только начинаю узнавать. Молодой Лоренцо. Без седины на висках. С открытой улыбкой, которую сейчас я почти не вижу. На следующей странице — двое мальчишек. Один серьезный даже в детстве, другой улыбается так широко, будто фотограф успел рассказать ему лучший анекдот в мире. Дамиано и Энцо. Я невольно улыбаюсь, переводя взгляд с фотографии на воспоминания о сегодняшнем завтраке. Даже спустя столько лет они почти не изменились.

Я переворачиваю еще одну страницу.

И замираю. Воздух словно исчезает.

На фотографии мама. Совсем молодая.

Ее волосы длиннее, чем я привыкла помнить, глаза светятся так ярко, что даже старый снимок не способен этого скрыть. Она смеется, сидя на бортике фонтана, а рядом, слишком близко, стоит Лоренцо. Он смотрит не в объектив. Только на нее. Так, будто во всем мире больше никого не существует.

Я осторожно провожу пальцами по фотографии.

Следующая. Они идут по саду.

Еще одна. Мама держит в руках огромный букет белого жасмина.

Еще. Они стоят именно возле того самого фонтана, который Лоренцо показывал мне утром. Теперь я понимаю, почему тогда он так надолго замолчал. Он вспоминал не свое детство.

Он вспоминал ее. У меня неожиданно сжимается горло. Мама никогда не рассказывала мне об этих днях. Вообще никогда.

Для меня ее жизнь словно начиналась с моего рождения. До этого существовали только короткие фразы вроде «когда-то давно» или «это уже неважно». А сейчас передо мной лежало доказательство того, что когда-то она была по-настоящему счастлива.

Я переворачиваю еще страницу. И снова задерживаю дыхание. Возле них стоит маленький мальчик. Темные волосы. Серьезное лицо. Даже в таком возрасте взгляд кажется удивительно взрослым. Нико. Я узнаю его почти сразу.

Не потому, что он сильно похож на себя сегодняшнего. Наоборот. Детское лицо еще мягкое, щеки круглые, руки совсем тонкие. Но глаза...

Глаза абсолютно те же. Такие же темные. Такие же внимательные.

Будто он уже тогда наблюдал за миром чуть внимательнее остальных.

Я долго рассматриваю фотографию, пытаюсь представить эту сцену целиком. Мама сидит рядом с Лоренцо, маленький Нико стоит возле них, солнце падает сквозь деревья...

Получается, она знала этого мальчика. Разговаривала с ним. Возможно, играла с ним, пока отец занимался делами. Получается, все эти люди существовали в ее жизни задолго до моего появления.

И вдруг впервые за все это время меня пронзает совсем другая мысль.

Раньше мне казалось, что у меня украли отца. Теперь я впервые понимаю... У мамы украли целую жизнь. Не только любимого человека. Не только семью. Десятки таких вот вечеров. Сотни фотографий, которые могли появиться в этом альбоме. Детские дни рождения. Праздники. Обычные семейные завтраки. Все то, что должно было стать их будущим, оказалось заперто в одном старом конверте, который она носила с собой больше двадцати лет.

Я осторожно закрываю альбом. Почему-то смотреть дальше уже не хватает сил.

Позже, когда особняк окончательно погружается в вечернюю тишину, я выхожу на улицу. Воздух становится прохладнее, пахнет жасмином и свежескошенной травой. Где-то неподалеку тихо журчит фонтан, а в кронах деревьев шелестит легкий ветер. Обычно такая прогулка помогла бы привести мысли в порядок, но сегодня их слишком много.

Проходя мимо отдельного крыла особняка, я неожиданно слышу глухой удар.

Потом еще один.

Еще.

Звук повторяется с почти пугающей регулярностью.

Любопытство оказывается сильнее.

Я осторожно подхожу ближе.

Дверь спортивного зала оказывается приоткрыта, и я, сама не понимая зачем, заглядываю внутрь.

Нико.

Он стоит ко мне влоборота перед тяжелой боксерской грушей.

Футболка небрежно брошена на пол возле стены, а сам он, кажется, уже давно не замечает ничего вокруг. Мощные плечи напряжены до предела, мышцы рук перекачиваются под загорелой кожей при каждом движении, широкая спина блестит от пота, который медленно скатывается вниз тонкими дорожками. Каждый удар заставляет работать все тело — от крепких ног, уверенно упирающихся в пол, до напряженного пресса, рельеф которого на мгновение становится особенно заметным, когда он резко выдыхает. Я никогда не видела человека, который двигался бы с такой точностью. В его движениях нет ни одного лишнего жеста. Кажется, даже ярость у него подчиняется строгой дисциплине.

Я сама не замечаю, как задерживаю взгляд чуть дольше, чем следовало бы.

Наверное, потому что впервые вижу его не в дорогой черной рубашке и не в строгом костюме, за которыми всегда пряталась его фигура. Теперь становится очевидно, сколько часов он проводит в этом зале. На его груди и плечах видне-

ются тонкие светлые шрамы, словно память о давних драках или чем-то гораздо более опасном. На предплечьях черные линии татуировок уходят выше, исчезая за плечом, а бинты на руках уже успели пропитаться кровью, хотя он, кажется, совершенно этого не замечает.

Он снова наносит удар. Такой сильный, что тяжелая груша отлетает назад почти до самого потолка.

Его дыхание становится тяжелее. Челюсть напряжена. Во всем его облике чувствуется что-то настолько болезненное, что мне вдруг становится не по себе.

Это совсем не тот спокойный, почти бесстрастный мужчина, которого я привыкла видеть рядом с собой последние дни.

Сейчас кажется, будто внутри него бушует настоящая война. Я открываю рот, собираясь окликнуть его. Но почти сразу передумываю.

Иногда человеку нужно остаться наедине с тем, с чем он борется.

Я тихо отступаю назад, стараясь не издать ни звука, и медленно закрываю дверь ровно настолько, чтобы он так и не заметил моего присутствия.

Я ухожу, искренне думая, что стала случайной свидетельницей тяжелого дня.

10 Глава

Амелия

Следующие несколько дней пролетают так быстро, что я почти перестаю считать их. Каждое утро начинается одинаково: черный внедорожник уже ждет у главного входа, Нико, как всегда, открывает передо мной дверь, коротко кивает вместо приветствия, а затем мы почти молча едем через просыпающийся Лас-Вегас. Иногда я специально пытаюсь вывести его на разговор, задавая совершенно бессмысленные вопросы — о любимом фильме, музыке, о том, почему он никогда не включает радио в машине, — но чаще всего в ответ получаю лишь короткие фразы, которых едва хватает, чтобы поддержать разговор. Это начинает напоминать какую-то странную игру, правила которой знаю только я. Мне кажется, что если однажды заставлю Нико добровольно произнести хотя бы пять предложений подряд, смогу считать этот день маленькой личной победой.

Работа постепенно перестает казаться чем-то пугающим. Если в первый день я постоянно боялась ошибиться, забыть чье-то имя или случайно принять неправильное решение, то теперь все происходит почти естественно. Я уже не путаюсь в бесконечных служебных коридорах, помню расположение большинства залов, знаю, какие гости всегда просят столик у

панорамных окон, а какие обязательно начинают вечер с бокала виски и разговора с крупье. Сотрудники тоже постепенно перестают видеть во мне исключительно дочь владельца. Теперь они все чаще заходят в кабинет не потому, что так приказал Маркус, а потому, что действительно хотят посоветоваться. Иногда спрашивают, как лучше решить конфликт с посетителем, иногда просят помочь разобраться с расписанием смен или найти замену заболевшему сотруднику. И каждый раз, когда удается решить проблему спокойно, без повышения голоса и лишних конфликтов, внутри появляется странное чувство удовлетворения. Оно совсем не похоже на радость от хороших чаевых после тяжелой смены в ресторане. Это что-то другое. Более взрослое. Более... настоящее.

К обеду Маркус уже без лишних слов передает мне часть своих обязанностей. Он специально отходит в сторону, позволяя самостоятельно разговаривать с гостями, принимать решения и даже разбираться с несколькими неприятными ситуациями, которые еще неделю назад наверняка вызвали бы у меня настоящую панику. Один мужчина оказывается недоволен тем, что ему пришлось ждать заказанный столик лишние семь минут. Молодая девушка плачет из-за того, что потеряла дорогой браслет. Еще один постоянный клиент требует заменить крупье, искренне уверенный, что тот приносит ему неудачу. Каждый раз я мысленно делаю глубокий вдох, вспоминая слова Маркуса: *«Люди приходят не за идеальным сервисом. Они приходят за ощущением, что их слы-*

шат.» И, к собственному удивлению, это действительно работает. Иногда достаточно просто внимательно выслушать человека, чтобы половина проблемы исчезла сама собой.

Когда последний из конфликтов наконец остается позади, Маркус закрывает папку с отчетами и несколько секунд молча наблюдает за мной. Я уже успеваю решить, что все-таки где-то допустила ошибку, когда он неожиданно улыбается — спокойно, без привычной деловой сдержанности.

— Знаешь, — говорит он, складывая руки на груди, — за последние десять лет через это казино прошло немало молодых руководителей. Некоторые были с двумя дипломами престижных университетов, другие приходили с громкими рекомендациями. Но большинство из них так и не научились самому главному.

Я непонимающе смотрю на него.

— Чему?

— Слушать людей, — отвечает Маркус с легкой улыбкой. — Этому нельзя научить на курсах управления. Это либо есть в человеке, либо нет. У тебя есть.

Я на несколько секунд теряюсь.

Наверное, потому что за последние годы привыкла слышать совсем другие слова.

«Недостаточно опыта.»

«Вы слишком молоды.»

«Нам нужен человек с рекомендациями.»

«Мы вам перезвоним.»

Похвала всегда доставалась кому-то другому.

Мне — только новые смены и еще несколько часов работы.

— Спасибо... — тихо отвечаю я, неожиданно чувствуя, как внутри становится тепло.

Маркус лишь коротко кивает.

— Не благодари раньше времени, — произносит он уже своим привычным спокойным тоном. — Это значит только одно.

— Что именно?

— Теперь работы станет еще больше.

Я не выдерживаю и смеюсь.

— Вот теперь это больше похоже на правду.

Он тихо усмехается в ответ.

— Добро пожаловать в управление, мисс Картер.

Я машинально качаю головой.

— Просто Амелия.

— Хорошо, — соглашается он без малейшего колебания.

— Тогда просто Амелия.

Когда Маркус уходит в соседний зал, я еще несколько секунд стою одна, рассматривая оживленное казино через стеклянную перегородку. Повсюду звучит музыка, звенят фишки, крупье раздают карты, официанты с подносами легко лавируют между столиками, а посетители смеются так, словно за стенами этого здания не существует никаких проблем.

Я невольно улыбаюсь. Впервые за очень долгое время мне кажется, что я не просто пытаюсь выжить. Я снова начинаю жить.

Следующие несколько часов пролетают почти незаметно. Казино живет своей привычной жизнью, и я все сильнее чувствую, что постепенно становлюсь ее частью. Однако есть одна странность, которая не дает мне покоя с самого утра.

Нико.

Обычно я хотя бы время от времени замечаю его рядом. Не потому, что он специально находится возле меня, а потому, что каким-то необъяснимым образом всегда оказывается поблизости. Иногда стоит у входа, разговаривая с охраной, иногда проходит через игровой зал, иногда молча наблюдает за происходящим, словно замечая каждую мелочь вокруг. Сегодня все иначе.

Я вижу его всего несколько раз за весь день.

Сначала — возле центрального входа. Он стоит рядом с начальником службы безопасности, что-то негромко обсуждая, одновременно слушая чей-то доклад в гарнитуре. Потом замечаю его на втором этаже, когда он проверяет камеры вместе с техническим специалистом. Еще через пару часов он появляется в VIP-зале, где несколько минут разговаривает по рации, после чего так же быстро исчезает среди посетителей.

Каждый раз происходит одно и то же.

Наши взгляды случайно встречаются. Всего на мгновение.

И каждый раз он первым отводит глаза. Настолько быстро, будто вообще не хотел, чтобы я заметила, что он на меня смотрел.

Сначала я не придаю этому значения. Потом начинаю ловить себя на мысли, что это повторяется слишком часто, чтобы быть случайностью.

После вчерашнего вечера он словно специально держится подальше.

Я несколько раз пытаюсь заговорить с ним. Во время короткого перерыва специально подхожу к служебному выходу, где он разговаривает с одним из охранников.

— Привет, — говорю я с легкой улыбкой, когда он заканчивает разговор.

— Привет, — спокойно отвечает Нико, убирая телефон в карман.

Повисает короткая пауза.

— Как проходит день?

— Нормально.

— Очень содержательно, — не удержавшись, тихо усмехаюсь я. — Когда-нибудь ты научишься отвечать больше чем одним словом?

Он едва заметно пожимает плечами.

— Возможно.

Я несколько секунд жду продолжения.

Его не следует.

— И это все?

— Да.

Я тяжело вздыхаю, качая головой.

— Ладно... хотя бы стабильность в этом доме есть.

Мне кажется, уголок его губ едва заметно дергается, но уже через секунду привычное бесстрастное выражение возвращается на лицо.

— Хорошей смены, Амелия, — спокойно произносит он и, даже не дожидаясь моего ответа, разворачивается и уходит.

Я еще несколько секунд смотрю ему вслед. Станный. Очень странный. Раньше он хотя бы иногда позволял себе ответить колкостью или поддеть меня в ответ. Сейчас же словно специально строит между нами стену, которую я никак не могу понять.

«Может, я действительно чем-то его задела?» — мелькает неожиданная мысль.

Я начинаю мысленно перебирать вчерашний вечер. Разговор за ужином. Прогулку. Работу. Нашу дорогу домой. Ничего. Абсолютно ничего такого, что могло бы объяснить его поведение.

В конце концов я сдаюсь. Наверное, у него просто такой характер. Другого объяснения у меня все равно нет.

К вечеру казино начинает стремительно меняться. Если днем здесь царила почти деловая атмосфера, то теперь огромные залы постепенно наполняются людьми. Один за другим подъезжают дорогие автомобили, музыка становится

громче, звон фишек смешивается с голосами гостей, официанты ускоряют шаг, а крупные занимают свои места за игровыми столами. Именно сейчас начинается самая оживленная часть суток, но для меня рабочий день, наоборот, подходит к концу.

Я прощаюсь с Корой, которая, как обычно, обещает завтра снова принести мне кофе раньше, чем я успею его попросить, затем захожу к Маркусу подписать последние документы.

— Не забудь вечером посмотреть новый регламент по VIP-гостям, — напоминает он, закрывая папку с отчетами и снимая очки. — Завтра утром разберем его вместе.

— Обязательно, — обещаю я.

— И, Амелия...

Я уже почти выхожу из кабинета, но останавливаюсь в дверях.

— Да?

Маркус смотрит на меня несколько секунд, после чего спокойно улыбается.

— Хорошая работа сегодня.

Всего три слова.

Но почему-то именно они заставляют меня улыбнуться в ответ гораздо искреннее, чем любые похвалы за последние несколько лет.

— Спасибо, — тихо отвечаю я.

Выйдя в служебный коридор, я уже почти дохожу до вы-

хода, когда слышу за спиной знакомый голос.

— Амелия!

Я оборачиваюсь.

Дилан быстрым шагом догоняет меня, привычным движением поправляя бейдж на лацкане пиджака.

— Уже уходишь? — спрашивает он с улыбкой.

— Похоже на то.

Мы вместе идем к служебному выходу, и разговор сам собой становится легким и непринужденным.

— Ну что, второй день пережила? — с притворной серьезностью интересуется Дилан.

— Кажется, да. И даже ни разу не потерялась.

— Это серьезное достижение, — торжественно кивает он. — Значит, скоро сможешь самостоятельно добраться до комнаты отдыха без карты.

Я тихо смеюсь.

— Очень смешно.

— Я стараюсь.

Несколько секунд мы просто идем рядом, после чего он вдруг снова возвращается к теме, которую уже поднимал вчера.

— Кстати... мое предложение все еще в силе. Если захочешь увидеть настоящий Лас-Вегас, а не только казино и особняк, с удовольствием покажу тебе город.

Я уже собираюсь ответить, но неожиданно ловлю себя на странном ощущении.

Будто кто-то наблюдает.

Я машинально оборачиваюсь.

Нико нигде не видно.

И все же...

По какой-то необъяснимой причине я совершенно уверена, что он где-то рядом.

— Я подумаю, — наконец отвечаю Дилану с легкой улыбкой. — Пока еще слишком многое происходит одновременно.

— Это уже лучше, чем категоричное «нет», — довольно произносит он.

Мы одновременно выходим через служебный вход.

Прохладный вечерний воздух сразу касается лица, принося с собой запах раскаленного за день асфальта. Парковка почти опустела. Большинство сотрудников уже разъехались по домам, и между рядами автомобилей осталось всего несколько человек. Возле знакомого черного внедорожника стоят двое охранников. Один из них коротко кивает Никю, который что-то внимательно слушает в гарнитуре, после чего спокойно отвечает несколькими короткими фразами.

Все выглядит совершенно обычно.

Даже слишком обычно.

Наверное, именно поэтому никто из нас сразу не понимает, что всего через несколько секунд привычная реальность рассыплется на тысячи осколков.

Первый выстрел звучит так оглушительно, что я даже не

успеваю понять, что именно услышала. На какую-то долю секунды мне кажется, будто где-то совсем рядом лопнула шина или взорвался трансформатор. Я машинально поворачиваю голову в сторону резкого хлопка, пытаюсь найти источник звука, но не успеваю сделать даже полноценный вдох. Чьи-то сильные руки с невероятной скоростью хватают меня за плечи, и в следующую секунду земля буквально исчезает из-под ног. Нико с такой силой валит меня на асфальт, что воздух резко вылетает из легких. Он даже не пытается смягчить падение — просто накрывает меня своим телом, полностью закрывая собой. Почти одновременно над самой головой раздается оглушительный треск. Боковое стекло внедорожника взрывается сотнями мелких осколков, которые дождем осыпаются вокруг нас. За первым хлопком сразу следуют второй, третий, четвертый. Теперь я уже понимаю — это выстрелы. Настоящие. Совсем рядом. Парковка, которая еще несколько секунд назад казалась абсолютно спокойной, за одно мгновение превращается в настоящий хаос. Люди кричат, кто-то падает на землю, кто-то пытается бежать, визг шин режет слух, а тяжелые хлопки автоматных очередей смешиваются с короткими командами охраны. Я ничего не успеваю осознать. Перед глазами только серое вечернее небо, широкое плечо Нико, которым он полностью заслоняет меня от происходящего, и его тяжелое, сбившееся дыхание где-то совсем рядом.

Он не дает мне ни секунды прийти в себя. Стоит стрель-

бе ненадолго сместиться в сторону, как Нико одним стремительным движением оказывается на ногах, одновременно поднимая и меня. Я чувствую, как его пальцы почти до боли впиваются в мое предплечье, удерживая меня рядом, и уже через мгновение он буквально заталкивает меня за бронированный внедорожник. Все происходит настолько быстро, что я не успеваю даже понять, где нахожусь. Сердце бьется так сильно, что заглушает половину окружающих звуков. Я пытаюсь поднять голову, но Нико тут же резко опускает ладонь мне на плечо, заставляя снова пригнуться.

— Сиди здесь! Не высовывайся! — приказывает он настолько громко, что я вздрагиваю. Его голос впервые звучит совсем иначе. Жестко. Властно. Без единой эмоции, словно передо мной стоит совершенно другой человек. Не тот молчаливый мужчина, которого я несколько дней подряд безуспешно пыталась разговорить, а человек, привыкший отдавать приказы так, чтобы их выполняли мгновенно.

Я смотрю на него широко раскрытыми глазами и почти не узнаю. Его движения становятся невероятно точными, почти механическими. Пока одна рука удерживает меня за плечом, другой он уже нажимает кнопку на гарнитуре, одновременно осматривая парковку быстрым цепким взглядом. Кажется, он видит абсолютно все. Замечает каждое движение, каждую машину, каждого человека. Он коротко бросает несколько фраз в рацию, и я впервые слышу, насколько спокойно может звучать голос человека посреди настоящего боя.

— Северный сектор, двое справа. Перекройте въезд. Вторая группа — на запасной маршрут, — быстро произносит Нико, не повышая голоса. Его слова звучат четко и уверенно, словно все происходящее давно отработано до автоматизма.

Где-то совсем рядом раздается новый шквал выстрелов.

Нико даже не вздрагивает.

Только слегка смещается в сторону, снова закрывая меня собой.

Именно в этот момент внутри меня что-то окончательно ломается. Все разговоры Лоренцо, которые еще вчера казались преувеличением богатого человека, внезапно обретают страшный смысл. Вооруженная охрана. Высокие заборы. Бронированные машины. Постоянное сопровождение. Нико, который не отпускал меня ни на шаг. Это никогда не было проявлением чрезмерного контроля. Никто не пытался ограничить мою свободу просто потому, что ему так хотелось. Они действительно жили в мире, где подобное могло случиться в любой момент. И сейчас этот мир ворвался в мою жизнь вместе с запахом пороха, звоном разбивающегося стекла и паникой, которая захлестывает меня с головой.

В нескольких десятках метров одна из машин сопровождения с ревом двигателя резко срывается с места. Она буквально вылетает наперерез черному внедорожнику, который продолжает нестись через парковку. Раздается такой оглушительный удар металла о металл, что у меня закладывает уши. Один автомобиль с силой таранит другой, разворачи-

вая его поперек дороги. В воздух взлетают осколки пластика, искры, клубы дыма. Запах горячей резины смешивается с едким запахом пороха, отчего становится трудно дышать. Я дрожащими руками закрываю уши, пытаюсь хоть немного заглушить этот кошмар, но выстрелы все равно продолжают раздаваться совсем рядом.

Нико снова что-то слышит в гарнитуре. Его взгляд мгновенно меняется. Он коротко кивает, словно получил нужную информацию, затем резко поворачивается ко мне. Не говоря ни слова, хватает меня за запястье так крепко, что я почти теряю равновесие.

— За мной! — резко бросает он, уже начиная двигаться. Я даже не успеваю возразить.

Мы почти бегом выскакиваем из-за укрытия, направляясь к еще одному черному бронированному внедорожнику, который с визгом тормозов вылетает со стороны служебного въезда.

Мы успеваем сделать всего несколько шагов.

Следующий выстрел раздается так близко, что воздух словно взрывается прямо у меня над ухом. Все происходит настолько быстро, что сознание просто не успевает догнать реальность. Я лишь чувствую, как ладонь Нико, крепко державшая мое запястье, на какую-то долю секунды становится слабее. Его тело едва заметно дергается вперед, будто кто-то резко толкнул его в плечо, но он не позволяет себе даже остановиться. Ни одного вскрика. Ни единого стога. Он лишь

крепче стискивает зубы и продолжает буквально тащить меня к машине, словно собственное тело сейчас интересует его меньше всего. Я автоматически перевожу взгляд на его спину, пытаюсь понять, что произошло, и только тогда замечаю, как на черной ткани рубашки медленно расплзается темное пятно. Оно становится все больше с каждой секундой, пропитывая ткань, стекая вниз по рукаву. Несколько бесконечно долгих мгновений я просто смотрю на него, совершенно не понимая, что вижу. Мир будто замедляется. Выстрелы продолжают звучать где-то совсем рядом, люди кричат, машины режут моторами, а мой взгляд прикован только к этому пятну.

Потом приходит осознание.

Кровь.

Кровь Нико.

У меня мгновенно пересыхает во рту, а сердце с такой силой ударяет в грудную клетку, что становится больно дышать. Нет... Нет, этого не может быть. Он же только что закрыл меня собой. Только что...

— Нико... — почти беззвучно произношу я, сама не узнавая собственного голоса. Он срывается где-то на полпути, превращаясь в хриплый шепот.

Он даже не оборачивается.

— В машину! — резко приказывает Нико, впервые за все время почти срываясь на крик. Его голос звучит жестко, хрипло и так властно, что я невольно вздрагиваю. Даже сей-

час, когда кровь продолжает пропитывать его рубашку, он думает не о себе. Только обо мне.

Я не успеваю ничего сказать. Он буквально заталкивает меня в салон бронированного внедорожника, придерживая ладонью за затылок, чтобы я не ударилась о дверной проем. Затем с глухим хлопком захлопывает тяжелую дверь, окончательно отделяя меня от происходящего снаружи. Только после этого он на секунду позволяет себе остановиться. Одной рукой все еще сжимает пистолет, продолжая контролировать парковку, а другой тяжело опирается о кузов машины. Даже отсюда я замечаю, как побледнело его лицо. Один из охранников что-то быстро говорит ему, указывая в сторону выезда, но Нико лишь коротко кивает, словно ранение — это досадная мелочь, на которую сейчас просто нет времени обращать внимание.

В следующую секунду двигатель оглушительно рычит, и внедорожник срывается с места. Меня вжимает в сиденье, за окном начинают мелькать огни казино, сирены, вспышки проблесковых маячков, бегущие люди и искореженные машины. Все превращается в размытое пятно, которое я почти не замечаю. В ушах стоит гул, дыхание сбивается, а перед глазами снова и снова возникает один и тот же момент. Как Нико бросился ко мне. Как закрыл своим телом. Как его плечо резко дернулось от удара пули. Я отчаянно пытаюсь убедить себя, что все закончилось, что мы уже уехали, что он жив, но сердце продолжает колотиться так сильно, будто

опасность никуда не исчезла.

Только спустя несколько минут я машинально опускаю взгляд на собственные руки. Они лежат на коленях и мелко дрожат. Сначала я даже не понимаю, что именно меня настораживает, а потом замечаю темно-красные разводы на ладонях. Кровь успела подсохнуть, вдавнившись в кожу, забившись под ногти, оставив отпечатки на пальцах. Я осторожно провожу большим пальцем по запястью, словно пытаюсь стереть эти следы, но они только сильнее размазываются.

Это не моя кровь.

Это кровь Нико.

В груди что-то болезненно сжимается. Еще совсем недавно этот человек казался мне молчаливым, невыносимо упрямым телохранителем, который бесил меня своей привычкой контролировать каждый мой шаг. Я спорила с ним, закатывала глаза, пыталась вывести его из себя, называла невозможным человеком. А теперь не могу оторвать взгляд от собственной кожи, испачканной его кровью, потому что слишком хорошо понимаю, откуда она здесь появилась.

Несколько секунд назад он даже не задумался. Не колебался. Не выбирал между собой и мной. Он просто закрыл меня собой.

Если бы пуля вошла всего на несколько сантиметров выше...

Эта мысль бьет по мне с такой силой, что становится трудно дышать. Я резко зажмуриваюсь, пытаюсь прогнать страш-

ную картину, но она снова и снова возникает перед глазами. Нет. Нет, я не хочу даже представлять, что могло произойти.

«Он просто выполнял приказ.»

Я цепляюсь за эту мысль, как за спасательный круг.

«Он отвечает за мою безопасность. Это его работа.»

Повторяю это снова. И снова. И снова. Но почему-то впервые в жизни собственные убеждения звучат неубедительно. Внутри меня уже зародился страх, который невозможно объяснить одним только чувством благодарности. И именно это пугает меня гораздо сильнее, чем выстрелы, оставшиеся позади.

11 Глава

Амелия

Сознание возвращается медленно, будто кто-то силой вытаскивает меня из вязкой темноты, не позволяя остаться там еще хотя бы на несколько минут. Сначала приходит боль. Не острая — тяжелая, глухая, пульсирующая где-то под ключицей, словно в плечо засунули раскаленный кусок металла и забыли вытащить. Каждый вдох тут же отзывается неприятным жжением, заставляя мышцы непроизвольно напрягаться. Следом появляется запах — знакомый до отвращения. Кровь. Антисептик. Спирт. Лекарства. Чистые бинты. За годы работы организм научился узнавать этот запах раньше, чем сознание окончательно просыпается. Только потом начинают пробиваться звуки: размеренный писк медицинского монитора, тихое гудение кондиционера и приглушенные мужские голоса где-то совсем рядом. Они доносятся словно сквозь толщу воды, и я еще несколько секунд не могу понять, что происходит.

Я не открываю глаза.

Пытаюсь вспомнить.

Последние минуты жизни рассыпаются в голове короткими вспышками, не желая складываться в единую картину. Парковка казино. Оглушительная автоматная очередь. Кри-

ки охраны в рациях. Черный внедорожник, вылетевший к служебному въезду. Голубые глаза Амелии, в которых впервые вместо раздражения появился настоящий страх. Моя ладонь, толкающая ее вниз, за бронированную машину. Потом сильный удар в плечо, будто кто-то со всей силы врезал бейсбольной битой. Боль. Горячая кровь, мгновенно пропитавшая рубашку. Еще чьи-то крики. Темнота.

Дальше ничего.

Не помню, как упал. Не помню, кто вытащил меня с парковки. Не помню даже, как оказался здесь.

Помню только одно. Я успел закрыть ее собой. И именно поэтому первая мысль, которая появляется раньше всех остальных, оказывается до смешного простой и одновременно страшной.

Амелия жива?

Вопрос возникает сам собой, еще до того, как я окончательно прихожу в себя, и неожиданно понимаю одну вещь. Если ответ отрицательный, все остальное теряет смысл. Неважно, сколько крови я потерял. Неважно, задела ли пуля кость. Неважно, сколько времени длилась операция. Все это становится абсолютно бессмысленным.

Я медленно открываю глаза.

Сначала потолок превращается в расплывчатое светлое пятно, потом зрение постепенно проясняется, и знакомые очертания комнаты начинают складываться в единое пространство. Темные деревянные панели. Книжные стелла-

жи вдоль стены. Высокое окно, скрытое тяжелыми графитовыми шторами. Кожаное кресло возле камина. Это не больница. Моя спальня. Только сейчас она совсем не похожа на спальню. Возле кровати стоит кардиомонитор, рядом негромко работает капельница, на передвижном металлическом столике аккуратно разложены хирургические инструменты, перевязочный материал и ампулы с лекарствами. Воздух насквозь пропитан запахом медикаментов. Несколько часов назад здесь была полноценная операционная.

У окна стоят двое.

Доктор Ферраро спокойно складывает хирургические инструменты в металлический кейс, пересчитывая каждый зажим с привычной педантичностью человека, который работает с нашей семьей уже больше двадцати пяти лет. Рядом с ним стоит отец. Руки, как всегда, сцеплены за спиной, лицо остается спокойным, но слишком хорошо знаю этого человека, чтобы не заметить едва уловимую усталость в его глазах. За последние сутки он будто стал старше. Не внешне. Взглядом.

Наверное, почувствовав, что я смотрю на них, отец первым поднимает голову. Их разговор мгновенно обрывается. Доктор тоже поворачивается в мою сторону и, заметив открытые глаза, облегченно выдыхает.

— Проснулся, — спокойно произносит он, подходя ближе. Его голос звучит так же ровно, как всегда, словно речь идет не о пулевом ранении, а о сезонной простуде. — Уже

начал думать, что обезболивающее понравилось тебе больше, чем следовало.

Я пытаюсь усмехнуться, но движение тут же отдается такой болью в плече, что приходится сильнее стиснуть зубы. Доктор замечает это мгновенно. Осторожно приподняв край повязки, он быстро осматривает швы, затем удовлетворенно кивает самому себе.

— Не геройствуй, — спокойно говорит он, поправляя бинты. — Пуля прошла навылет. Кость не задета. Артерию тоже не зацепило. Повезло. Еще пара сантиметров — и мне пришлось бы сообщить твоему отцу совсем другие новости, — заканчивает он тем же ровным, почти будничным тоном. Я почти не слушаю.

Все внимание уже приковано к человеку, который молча стоит у окна.

— Амелия?.. — хрипло спрашиваю я, чувствуя, насколько чужим стал собственный голос.

Отец не отвечает сразу. Несколько секунд он просто смотрит на меня так внимательно, что становится не по себе. Потом его напряженные плечи едва заметно расслабляются.

— Цела, — спокойно отвечает он. В его голосе нет ни лишних эмоций, ни пафоса. Только констатация факта. — Благодаря тебе.

Воздух сам собой медленно выходит из легких. Я закрываю глаза всего на секунду, позволяя себе впервые после пробуждения по-настоящему выдохнуть. Только сейчас по-

нимаю, что все это время был готов услышать совсем другой ответ. Боль, операция, кровь, собственное состояние — все становится второстепенным. Главное, что она жива.

Когда снова открываю глаза, замечаю, что отец продолжает смотреть на меня. Не как глава семьи, оценивающий человека, выполнившего приказ. И не как отец, проверяющий состояние сына после операции. В его взгляде появляется что-то настороженное. Будто за последние несколько часов он увидел во мне то, чего раньше не замечал. Эта мысль раздражает почти так же сильно, как боль в плече.

Доктор закрывает кейс, бросает последний взгляд на монитор и снимает медицинские перчатки.

— Температуру контролируйте каждые два часа. Повязку менять завтра утром. Левую руку не нагружать минимум неделю. Если начнется кровотечение или поднимется температура выше тридцати восьми — сразу звоните мне, — спокойно перечисляет он, обращаясь уже к отцу.

— Спасибо, доктор, — отвечает отец таким же ровным голосом. — Остальное мы сами.

Ферраро коротко кивает, подхватывает кейс и выходит из комнаты. Отец направляется следом, но уже у самой двери неожиданно останавливается. Несколько секунд он стоит молча, не оборачиваясь, словно раздумывает, стоит ли вообще произносить следующую фразу. Потом все-таки тихо говорит:

— Она не отходила отсюда почти пять часов.

Я непонимающе смотрю ему в спину.

— Кто? — автоматически спрашиваю я, все еще не до конца придя в себя.

Отец медленно поворачивает голову. На его лице впервые за весь день появляется едва заметная усталая усмешка.

— Не заставляй меня произносить очевидные вещи, — спокойно отвечает он, внимательно глядя мне в глаза, словно проверяет мою реакцию.

Я ничего не отвечаю. Да и не успеваю.

Отец молча выходит из комнаты, тихо закрывая за собой дверь. В спальне сразу становится непривычно тихо. Слышно только мерное тиканье часов, негромкий писк кардиомонитора и собственное дыхание. Несколько минут я просто лежу, глядя в потолок и пытаюсь понять, почему слова отца до сих пор звучат в голове громче автоматной очереди.

Потом ручка двери медленно опускается вниз. Дверь открывается настолько тихо, что я скорее чувствую ее появление, чем слышу. Поднимаю взгляд — и на несколько секунд забываю даже о боли, которая все это время пульсировала где-то под повязкой.

Амелия выглядит совсем иначе.

За те несколько дней, что она живет в этом доме, я успел увидеть ее раздраженной, упрямой, злой, растерянной, насмешливой. Видел, как она закатывает глаза на каждое мое слово, как упрямо спорит с отцом, как смеется над очередной глупостью Энцо, как пытается доказать всему миру, что

справится абсолютно со всем самостоятельно. Сейчас от всего этого почти ничего не осталось. Под глазами легли заметные тени, волосы собраны кое-как, будто она несколько раз пыталась их привести в порядок, но каждый раз бросала на полпути. На светлом свитере до сих пор виднеются едва заметные бурые разводы. Кровь. Моя кровь. Кажется, она даже не заметила, что так и не переделалась после нападения. Но сильнее всего меня цепляют ее глаза. В них больше нет привычного вызова. Нет раздражения. Нет желания сказать что-нибудь колкое только для того, чтобы посмотреть на мою реакцию. Осталось лишь напряжение, которое она отчаянно пытается спрятать за привычной маской.

Она делает еще несколько шагов и только теперь замечает, что я уже не сплю.

На какое-то мгновение ее лицо меняется так быстро, что, наверное, любой другой человек этого бы не увидел. Напряженные плечи едва заметно опускаются, дыхание становится глубже, а в глазах мелькает такое облегчение, что внутри у меня что-то неприятно сжимается. Оно исчезает почти сразу. Уже через секунду она снова надевает свою привычную броню.

— Наконец-то, — тихо говорит Амелия, подходя ближе. Она складывает руки на груди, словно пытается вернуть себе привычную уверенность, и качает головой. — Ты вообще умеешь делать что-нибудь без драматических спецэффектов? — заканчивает она с плохо скрываемым раздражением,

которое сейчас слишком уж похоже на испуг.

Я едва заметно усмехаюсь.

— Иногда, — спокойно отвечаю я, чувствуя, как натягивается кожа под повязкой.

Она сразу фыркает, даже не пытаясь сделать вид, что поверила.

— Врешь, — произносит Амелия почти автоматически, но в ее голосе уже нет той легкости, с которой она обычно меня поддевает.

После этих слов в комнате снова становится тихо.

Она продолжает стоять возле кровати.

Я продолжаю смотреть на нее.

Никто из нас не знает, что сказать дальше.

Странно.

Еще неделю назад мы могли спорить из-за любой мелочи. Сейчас между нами повисает тишина, которая оказывается куда тяжелее любого разговора.

Потом она первой нарушает молчание.

— Что вообще происходит? — спрашивает Амелия уже совсем другим голосом. Тихим. Уставшим. Без привычной иронии. — Только честно.

Я молчу.

Наверное, слишком долго.

Потому что прекрасно понимаю — этот момент однажды должен был наступить. После вчерашнего нападения продолжать делать вид, будто семья Моретти — просто владель-

цы сети казино, уже невозможно. Она видела слишком много. Слышала слишком много. И едва сама не погибла из-за того, о чем до сих пор ничего не знает.

Похоже, пришло время перестать скрывать хотя бы часть правды.

— Ты спрашивала, почему меня не отвезли в больницу, — наконец спокойно произношу я, не сводя с нее взгляда.

Она молча кивает.

— Потому что любая больница обязана сообщить полиции о человеке с огнестрельным ранением, — продолжаю я тем же ровным голосом. — Через несколько минут там появились бы детективы. Потом журналисты. Еще через час весь город уже обсуждал бы, что один из сыновей Лоренцо Моретти получил пулю возле собственного казино.

Я ненадолго замолкаю.

— Мы не можем себе этого позволить.

Амелия внимательно слушает, но по ее лицу понимаю — мои слова только рождают новые вопросы.

Она делает еще один медленный шаг ближе к кровати.

— Но почему? — тихо спрашивает она, искренне не понимая. — Почему нельзя просто сказать правду?

Я невесело усмехаюсь. Получается совсем безрадостно.

— Потому что правда нравится далеко не всем, — спокойно отвечаю я, устало прикрывая глаза на секунду.

В комнате снова становится тихо. Я никогда раньше не рассказывал ничего подобного человеку, который не родил-

ся внутри этой семьи. И, если честно, понятия не имею, с чего вообще начинают такие разговоры. Несколько секунд собираюсь с мыслями, после чего снова смотрю на нее.

— Отец не соврал тебе, — медленно говорю я. — Нам действительно принадлежат гостиницы, казино, строительные компании, логистические фирмы. Все это существует. Все это приносит огромные деньги. Это настоящий бизнес.

Я делаю короткую паузу.

— Но это лишь та часть, которую можно показать миру.

Амелия не перебивает.

Просто смотрит на меня так внимательно, словно боится пропустить хотя бы одно слово. Я чувствую, как собственный голос становится еще тише.

— Остальное... совсем другое.

Еще несколько секунд молчания.

— Семья Моретти десятилетиями контролирует поставки оружия.

Слова звучат удивительно спокойно. Слишком спокойно.

— Международные наркотрафики. Нелегальные маршруты перевозок. Людей, которые работают на нас, гораздо больше, чем ты можешь представить. И людей, которые хотят занять наше место, — тоже.

Я замечаю, как пальцы Амелии медленно сжимаются на спинке кресла.

Но продолжаю говорить.

— Именно поэтому вокруг особняка столько охраны.

Именно поэтому мы ездим на бронированных машинах. Именно поэтому доктор Ферраро оперировал меня здесь, а не в городской клинике. Любой врач в больнице обязан был бы сообщить полиции о пулевом ранении. А нам полиция нужна меньше всего.

Она молчит. Очень долго. На ее лице не остается ни одной эмоции. Будто мозг просто отказывается принимать услышанное. Потом она медленно поднимает на меня взгляд.

— Значит... отец... — почти шепотом произносит она, так и не заканчивая вопрос.

— Глава одной из крупнейших криминальных организаций, — спокойно договариваю я за нее, не пытаясь ничего приукрасить.

После этих слов комната окончательно погружается в тишину. Я неожиданно понимаю, что сейчас боюсь гораздо сильнее, чем вчера, когда вокруг летели пули.

Не потому, что она узнала правду. А потому, что впервые за долгое время мне действительно важно, что она сейчас обо мне думает.

Я боюсь увидеть в ее глазах страх. Или отвращение. Боюсь, что она сейчас молча развернется, выйдет за дверь и больше никогда не сможет смотреть на меня так же, как раньше.

Но Амелия не уходит. Она медленно опускается в кресло рядом с кроватью, не сводя с меня взгляда. И продолжает молчать. Она сидит неподвижно, положив ладони на колени,

и смотрит куда-то в одну точку, будто услышанное оказалось слишком тяжелым, чтобы осознать его сразу. За последние несколько минут привычный мир, в котором существовали богатый отец, роскошный особняк и семейный бизнес, окончательно рассыпался, открывая совсем другую сторону семьи Моретти. Я не тороплю ее. За годы жизни в этом мире я слишком хорошо понял одну вещь — некоторые слова невозможно принять сразу. Им нужно время. Иногда часы. Иногда годы. Поэтому я просто жду, наблюдая, как она медленно поднимает голову и наконец встречается со мной взглядом.

— Поэтому ты вчера закрыл меня собой? — тихо спрашивает Амелия, и в ее голосе нет ни обвинения, ни злости. Только искреннее желание понять. Она внимательно смотрит мне в глаза, словно заранее готовится услышать, что это был приказ Лоренцо, долг телохранителя или обычная профессиональная привычка.

— Нет, — спокойно отвечаю я почти сразу.

Она заметно хмурится. Такой ответ явно застает ее врасплох. Несколько секунд она молчит, будто ждет продолжения, и я понимаю, что могу сейчас соврать. Сказать, что выполнил приказ отца. Что так поступил бы с любым человеком, которого обязан охранять. Что все произошло автоматически благодаря многолетним тренировкам. Любая из этих версий прозвучала бы убедительно. Любая была бы безопаснее правды. Но почему-то именно сейчас впервые за

долгое время мне не хочется прятаться за привычной холодностью.

Я медленно выдыхаю, чувствуя, как боль в плече напоминает о себе при каждом движении.

— Потому что не успел подумать, — тихо признаюсь я, продолжая смотреть ей в глаза.

Слова повисают между нами тяжелой тишиной. Я сам неожиданно понимаю, насколько они честные. Не было никакого расчета. Ни одной холодной мысли. Ни анализа ситуации. Ни оценки риска. Я не вспоминал приказ отца. Не думал о собственной работе. Не просчитывал, успею ли закрыть ее до того, как прозвучит следующий выстрел. Перед глазами оказался только ствол оружия, направленный в ее сторону, и дальше тело среагировало быстрее разума. Осознание этого приходит только сейчас. Лежа в собственной комнате после операции. И именно поэтому мои собственные слова пугают меня сильнее, чем вчерашняя перестрелка.

Амелия медленно опускает взгляд. Она словно прокручивает услышанное у себя в голове снова и снова, пытаюсь найти в моих словах скрытый смысл. Потом чуть сильнее сжимает пальцы и тихо произносит:

— Получается... они стреляли... из-за меня?

Я сразу отрицательно качаю головой.

— Нет, — спокойно отвечаю я, не позволяя ей закончить эту мысль. — Они стреляли по нашей семье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.